

ST. PETERSBURG STATE UNIVERSITY

GERMAN PHILOLOGY
IN ST. PETERSBURG
STATE UNIVERSITY

VI

CONSTANCE AND VARIATION
IN GERMAN LANGUAGE

Collection papers

Edited by: *Galina A. Baeva, Lilia Birr-Tsurkan, Nikolaj A. Bondarko*

ST. PETERSBURG UNIVERSITY PRESS

Deutsche
Philologie

VI

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

НЕМЕЦКАЯ ФИЛОЛОГИЯ
В САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОМ
ГОСУДАРСТВЕННОМ
УНИВЕРСИТЕТЕ

VI

КОНСТАНТНОСТЬ И ВАРИАТИВНОСТЬ
В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Под редакцией Г. А. Баева, Л. Ф. Бирр-Цуркан, Н. А. Бондарко

ИЗДАТЕЛЬСТВО САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

УДК 81.42
ББК 81.2Нем
Н50

Рецензенты: д-р филол. наук, проф. *Л. Ю. Щипицина* (Северный Арктический федеральный университет им. М. В. Ломоносова); канд. филол. наук, доцент *И. Е. Езан* (С.-Петербург. гос. ун-т)

*Печатается по решению
Филологического факультета
Санкт-Петербургского государственного университета*

Немецкая филология в Санкт-Петербургском государственном университете. Вып. VI: Константность и вариативность в немецком языке»: сб. науч. ст. / под ред. д-ра филол. наук Г. А. Бaeовой, канд. филол. наук Л. Ф. Бирр-Цуркан, д-ра филол. наук Н. А. Бондарко. — СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2016. — 224 с.

В настоящий сборник вошли исследования по актуальной проблеме современной лингвистики — выявлению константных и вариативных признаков разноформатных языковых единиц в синхронии и диахронии: от текста до отдельного слова. Авторы стремились показать проблему константности и вариативности с учетом достижений когнитивно-коммуникативного подхода к языку и раскрыть прикладной потенциал обобщений, полученных при выявлении лингвистически значимых закономерностей.

Издание рассчитано в первую очередь на филологов-германистов, но может представлять интерес и для лингвистов широкого профиля, интересующихся вопросами константности и вариативности в естественных языках.

ББК 81.2Нем

ПРЕДИСЛОВИЕ

Способность языка к постоянному преобразованию неотделима от его природы.

Герман Пауль

Тема сборника, заявленная в названии, широка и включает в себя практически все аспекты функционирования немецкого языка как в синхронии, так и в диахронии. Константность и вариативность, постоянство и переменность суть языковых изменений, которые являются результатом непрерывной «подстройки» языковой системы к перманентно обновляющимся задачам общения, ибо как писал Флайшер: «Языковое освоение постоянно меняющегося мира, который окружает человека, требует непрерывного расширения словаря» (Fleischer W. Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache. Tübingen, 1981. S.9). При этом материальность и осязаемость языкового постоянства или варьирования как в лексике, так и в грамматике становятся очевидными лишь при выборе тех или иных языковых структур для успешного осуществления речевых действий в письменной или устной коммуникации. Сложность описания такого процесса заключается в том, что оно проводится без учета перспективы конечного состояния, а ориентировано на языковое прошлое, что придает новую значимость истории языка. Ее задача состоит не только в том, чтобы обнаруживать прошлые состояния, но и в том, чтобы реконструировать настоящее, исходя из перспективы его эволюции. Современное состояние любого языка — это непреднамеренный результат речевых действий, которые выбирали сменяющие друг друга поколения говорящих. В языке идет постоянное накопление непрерывных изменений, которое включает в себя как позитивные процессы поддержания системы, так и процессы забывания определенных единиц языка. Язык Вальтера фон дер Фогельвайде отделяет от нас примерно двадцать пять поколений, и он содержит как элементы, утраченные в современном языке, так и те особенности и константные конструкции, которые позволяют считать его немецким языком. Константность и вариативность языка во многом определяется

его конвенциональностью и произвольностью выбора, что, например, позволяет объяснить варьирование языковых средств в рамках коммуникативных регистров и т.п. Именно эти рассуждения о развитии немецкого языка аккумулируют основное содержание предложенных в сборнике научных статей.

Структура настоящего сборника построена от общего к частному: от текста (дискурса) к его конституэнтам. Первый раздел **«Константность и вариативность в организации текстов разных типов: синхрония и диахрония»** посвящен константным и вариативным признакам нескольких типов текста: имперскому судебнику (Reichsgerichtsordnung) на примере текстов с 1471 до 1521 гг. (Ф. Зиммлер), кулинарным рецептам с их изменчивой архитектурой и варьированием синтактико-морфологических способов выражения рекомендаций (Г.С. Москалюк), путевым заметкам, функции и структура которых рассматриваются в статье Д.Е. Нифонтовой на материале ранее не исследованной рукописи — путевых заметок Фридриха фон Грама о его путешествии по проливу Большой Бельт. Интертекстуальности как особому явлению в немецкоязычных текстах XVI в. и выявлению ее маркеров, определяющих жанровую принадлежность текстов и их связь с другими текстами, посвящена статья М.А. Олейник. Завершает раздел исследование И.А. Вороновской, в котором авторское предисловие анализируется как паратекстовый элемент научной монографии и выделяются константные и вариативные коммуникативно-смысловые блоки авторского предисловия.

Во втором разделе сборника **«Языковые единицы и их текстовые функции»** для анализа выбраны стереотипные формульные конструкции ввода речи персонажей в средневековом немецкоязычном эпосе (Г.А. Баева) и в немецком прозаическом романе XV–XVI вв. (Н.В. Понамарева). В этих статьях выявлены типичные константные формулы ввода прямой речи и определены вариативные компоненты, называющие адресата речевого действия или дающие эмоционально-оценочную характеристику речи персонажа с позиций автора-повествователя. В статье Л.Ф. Бирр-Цуркан описываются способы вербализации эмоций героев средневековых немецкоязычных рыцарских романов. Сравнения средневерхненемецкого языка, содержащие в качестве образа сравнения темпоральные существительные, являются предметом анализа Е.С. Тихоновой. В статье показано, что при наличии темпорального

существительного сравнение обычно осуществляется по признаку «наличие/отсутствие света или сияния», а самым частотным образом сравнения является существительное *tac* «день», что характерно не только для немецкой литературы, но и для литературы других индоевропейских народов.

В разделе «**Вариативность единиц разного уровня**» описываются различные уровни вариативности, например, диалектальная (нижнеалеманнские вкрапления в эльзасских рукописях в статье *Н. А. Бондарко*), грамматическая (классификация имен существительных по родам в статье *А. В. Мельгуновой*), словообразовательная (словообразовательная контаминация в современном немецком языке в статье *Л. Я. Слининой*), переводческая (*Л. Н. Григорьева* и *К. А. Филиппов*). Особое место в этом разделе занимает вариативность в номинативном аспекте (работы *С. А. Жилюка* и *Т. В. Пономаревой*, *В. П. Земсковой*, *Е. А. Ковтуновой*). В статье *А. В. Елисейевой* рассмотрена функция иностранных слов из разных языков в порождении смыслов текста, относящегося к такому достаточно новому и интенсивно развивающемуся явлению как «язык и литература мигрантов».

Логическим завершением сборника является рецензия на новый учебник истории немецкого языка, посвященный языковым изменениям и языковому варьированию: *D. Nübling, A. Dammel, J. Duke, R. Szczepaniak. Historische Sprachwissenschaft des Deutschen: Eine Einführung in die Prinzipien des Sprachwandels.*

Г. А. Баева

I. KONSTANTHEIT UND VARIATIVHEIT IN DER ORGANISATION VON TEXTEN VERSCHIEDENER TYPEN: SYNCHRONIE UND DIACHRONIE

УДК 811.112.2

FRANZ SIMMLER
Freie Universität Berlin

KONSTANZ UND VARIABILITÄT IN DER TRADITION DER TEXTSORTE ‚REICHSGERICHTSORDNUNG‘ VON A. 1471 BIS A. 1521

Schlüsselwörter: Textsorte, Texttypologie, Konstanz, Variabilität, Reichsgerichtsordnung, Makrostruktur, Initiatoren, Terminatoren.

Im Beitrag werden Konstanz und Variabilität in der Textsorte ‚Reichsgerichtsordnung‘ von 1471 bis 1521 behandelt und textuelle Merkmale von den Initiatoren und Terminatoren über die Makrostrukturen bis hin zur Syntax und Lexik erforscht. Die Ergebnisse der durchgeführten Analyse bieten eine Grundlage für weitere texttypologische Ausführungen. Die behandelten Textsortenvarianten folgen diachron aufeinander und zeigen die sich ändernden Entscheidungsbefugnisse von Kaiser/König und die zunehmenden Mitwirkungsmöglichkeiten der Territorialherren und den systematischen Ausbau der Regelungen, die die Gerichtsorganisation, das Gerichtsverfahren und die Berücksichtigung des römisch-kanonischen Rechts betreffen.

I. Forschungsstand, Materialgrundlage und Erkenntnisziel

Während die Reichsgerichtsordnungen in der Rechtsgeschichte einen zentralen Untersuchungsgegenstand bilden¹, wurden sie unter textlinguistischen Aspekten bisher noch nicht behandelt. Im Folgenden ist es das Erkenntnisziel, die Textsortenvarianten der Textsorte ‚Reichsgerichtsordnung‘ anhand der textuellen Überlieferungen von a. 1471 bis a. 1521 zu ermitteln und die dabei auftretende Konstanz und Variabilität, die die Typologie begründen, aufzuzeigen.

Als Materialgrundlage dienen folgende Textexemplare:

1. Kammergerichtsordnung Kaiser Friedrichs III., Entwurf von a. 1471, Kopie a. 1476 (= RGO I)

¹ Vgl. dazu den Forschungsbericht von F. Simmler, in: F. Simmler — C. Wich-Reif (Hg.), Textsorten und Textallianzen um 1500, Handbuch Teil 2.

(Hessisches Staatsarchiv Darmstadt, E 9 Nr. 50 (alt: E 9 Nr. 2/1); Kurze Handschriftenbeschreibung: F. Battenberg, Archiv für hessische Geschichte und Altertumskunde. NF. 36 (1978) S. 38f.; Edition: F. Battenberg, Archiv für hessische Geschichte und Altertumskunde. NF. 36 (1978) S. 51–59 einschließlich der Namen der a. 1471 eingesetzten Richter, Urteiler, Prokuratoren, Advokaten und Gerichtsschreiber und einer Prokuratorenliste des Hofgerichts Rottweil für das Jahr 1476; F. Battenberg, Beiträge, S. 74–81; NSRA, I, S. 249–252; K. Zeumer, Quellensammlung, Nr. 170, S. 270–273)²

2. Kammergerichtsordnung, Frankfurt, a. April 1486, Entwurf (= RGO II)

(Edition: K. Zeumer, Quellensammlung, Nr. 172, S. 276–280)

3. Kammergerichtsordnung, Nürnberg, a. 15. Mai 1487, Entwurf (= RGO III)

(Edition: J. C. Lünig, Das Teutsche Reichs-Archiv, Band 4, Leipzig 1720, Nr. CCXI, S. 293–296)

4. Reichskammergerichtsordnung, a. 1495, Mainz: Peter Schöffler (= RGO IV)

(Herzog August Bibliothek Wolfenbüttel; Digitalisat: <http://diglib.hab.de/inkunabeln/158-quod-2f-2/start.htm>; Edition: CIC, Nr. I, S. 1–7; NSRA, II, S. 6a–11b; DRTA. MR, V.1.1, Nr. 342, S. 379–428; K. Zeumer, Quellensammlung, Nr. 174, S. 284–291)

5. Kammergerichtsordnung, Lindau, a. 1496 (= RGO V)

(Edition: CIC, Nr. III, S. 7–12)

6. Kammergerichtsordnung, Augsburg, a. 10. September 1500 (= RGO VI)

(Edition: CIC, Nr. V, S. 12–21; NSRA, II, S. 67–77)

7. Kammergerichtsordnung, Konstanz, a. 16. Juli 1510 (= RGO VII)

(Edition: CIC, Nr. VII, S. 21–27; NSRA, II, S. 112–119)

8. Kammergerichtsordnung, Worms, a. 26. Mai 1521 (= RGO VIII)

(Edition: CIC, Nr. XVI, S. 44–56; NSRA, II, S. 179–194)

Um die Konstanz und Variabilität in dieser Materialgrundlage darzustellen, wird auf die umfangreiche Untersuchung von F. Simmler³ zurückgegriffen, in der alle Aussagen im Detail belegt und begründet

² Dem Hessischen Staatsarchiv Darmstadt danke ich herzlich für die Anfertigung einer CD-ROM.

³ Vgl. Anm. 1.

sind und zusätzlich eine Abgrenzung der Textsorten ‚Reichsgerichtsordnung‘ und ‚Reichstagsanordnungen (zu Reichsgerichtsordnungen)‘ vorgenommen wird. Die Ergebnisse sind in den Tabellen 1 bis 5 zusammengestellt. Dabei steht für jede Textsortenvariante ein Textexemplar im Vordergrund — RGO I und IV — das anhand der zeitgenössischen Überlieferung und nicht anhand von die konkreten Überlieferungen in unzulänglicher Weise wiedergebenden Editionen ausgewertet wurden. Auf Variabilitäten in den Textexemplaren innerhalb der Textsortenvarianten wird ergänzend eingegangen.

II. Textsortenvarianten der Textsorte ‚Reichsgerichtsordnung‘

Bei allen Textexemplaren werden externe und interne textuelle Merkmale ermittelt. Die externen Merkmale werden aus den textinternen Hinweisen vor allem der Initiatoren Überschrift, Titelblatt und Vorrede gewonnen. Die internen Merkmale bestehen aus den textuell relevanten Merkmalen der Initiatoren, Terminatoren, der Makrostrukturen, der Syntax und der Lexik. Die Konstanz und Variabilität dieser Merkmale führt zum Ansatz zweier Textsortenvarianten. Die erste Textsortenvariante wird von den RGO I–III gebildet und lässt sich so definieren:

Die erste Textsortenvariante der Textsorte ‚Reichsgerichtsordnung‘ wird extern vom Kaiser erlassen mit dem Textsinn, ein Reichskammergericht einzusetzen und seine Aufgaben und Pflichten zu regeln. Intern besteht sie aus einem Merkmalsbündel aus Initiatoren und einem Terminator, aus der Makrostruktur des Absatzes oder aus der des Kapitels und aus spezifischen syntaktischen und lexikalischen Merkmalen. Die Initiatoren geben eine zeitgenössische Textklassifikation, nennen den Verfasser und die einzusetzende bzw. zu reformierende Institution, legen deren Zusammensetzung und die Notwendigkeit der Vereidigung der Gerichtspersonen fest. Der Terminator fügt den Abfassungsort und das Verkündigungsdatum hinzu. Die Makrostrukturen des Absatzes bzw. die des Kapitels legen in allen drei Textexemplaren der Textsortenvariante I die Aufgaben und Pflichten der Gerichtspersonen und der am Prozess Beteiligten durch Eide fest, formulieren die Zulassungsbedingungen für am Gericht Handelnde und regeln den Verfahrensgang. In den RGO II und III werden die Verfahrensregeln im Hinblick auf die Schriftlichkeit einzelner Verfahren, die Ausstellung der Schriftstücke im Namen des Kaisers, die Klageannahmebedingungen in Erster Instanz und die Achterklärung erweitert. Eine sal-

vatorische Klausel sichert das Recht der Territorialherren. Syntaktisch wird die Textsortenvariante 1 durch eine spezifische Auswahl und Distribution von Verbalsätzen und Nominalsätzen konstituiert. Mit den Verben *setzen*, *ordnen* und *wellen* gebildete Hauptsätze verweisen auf den Verfasser der Ordnung. Mit *folle* konstituierte Hauptsätze kommen am Beginn von Absätzen und Kapitels als erste Teilsätze von Gesamtsätzen bzw. als zweite Teilsätze nach präpositiven Konditionalsätzen vor und legen einzelne Bestimmungen fest. Eingliedrige Nominalsätze bilden Überschriften zu den Eiden, die mit der festen Formel *Ich N glob vnd swere* beginnen. Lexikalisch ist die Textsortenvariante 1 neben den besondere Verbalsatztypen konstituierenden Verben durch spezifische Bezeichnungen für die Verfasser der Ordnung, für die Gerichtspersonen und ihre durch Eide beschworenen Verpflichtungen und für die vor Gericht streitenden Parteien bestimmt.

Die RGO IV–VIII konstituieren eine zweite Textsortenvariante mit folgender Definition:

Die zweite Textsortenvariante wird extern vom König gemeinsam mit den Kurfürsten und Fürsten und der Reichsversammlung vereinbart und in Kraft gesetzt mit dem Textsinn, das Kammergericht zur Sicherung des Landfriedens einzusetzen und seine Aufgaben und Pflichten umfassend zu regeln. Sie besteht intern aus einem Merkmalsbündel aus Initiatoren und Terminatoren, aus den Makrostrukturen der Kapitel und Absätze und aus spezifischen syntaktischen und lexikalischen Merkmalen. Die Initiatoren geben eine zeitgenössische Klassifikation der Textexemplare und ihrer Textteile, nennen die Verfasser, den Adressatenkreis und das Abfassungsdatum. Die Terminatoren wiederholen einzelne Informationen der Initiatoren, nennen zusätzlich Druckort und Drucker und geben der Ordnung durch das königliche Siegel Rechtskraft. Die Makrostrukturen der Kapitel und Absätze legen die personelle Zusammensetzung des Kammergerichts und die Besoldung der Gerichtspersonen fest, regeln die Aufgaben und Pflichten der Gerichtspersonen durch Eide und diejenigen der am Gericht Handelnden und bestimmen die Gerichtsverfahren einschließlich der Appellationsmöglichkeiten. Syntaktisch liegen Gesamtsätze vor, die überwiegend am Anfang von Absätzen auftreten und in denen ein Teilsatz mit dem Modalverben *wollen* oder *folle* konstituiert ist. Die mit *wollen* gebildeten Teilsätze dokumentieren die Entscheidungsgewalt des Königs/Kaisers. Die mit *folle* konstituierten Teilsätze sind erste Teilsätze von Gesamtsätzen bzw. Hauptsätze nach präpositiven Nebensätzen,

vor allem Konditionalsätzen, und legen die Aufgaben und Pflichten der Gerichtspersonen und der am Gericht Handelnden und die Gerichtsangelegenheiten fest. Lexikalisch existieren durch Auswahl und Frequenz und durch distributionelle Verwendungen in Subjekt- und Objektfunktion spezifische Bezeichnungen für die das Kammergericht Einsetzenden, für die Gerichtspersonen, für die am Gericht Beschäftigten, für die klagenden Parteien und ihre Unterstützer und für Gerichtshandlungen in Verbindung mit römisch-kanonischer Rechtsterminologie.

III. Konstanz und Variabilität in den Textsortenvarianten I und II (TSV I und II)

a. Initiatoren und Terminatoren

Die Konstanz und Variabilität bei den Initiatoren und Terminatoren der TSV I und II zeigt sich in der Tab. 1.

Tabelle 1. Konstanz und Variabilität in den Initiatoren und Terminatoren der Textsortenvarianten I und II der Textsorte ‚Reichsgerichtsordnung‘

Textuelle Merkmale	TSV I / RGO I	TSV II / RGO IV
I. Initiatoren		
1. zeitgenössische Textklassifizierung	+	+
a. <i>reformacie</i>	+	-
b. <i>ordenung</i>	+	+
2. Verfasserangabe	+	+
a. <i>Keyser, Römischer künig</i>	+	+
b. Plural <i>maiestatis wir</i>	+	+
c. <i>Kurfürsten, Fürsten, Reichsversammlung</i>	-	+
3. Gerichtszusammensetzung	+	-
4. Notwendigkeit der Vereidigung der Gerichtspersonen	+	-
5. Datierung	-	+
6. Festlegung eines regelmäßigen Versammlungsortes	-	+
II. Terminatoren		
1. Abfassungsort	+	+
2. Druckort	-	+
3. Verkündigungsdatum	+	+
4. Druckdatum	-	+
5. Druckernennung	-	+
6. Kanzleivermerk	+	-
7. Kanzleinotarnennung	+	-
8. Beurkundungsbefehl	+	-

Die gemeinsamen Merkmale begründen die Zuordnung zur selben Textsorte. Die variablen Merkmale bei der in beiden TSV vorhandenen Verfasserangabe dokumentieren in der TSV I die alleinige Entscheidungsgewalt des Kaisers Friedrich III. (1f.) und in der TSV II das gemeinsame Handeln von König, Kurfürsten und Fürsten (3f.):

- (1) Keyfer friderichs reformacie fins kammer gerichtz (RGO I, Bl. 8r/1; B 74/20)⁴
- (2) [1 LZ] Wir [<W> = In (2z)] friderich von gots gnoden Römischer keyfer zů allen zitten mersr des richs czů hungern dalmacien croacien rc kúnig hertzog czů Styre rc Setzen vnd ordenen Das hin für vnser kammer gericht besitzen sollend ein kammer richter mit einer zimlichen zale erbern vnd rederichen besitzern vnd vrteilern die vber bunden finť sollend vnfers kammer gerichtz befolhen zů halten zů gewarten oder des mern vrteils vffer yn Vnd vff das aller argwon der mitten werde sollend die selbend vnd wer hin für zů kammer rihtern vnd vrteilern vff genommen werdent tůn difen noch geschriben eyd der luttet also (RGO I, Bl. 8r/2–10; B 74/21–31)⁵
- (3) Ordnung [<O> = In (3z)] der romif · ko · ma · Camergericht mit allen feinen puncten vnd artickeln wie das dan vff der verfamlung des heiligen Reichs dag zu wormfz jm jar · M · CCCC · XCV · durch vnfern allergnedigsten hern Maximilian rom · ko · Die Churfurften Furften vnd gemeyn verfamlung des heiligen Reichs geordent gefetzt vnd beslossen ift. (RGO IV, Titelblatt, Z. 1–8; NSRA, II, S. 6a/19–21)⁶
- (4) WIr [<W> = In (2z); <I> = Maj]⁷ Maximilian Von gots gnaden Römischer kúnig zu allen zeitten Merer des Reichs · [...] Wir haben aus beweglichen vrfachen eynen gemeynen Landtfrieden durch das Heilige Römische reich vnd deutsche nacion auff gericht vnd zuhalten gebotten · [Spa/3B] Vnd nach dem der selbig ón redlich Erbait vnd furderlich Recht · fwerlich bes teen magk [ZR] Darvmb

⁴ Wiedergegeben ist der handschriftliche Befund. Zitiert wird die RGKO II nach einer modernen Blattzählung und der Zeilenangabe; mit B + Seiten- und Zeilenangabe wird auf die Edition von F. Battenberg verwiesen.

⁵ LZ = Leerzeile, In = Initiale, z = zeilig. Durchstreichungen in der Handschrift sind Selbstkorrekturen des Schreibers.

⁶ Zitiert wird die Druckausgabe nach der originalen Blattzählung mit Zeilenangabe; normalisiert werden nur die beiden r-Buchstaben. Als Edition wird auf die NSRA verwiesen, weil sie in der Literatur, nicht nur der älteren, zitiert wird und die Neuedition der DRTA noch nicht abgeschlossen ist. In = Initiale, z = zeilig.

⁷ Maj = Majuskel.

auch gemeynem nutz zufurderung vnd notturfften euwer aller · Vnfer vnd des heiligen Reichs Cammergericht · mit Zeytigem rate Ewer der Churfurften Furlten · vnd gemeyner befamblung · vff vnferm vnd des Reichs tag hie zu wormß auff zurichten vnd zuhalten furgenomen vnd geordent · In form vnd maffe als hernach folget · (RGO IV, Bl. a/ij/1–28; NSRA, II, S. 6a/23–6b/4)

Die Hinweise auf die Gerichtszusammensetzung und die Notwendigkeit der Vereidigung der Gerichtspersonen in den Initiatoren sind variable Merkmale der TSV I. Die Festlegung eines regelmäßigen Versammlungsortes ist ein variables Merkmal der TSV II. Die übrigen variablen Merkmale beruhen auf der unterschiedlichen medialen Präsentation der Textexemplare in Handschrift und Druck.

b. Makrostrukturen

Makrostrukturell kommen in der TSV I in der RGO I nur Absätze und in den RGO II und III nur Kapitel vor.⁸ Sie enthalten die in der Tab. 2 erfassten Bestimmungen:

Tabelle 2. **Makrostrukturen Absatz und Kapitel und ihre Bestimmungen in den Reichsgerichtsordnungen I bis III von a. 1471 bis a. 1487**

Nº	Bestimmungen	RGO I 1471	RGO II 1486	RGO III 1487
1	Eid der Richter und Beisitzer	+	+/ind	+/ind
2	Gerichtsschreiber-Eid	+	+/ind/Leser	+/ind/Leser
3	Zulassungsbedingungen für Fürsprecher und Prokuratoren	+	+	-
4	Zulassungsbedingungen für Advokaten	+	-	-
5	Anzahl der Advokaten und Prokuratoren pro Partei	+	-	-
6	Prokuratoren-Eid	+	+/ind	+/ind
7	Advokaten-Eid	+	+/ind	+/ind
8	a) Kostenlose Advokaten und Prokuratoren für Arme und b) ihre Anzahl bei Fürsten und Städten	+	+/nur 8.b	+/nur 8.b
9	Notwendigkeit eines Eids für Gerichtsboten	+	-	-
10	a) Gerichtsboten-Eid und b) Besoldung der Gerichtsboten	+	+/10.b/ind	+/10.b/ind
11	Säumiskosten bei Nichterscheinen des Klägers	+	+	+

⁸ Zu den diese Makrostrukturen markierenden Repräsentationstypen vgl. Anm. 1.

Nº	Bestimmungen	RGO I 1471	RGO II 1486	RGO III 1487
12	Säumniskosten bei Nichterscheinen des Beklagten und Versäumnisse nach Antwort des Beklagten	+	-	+
13	Zügiges Entscheiden der Gerichtsangelegenheiten	+	+	+
14	Verbot der gleichzeitigen Behandlung mehrerer Gerichtsstreitigkeiten	+	-	-
15	Festlegung der Sportule/ Prozesskostenvorschüsse	+	+	+
16	Schriftlichkeit einzelner Verfahren	-	+	+
17	Schutz der Gerichtsboten	-	+	+
18	Ausstellung aller Schriftstücke im Namen des Kaisers	-	+	+
19	Bedingungen der Klageannahme in Erster Instanz	-	+	+
20	Achterklärung	-	+	+
21	Salvatorische Klausel	-	+	+
22	Gerichtszusammensetzung	-	+	-
23	Erlaubnis eines Essensgeschenkes von einem Gulden an Richter und Beisitzer	-	+	-
24	Aufgaben der geschworenen Gerichtsboten	-	+	-
25	Ersatzverfahren bei Todesfällen	-	+	-
26	Bedingungen für Appellationsannahmen	-	+	-
27	Ablehnung von Interlokutorien	-	+	-
28	Angabe des Streitgegenstandes in Ladungsbriefen	-	+	-
29	Vorläufiger Standort des Kammergerichts	-	+	-
30	Besoldung des Kammergerichtspersonals	-	+	-
31	Anzahl der Gerichtssitzungen pro Woche	-	+	-

Die Tab. 2 führt in der ersten Spalte die Bestimmungen der RGO I auf (Nr. 1–15). Ihnen sind in der Spalte 2 die Befunde in der RGO II und in der Spalte 3 die der RGO III gegenübergestellt. Kommen in den RGO II und III zusätzliche Bestimmungen vor, werden sie mit den Nr. 16–23 an die Regelungen der RGO I angefügt. Bei übereinstimmenden Befunden steht ein <+>, bei Nichtübereinstimmungen ein <->. Zusätze wie *ind* = indirekt bzw. *leser* verweisen auf weitere Unterschiede. Mit <nur 8b> wird auf einen gemeinsamen Teil einer aus <8a+b> bestehenden Bestimmung in der RGO I hingewiesen.

Zwischen der RGO I und der RGO II existieren zehn gemeinsame Bestimmungen, zwischen der RGO I und der RGO III sind es ebenfalls

zehn. Die Gemeinsamkeiten sichern die Zuordnung zur selben Textsortenvariante.

In RGO II und III kommen gemeinsam sechs über die RGO I hinausgehende Bestimmungen vor. Sie betreffen die Schriftlichkeit einzelner Verfahren (Nr. 16), den Schutz der Gerichtsboten (Nr. 17), die Ausstellung aller Schriftstücke im Namen der kaiserlichen Majestät (Nr. 18), die Bedingungen der Klageannahme in Erster Instanz (Nr. 19), die Achterklärung Nr. 20) und die Salvatorische Klausel (Nr. 21), die erstmals festlegt, dass die Gerichtsrechte der Territorialherren durch die Bestimmungen nicht tangiert werden⁹:

- (5) XXVI. Wir wollen auch nymant hiemit sein oberkeit, privilegien oder freyheit benemen und abschneiden, sunder vorbehalten haben, yedoch ob ymant begnadigt wer, des reichs echter zu halten, wollen wir, daß dieselben freyheit wider vollnstreckung der urteil unsers keyserl. cammergerichts nicht gebrucht, und die echter dawider nicht sollen geschützt oder enthalten werden. (RGO II; Zeumer, Nr. 172, S. 279, Z. 44–280, Z. 2)

Ausschließlich in er RGO II sind die beiden Kapitel mit Bestimmungen zur Gerichtszusammensetzung (Nr. 22) und zur Erlaubnis eines Essensgeschenks von einem Gulden für Richter und Beisitzer (Nr. 23) vorhanden. Ebenfalls nur in der RGO II treten die Bestimmungen zu den Aufgaben der geschworenen Gerichtsboten (Nr. 24), zum Ersatzverfahren bei Todesfällen (Nr. 25), zu den Bedingungen der Appellationsannahmen (Nr. 26), zur Ablehnung von Interlokutorien (Nr. 27), zur Angabe des Streitgegenstandes in Ladungsbriefen (Nr. 28), zum vorläufigen Standort des Kammergerichts (Nr. 29), zur Besoldung der Kammergerichtspersonen (Nr. 30) und zur Anzahl der Gerichtssitzungen pro Woche (Nr. 31) auf. Die meisten Bestimmungen (Nr. 24–28, 31) haben die Funktion, eine zügige Abwicklung der Gerichtsverhandlungen zu ermöglichen.

Die in der TSV II vorhandenen Kapitel und Absätze mit ihren Bestimmungen sind in der Tab. 3 zusammengestellt:

⁹ B. Dick. Die Entwicklung. S. 15.

Tabelle 3. Bestimmungen in den Kapiteln und Absätzen der Textsortenvariante II in den RGO IV–VIII

Nr.	Bestimmungen	RGO IV 1495	RGO V 1496	RGO VI 1500	RGO VII 1507	RGO VIII 1521
1	Gerichtszusammensetzung	+	–	–	+	+
2	Anwesenheitspflicht und Vorsitz	+	–	–	–	+
3	Ersatzverfahren bei Todesfällen	+	–	–	+	+
4	Eid von Richter und Beisitzern	+	–	+	–	+
5	Schriftlichkeit der Verfahren	+	+	+	–	–
6	Eid von Gerichtsschreiber und Leser	+	–	–	(+)	–
7	Eid der Fürsprecher und Redner	+	–	–	–	+
8	Eid der Advokaten	–	–	–	–	+
9	Festlegung des Advokatenlohns	+	–	+	–	–
10	Anzahl der Advokaten und Redner pro Partei	+	+	–	–	–
11	a) Anzahl der besonderen Advokaten und Redner für Fürsten und Städte und b) ihre Eide	+	–	–	–	–
12	a) Eid und b) Besoldung der geschworenen Gerichtsboten	+	+	+	–	+
13	Schutz der Gerichtsboten	+	+	–	–	+
14	Bedingungen der Appellationsannahme	+	+	–	–	–
15	Schriftlichkeit beim Appellationsverfahren	+	–	–	–	–
16	Ausstellung der Schriftstücke im Namen des Königs und mit Namensnennung von Richter und Urteilern	+	–	–	–	–

Nr.	Bestimmungen	RGO IV 1495	RGO V 1496	RGO VI 1500	RGO VII 1507	RGO VIII 1521
17	Bedingungen der Klageannahme in Erster Instanz	+	+	+	-	-
18	Terminangaben in Ladungsbriefen	+	-	+	-	-
19	Festlegung des Gerichtsorts, Freiheiten des Kammergerichts und Verstöße der dort Beschäftigten	+	-	-	+	+
20	Festlegung der Sportule/ Prozesskostenvorschüsse	+	-	+	-	-
21	Kosten für Vorladungen und Briefausstellungen	+	-	-	-	-
22	Säumniskosten bei Nichterscheinen des Klägers	+	+	+	-	-
23	Säumniskosten bei Nichterscheinen des Beklagten	+	+	+	-	-
24	Achterklärung	+	+	+	-	-
25	Appellationsablehnungsgründe	+	-	-	-	-
26	Zügiges Entscheiden der Gerichtsangelegenheiten	+	+	-	-	+
27	Anzahl der Gerichtssitzungen pro Woche	+	-	-	-	+
28	Kostenlose Advokaten und Redner für Arme	+	+	+	-	+
29	Gerichtsverhandlungsablauf bei gegeneinander klagenden Fürsten	+	-	+	-	-
30	Appellationsmöglichkeiten von Untertanen und Fürsten	+	-	+	-	-
31	Einschränkungen des Schutzes durch Privilegien und Freiheiten	+	-	-	-	-

Nr.	Bestimmungen	RGO IV 1495	RGO V 1496	RGO VI 1500	RGO VII 1507	RGO VIII 1521
32	Zusätzliche Eingabemöglichkeiten von Richtern und Urteilern an König und Fürsten	+	-	-	-	-
33	Entscheidung bis zum Endurteil bei Säumigkeit des Beklagten vor und nach seiner Antwort	+	-	-	-	-
34	Verbot gleichzeitiger Behandlung mehrerer Rechtsstreitigkeiten	+	-	-	-	-
35	Notwendigkeit des Eids für ad hoc eingesetzte Richter und Urteiler	+	-	-	-	-
36	Spezifizierungen zur Schriftlichkeit der Verfahren, zur Akteneinsicht, zu Kopieanfertigungen	-	+	+	-	-
37	Rechte und Pflichten des Fiskals	-	+	+	+	+
38	Aufnahme und Prüfung der Notare	-	+	+	-	-
39	Umgang mit Terminierungen	-	+	+	-	-
40	Spezifizierung der Appellationsbedingungen	-	+	+	-	+
41	Aufgaben des Protonotars	-	-	-	+	-
42	Konstitution und Aufgaben der kaiserlichen Kanzlei	-	-	-	+	+
43	Besoldung des Kammergerichtspersonals	-	-	-	+	-
44	Rechenschaftspflicht und Visitationen des Kammergerichts	-	-	-	+	+
45	Urteilsvollstreckung	-	-	-	+	+

Nr.	Bestimmungen	RGO IV 1495	RGO V 1496	RGO VI 1500	RGO VII 1507	RGO VIII 1521
46	Vorgehen gegen Friedensbrecher	-	-	-	+	-
47	Einsetzung von Kommissaren	-	-	-	+	-
48	Strafen für Verstöße von Kanzleipersonal	-	-	-	-	+
49	Strafen für Verstöße von Advokaten und Prokuratoren	-	-	-	-	+
50	Aufgaben des Pedells	-	-	-	-	+

Sie zeigen das sich innerhalb des Untersuchungszeitraums ändernde Verhältnis zwischen den Kompetenzen von Kaiser und Reichsständen. Dies führt dazu, dass Bestimmungen der RGO IV erweitert, spezifiziert, modifiziert und Regelungen korrigiert werden. Dabei werden explizit Relationen zur RGO IV und zu anderen auf vorangegangenen Reichstagen behandelten und beschlossenen RGO hergestellt, so dass der Entstehungsprozess der Regelungen und die dabei notwendigen Veränderungen zu erkennen sind:

(6) *Tit. XXIV.*

Die Articul des Cammer=Ge=richts / zu Lindau und Freyburgaufgericht / werden hiermit ratificirt.

[Spa/2B] Als auf dem gehaltenen Reichstag zu Lindau und Freyburg etliche Articul und Ordnung / das Cammer=Gericht betreffend / von Unferm Cammer Richtern und Beyfitzern fürbracht / zugelaffen / und darauf durch Sie zu Wormbs öffentlich angechlagen und verkündt worden sind / dieselbe jetzt allhier / was daran hierinn mit gebeffert oder geändert / auch Wir anfänglich zu Lindau und nachfolgend zu Freyburg zugelaffen und *ratificirt*, lauten wie hernach folgt. (RGO VI, CIC, Nr. V, S. 16b/9–24; ganzes Kap. 24)¹⁰

(7) *Tit. IV.*

Daß alle hierin nicht geänderte Cammer=Gerichts=Ordnungen in Kräfteften bleiben sollen.

¹⁰ Unterstreichung = größere und fettere Drucktype in der Überschrift; Unterstrichelung = größere und fettere Drucktype; Spa = Spatium = Einzug, B = Buchstabe.

[Spa/2B] Deßgleichen setzen / ordnen und wollen Wir / daß alle andere Unfere Cammer=Gerichts=Ordnungen / anfänglich zu Worms und hernach uff andern gehaltenen Reichs=Tagen gemacht / die nicht hierinn geändert feind / die Sechs Jahrlang in Kräfften und Wefen feyn / bleiben / und ftrenglich gehalten werden sollen / ohn Unfer oder Mäniglichs Eintrag und Hinderung. (RGO VII, CIC, Nr. VII, S. 22a/15–27)

In den auf die RGO IV folgenden RGO werden nicht alle Bestimmungen explizit noch einmal aufgeführt, die unverändert bleiben. So sind von den 35 Bestimmungen der RGO IV in der RGO V nur elf, in der RGO VI nur dreizehn, in der RGO VII nur vier und in der RGO VIII nur zwölf enthalten. Die nicht wiederholten Regelungen bleiben jedoch gültig, wenn ihnen nicht explizit widersprochen und eine Korrektur vorgenommen wird (vgl. Beispiel 7). Die über die RGO IV hinausgehenden Bestimmungen betreffen in den RGO V und VI Spezifizierungen zur Schriftlichkeit der Verfahren, zur Akteneinsicht und zu Kopieanfertigungen (Nr. 36), ferner die Rechte und Pflichten des Fiskals (Nr. 37)¹¹, die Aufnahme und Prüfung der Notare (Nr. 38), den Umgang mit Terminierungen (Nr. 39) und die Spezifizierungen der Appellationsbestimmungen (Nr. 40). Insgesamt geht es um eine Steigerung der Einsicht der streitenden Parteien in die Verfahrensabläufe und um eine Beschleunigung der Verfahren.

In der RGO VII werden festgelegt die Aufgaben des Protonotarius (Nr. 41), die Konstitution und Aufgaben der kaiserlichen Kanzlei (Nr. 42)¹², die Besoldung des Kammergerichts (Nr. 43), die Rechenschaftspflicht und die Visitationen¹³ des Kammergerichts (Nr. 44), die Urteilsvollstreckung (Nr. 45), das Vorgehen gegen Friedensbrecher (Nr. 46) und die Einsetzung von Kommissaren (Nr. 47). Als zentrale Neubestimmungen erweisen sich die Konstitution einer kaiserlichen Kanzlei, das Bemühen um eine Sicherung der Vollstreckung der Urteile und um die Rechenschaftspflicht des Kammergerichts und die Überprüfung der Arbeit des Kammergerichts durch Visitationen.

¹¹ Dazu B. Dick. Die Entwicklung. S. 26; R. Smend. Das Reichskammergericht. S. 359–365.

¹² Dazu B. Dick. Die Entwicklung. S. 33; R. Smend. Das Reichskammergericht. S. 311–341.

¹³ Zu den von a. 1510 bis a. 1517 jährlich stattfindenden Visitationen B. Dick. Die Entwicklung. S. 29.

In der RGO VIII werden einzelne Bestimmungen der RGO VII nochmals aufgeführt (Nr. 42, 44f.). Zusätzlich werden Strafen für Verstöße der Kanzlei-Personen (Nr. 48) und solche von Advokaten und Prokuratoren (Nr. 49) vorgesehen, um stärker gegen Missbräuche vorgehen zu können.

Da die Bestimmungen der RGO IV, soweit sie nicht geändert werden, in Kraft bleiben, konstituieren die RGO V–VIII zusammen mit der RGO IV eine zweite Textsortenvariante; die in den RGO V–VIII vorhandenen zusätzlichen Regelungen sind variable Elemente und begründen keine weiteren Textsortenvarianten.

Die Bestimmungen der TSV I und II sind anhand der RGO I und IV in der Tab. 4 einander gegenübergestellt:

Tabelle 4. Bestimmungen in den Absätzen bzw. den Kapiteln und Absätzen der Reichsgerichtsordnungen I und IV von a. 1471 und a. 1495

Nr	Bestimmungen	RGO I 1471	RGO IV 1495
1	Eid von Richtern und Beisitzern	+	+
2	Eid des Gerichtsschreibers	+	+
3	Zulassungsbedingungen für Prokuratoren und Fürsprecher	+	+
4	Zulassungsbedingungen für Advokaten	+	+
5	Anzahl der Advokaten und Prokuratoren pro Partei	+	+
6	Prokuratoreneid	+	+
7	Advokateneid	+	+
8	Kostenlose Advokaten und Prokuratoren für Arme; ihre Anzahl bei Fürsten und Städten	+	+
9	Notwendigkeit eines Eids für Gerichtsboten	+	+
10	Eid und Bezahlung der Gerichtsboten	+	+
11	Säumniskosten bei Nichterscheinen des Klägers	+	+
12	Säumniskosten bei Nichterscheinen des Beklagten; Verhalten bei Versäumnissen von Kläger und Beklagtem nach der Antwort des Beklagten	+	+
13	Zügiges Entscheiden der Gerichtsangelegenheiten	+	+
14	Verbot gleichzeitiger Behandlung mehrerer Rechtstreitigkeiten	+	+
15	Festlegung der Sportulen/Prozesskostenvorschüsse	+	+
16	Gerichtszusammensetzung	-	+
17	Anwesenheitspflicht und Vorsitz	-	+
18	Ersatzverfahren bei Todesfällen	-	+
19	Schriftlichkeit der Verfahren	-	+
20	Festlegung des Advokatenlohns	-	+
21	Schutz der Gerichtsboten	-	+
22	Bedingungen der Appellationsannahme	-	+

Nr	Bestimmungen	RG O I 1471	RG O IV 1495
23	Schriftlichkeit beim Appellationsverfahren	–	+
24	Ausstellung der Schriftstücke im Namen des Königs und mit Namensnennung von Richter und Urteilern	–	+
25	Bedingungen für Klageannahme in Erster Instanz	–	+
26	Terminangabe in Ladungsbriefen	–	+
27	Festlegung des Gerichtsorts, Freiheiten des Kammergerichts und Verstöße der dort Beschäftigten	–	+
28	Kosten für Vorladungen und Briefausstellungen	–	+
29	Achterklärung	–	+
30	Appellationsablehnungsgründe	–	+
31	Anzahl der Gerichtssitzungen pro Woche	–	+
32	Gerichtsverhandlungsablauf bei gegeneinander klagenden Fürsten	–	+
33	Appellationsmöglichkeiten von Untertanen und Fürsten	–	+
34	Einschränkungen des Schutzes durch Privilegien und Freiheiten	–	+
35	Zusätzliche Eingabemöglichkeiten von Richtern und Urteilern an König und Fürsten	–	+
36	Notwendigkeit des Eids für ad hoc eingesetzte Richter und Urteiler	–	+

Alle Bestimmungen der RGO I kommen auch in der RGO IV vor (Nr. 1–15), wenn auch zum Teil in anderer Reihenfolge und manchmal auf zwei Kapitel bzw. Absätze verteilt. Diese Gemeinsamkeiten begründen makrostrukturell die Zuordnung beider Textexemplare zu einer Textsorte ‚Reichsgerichtsordnung‘. 21 Bestimmungen sind in der RGO IV hinzugefügt (Nr. 16–36). Sie regeln über die RGO I und die RGO II und III hinaus detaillierter vor allem die Gerichtsorganisation und den Verfahrensgang und führen dazu, für die RGO IV und die mit ihr zusammenfassbaren RGO V–VIII eine zweite Testsortenvariante anzusetzen.

Die Entwicklung von der TSV I zur TSV II, in deren RGO IV nach F. Battenberg¹⁴ ein „vorläufige[r] Abschluss“ zur Errichtung einer Gerichtsverfassung erreicht ist, wird von zwei anhand der Makrostrukturen erkennbaren Tendenzen bestimmt, erstens von einer Zunahme detaillierterer Regelungen zur Gerichtsorganisation und zum Gerichtsverfahren und zweitens von einer Integration des römisch-kanonischen Rechts.

¹⁴ Beiträge, S. 17.

c. Syntaktische Merkmale

Die in den TSV I und II vorhandenen textuell relevanten syntaktischen Merkmale sind in der Tab. 5 zusammengefasst:

Tabelle 5. Syntaktische Merkmale in den TSV I und TSV II der Textsorte ‚Reichsgerichtsordnung‘ anhand der RGO I und RGO IV

Nr	Bestimmungen	TSV I / RGO I	TSV II / RGO IV
1	Verbalsätze mit <i>letzen</i> , <i>ordnen</i> und <i>wellen</i> und Subjekt <i>wir</i>	+	-
	a) als Einleitung des zweiten Initiators	+	-
	b) am Absatzbeginn	+	-
	c) innerhalb eines Absatzes nach präpositivem Finalsatz	-	+
2	Verbalsatz mit <i>wollen</i> und Subjekt <i>wir</i>	+	+
3	Eingliedriger Nominalsatz als Überschrift bei Eiden	+	+
4	Sätze mit <i>lollen</i> + Infinitiv	+	+
	a) als erste Teilsätze von Gesamtsätzen am Absatzbeginn	+	+
	b) als Trägersätze nach präpositiven Finalsätzen am Absatzbeginn	+	-
	c) als Trägersätze nach präpositiven Finalsätzen innerhalb von Absätzen	+	+
	d) als Trägersätze nach präpositiven Konditionalsätzen am Absatzbeginn	+	+
	e) als Trägersätze nach präpositiven Konditionalsätzen innerhalb von Absätzen	+	+

Beiden TSV gemeinsam und damit repräsentativ für die Konstitution der Textsorte ‚Reichsgerichtsordnung‘ sind mit *wellen/wollen* und dem Subjekt *wir* gebildete Verbalsätze (Nr. 1c, 2; Beispiel 8f.), eingliedrige Nominalsätze als Überschriften bei Eiden (Nr. 3, Beispiel 10f.) und Sätze mit *lollen* + Infinitiv in verschiedenen Distributionen (Nr. 4, Beispiel 12f.):

- (8) Vff [<V> = In (2z)] das ouch durch vermifchung der reden die fachen nit verhindert noch den rihter vnd vrteilern vnuerftendig gemacht werdend So wellend wir [...] (RGO I, Bl. 10r/3f. = Beginn Abs. 14; B 78/27–29)
- (9) Item fo der vrteiler einer oder mer abkeme · fo wollen wir zu yeder zeit mit Rate vnd willen Churfurften Furfthen vnd der famblung die deffelben jars zufamen komen werden · oder jrer anweld an des oder derfelben ftatt · ander tüglich perfon fetzen · (RGO IV, Bl. a/ij/v/22–25; Abs. 3 in Kap. I; NSRA, II, S. 6b/59–65, dort § 2)

- (10) Der Eyd des Richters und beyfizenden Urteilern. (NSRA, I, S. 249b/43f.; dort Überschrift zu § 1)
- (11) IV. Gerichtsschreiber eydt. Item es sollen geordent werden zween glaubhafftige gerichtsschreiber und ein leser, die auch der keyserlichen maj. globen und sweren sollen, ihrem amt getreulich obzusein und aufzuschreiben, [...] (RGO II; Zeumer, Nr. 172, S. 277, Z. 3–5)
- (12) Ob [<O> = In 1,5z)] aber der antworter begert [...] So fol er in folichen erbeiten also gehöret vnd zūgelaffen werden [...] (RGO I, Bl. 9v/8–12 = Beginn Abs. 12; B 77/33–37)
- (13) Item fo die partheyen zū recht anfangklich gefordert vnd vertagt sein Erfcheint der clager nit oder nymandes von feynen wegen fo die fach mit clag vnd antwurt vnuerfaßt ist fo folle auf des antwurters anruffen der clager vngehorsam · vnd den gerichtts Costen abzulegen erkannt vnd der antwurter auf sein begern ab instancia iudicij · das ist von der ladung abfoluirt werdenn · (RGO IV, Bl. b/j/v/3–8; Abs. 1 in Kap. 5; NSRA, II, S. 9b/3–12, dort § 21)

Bei den Nominalsätzen wird der Nukleus vom Substantiv *eyd* gebildet, dem jeweils ein pränukleares Genitivattribut zugeordnet ist, das den Eidesleister angibt (10f.). Bei den mit *sollen* + Infinitiv konstituierten Sätzen treten als Subjekte Gerichtspersonen, am Gericht Beschäftigte, Gerichtsangelegenheiten, Klageparteien (12) und ihre Anliegen (13) auf.

Als variabel und die TSV I charakterisierend erweisen sich die mit *letzen* und *ordnen* und Subjekt *wir* gebildeten Sätze und ihre Verwendung nach präpositiven Finalsätzen. Dass in RGO IV Trägersätze mit *lollen* + Infinitiv nach präpositiven Finalsätzen innerhalb von Absätzen nicht auftreten (Nr. 4c), ist eine variable distributionelle Besonderheit ohne texttypologische Relevanz.

d. Lexikalische Merkmale

Die lexikalischen Gemeinsamkeiten und Unterschiede der TSV I und II zeigen sich in der Tab. 6.

Die Gemeinsamkeiten bei den Bezeichnungen für die Gerichtspersonen und für die vor Gericht streitenden Parteien begründen die Zugehörigkeit der beiden TSV zur Textsorte ‚Reichsgerichtsordnung‘. Variabel im Hinblick auf die Textsortenbestimmung sind die Verwendungen der Bezeichnungen *leser* (3g), *anwald* (4f), *geschickte* (4g), *notar* (4h) und *redner* (4i) in der RGO I und *urteiler* (3c), *fiscal* (3f) und *fürsprech oder procurator* (4b) in der RGO IV. Sie tragen aber zur Konstitution der beiden TSV I und II bei. Die lateinischen, teilweise neben den deutschen

Tabelle 6. Lexikalische Merkmale in den TSV I und TSV II der Textsorte
,Reichsgerichtsordnung‘ anhand der RGO I und RGO IV

Nr	Lexemgruppen	TSV I / RGO I	TSV II / RGO IV
1	Bezeichnungen für den Verfasser und das Textexemplar (vgl. Initiatoren und Terminatoren)	+	+
2	Bezeichnungen für den Adressatenkreis	+	+
	a) <i>kammer gericht</i>	+	+
	b) einzeln aufgeführte Territorialherren und alle Untertanen	+	+
3	Bezeichnungen für die Gerichtspersonen	+	+
	a) (<i>kammer</i>) <i>richter</i>	+	+
	b) <i>be(y)litzer</i>	+	+
	c) <i>urteiler</i>	+	-
	d) <i>gerichtzschreiber</i>	+	+
	e) (<i>gerichtz</i>) <i>botten</i>	+	+
	f) <i>fiscal</i>	+	-
	g) <i>lefer</i>	-	+
4	Bezeichnungen für die vor Gericht streitenden Parteien	+	+
	a) <i>partey(en)</i>	+	+
	b) <i>fürsprech oder procurator</i>	+	-
	c) <i>clager</i>	+	+
	d) <i>antworter</i>	+	+
	f) <i>anwald</i>	-	+
	g) <i>gefchickte</i>	-	+
	h) <i>notar</i>	-	+
	i) <i>redner</i>	-	+
5	Lateinische Bezeichnungen für Handlungsweisen des Gerichts (Einfluss des römisch-kanonischen Rechts)	-	+
	a) <i>Ichub vnd dilacion</i> ‚Aufschub‘	-	+
	b) <i>fweren de calumnia et malicia vitanda prout de jure</i>	-	+
	c) <i>Execucion</i> ‚Ausführung‘	-	+
	d) <i>Relacien, die Citacion oder ladung Exequiren laffen</i>	-	+
	e) etwas <i>gradratum</i> ‚Schritt für Schritt, stufenweise‘ geschehen lassen	-	+
	f) <i>Sportule</i> ‚Nebengebühren, Prozesskostenvorschüsse‘ festsetzen	-	+
	g) <i>eyn inhihicien inferir(en)</i> ‚eine Unterbrechung (in eine Ladung) einfügen‘	-	+
	h) <i>ab infancia iudicij · das ift von der ladung abfolvirt werdenn</i>	-	+
	i) <i>notturfftig executrial</i> ‚Entschuldigung‘ geben	-	+
	j) <i>interlocutorien</i> ‚gerichtliche Einschübe, Zwischenbericht‘ nicht annehmen	-	+

gebrauchten Bezeichnungen für Gerichtshandlungen (Nr. 5) zeigen den Einfluss des römisch-kanonischen Rechts und charakterisieren die TSV II. Dies gilt auch für die bereits bei den Initiatoren behandelten Bezeichnungen für die Verfasser der TSV II.

IV. Ergebnisse

Zusammenfassend ergibt die Analyse der Konstanz und Variabilität der untersuchten Texttraditionen folgende Ergebnisse:

1. Erst die Untersuchung aller textuellen Merkmale von den Initiatoren und Terminatoren über die Makrostrukturen bis hin zur Syntax und Lexik ergibt eine Grundlage für texttypologische Aussagen, weil sie sich unter hierarchischem Aspekt in ihrer Auswahl bedingen. Die Analyse eines einzigen textuellen Merkmals genügt für typologische Aussagen nicht.

2. Die Textexemplare RGO I bis VIII konstituieren aufgrund konstanter Merkmale die Textsorte ‚Reichsgerichtsordnung‘.

3. Mit den die Textsorte konstituierenden Merkmalen sind weitere textuelle Merkmale verbunden, die im Hinblick auf die Textsortenkonstitution variabel sind, bei einer Reihe von Textexemplaren aber konstant auftreten und bei diesen zum Ansatz von zwei Textsortenvarianten führen. Die beiden Textsortenvarianten TSV I (RGO I–III) und TSV II (RGO IV–VIII) folgen diachron aufeinander und zeigen die sich ändernden Entscheidungsbefugnisse von Kaiser/König und die zunehmenden Mitwirkungsmöglichkeiten der Territorialherren und den systematischen Ausbau der Regelungen, die die Gerichtsorganisation, das Gerichtsverfahren und die Berücksichtigung des römisch-kanonischen Rechts betreffen.

Literaturverzeichnis

Battenberg, [J.] F. Eine Darmstädter Handschrift zur Kammergerichtsordnung Kaiser Friedrichs III. von 1471 // Archiv für hessische Geschichte und Altertumskunde. 1978. NF. 36. S. 37–62.

Battenberg, [J.] F. Beiträge zur höchsten Gerichtsbarkeit im Reich im 15. Jahrhundert // Quellen und Forschungen zur höchsten Gerichtsbarkeit im alten Reich. 11. Köln; Wien, 1981.

CIC = Corpus Iuris Cameralis, das ist / des Kayserlichen Cammer=Gerichts Gesetz=Buch, darinnen alle Cammer=Gerichts=Ordnungen / samt den Anno 1613. gefertigten CONCEPT Einer neuen Ordnung / so dann die VISITATIONS-

RECESSE und MEMORIALIEN, nicht weniger die gemeine Bescheide und Rath=Schlüsse / auch was in den Reichs=Satzungen und Friedens=Schlüssen von höchst=erwehntem Gericht oder dessen Personen, Sachen, und Process enthalten, nach der Jahr=Zahl wie jedes abgefasset worden / mit dienlichen Marginalien und Randweisungen derer vor und nach ergangener Verordnungen vermehrt, und mit dienlichen Registern versehen. So dann allen des Heil. Röm. Reichs Churfürsten / Fürsten / und Ständen ertheilten Kayserl. Privilegien de non appellando in ihrem völligen Enthalt / auch zum Gebrauch behöriger Anweisung / Allen, so an bemeldtem Höchsten Gericht zuthun haben / oder dessen gründlicher Wissenschaft begierig sind, zum besten / samt einer ausführlichen Vorrede heraus gegeben. Mit allergnädigstem Röm. Kays. Privilegio. Franckfurt am Mayn / Verlegts Iohann Maximilian von Sand. Anno M D CCIV. [Hg. v. Georg Melchior von Ludolff] (Digitalisat: <http://www.mdz-nbn-resolving.de/urn/resolver.pl?urn=urn:nbn:de:bvb:12-bsb10491818-6>).

Dick, B. Die Entwicklung des Kameralprozesses nach den Ordnungen von 1495 bis 1555 // Quellen und Forschungen zur höchsten Gerichtsbarkeit im Alten Reich 10. Köln; Wien, 1981.

DRTA. MR = Deutsche Reichstagsakten. Mittlere Reihe, II. Deutsche Reichstagsakten unter Maximilian I., 2.1–2. Reichstag zu Nürnberg 1487 / Bearb. v. R. Seyboth. Göttingen, 2001; V. Reichstag von Worms 1495. 1.1. Akten, Urkunden und Korrespondenzen / Bearb. v. H. Angermeier. Göttingen, 1981; VI. Reichstag von Lindau, Worms und Freiburg 1496–1498 / Bearb. v. H. Gollwitzer. Göttingen, 1979.

J. Chr. Lünig [Hrsg.], Das Teutsche Reichs-Archiv. 24 Bde. Leipzig, 1710–1722. (Digitalisat: Universitätsbibliothek Augsburg, www.bibliothek.uni-augsburg.de — urn:nbn:de:bvb:384-uba000268–2 auch: <http://digital.bib-bvb.de/R?localbase=UAB>).

NSRA = Neue und vollständigere Sammlung der Reichs=Abschiede, Welche von den Zeiten Kayser Konrads II. bis jetzo, auf den Teutschen Reichs=Tägen abgefasset worden, sammt den wichtigsten Reichs=Schlüssen, so auf dem noch fürwährenden Reichs=Tage zur Richtigkeit gekommen sind. In Vier Theilen. Nach den Haupt=Urkunden aus den fürnehmsten Archiven, alten Abdrücken, und bewährtesten geschriebenen Büchern, theils von neuem übersehen, theils zum erstenmahl ans Licht gestellt, und auf Churfürstlich=Mayntzische gnädigste Genehmigung mit den in dem Reichs=Archiv befindlichen Originalien collationiret. Nebst einer Einleitung, Zugabe, und vollständigen Registern. Mit allerhöchsten Kayserlichen Freyheiten, I. Erster Theil derer Reichs=Abschiede, bis auf das Jahr 1494. inclusive, II. Zweiter Theil derer Reichs=Abschiede von dem Jahr 1495. bis auf das Jahr 1551. inclusive, Franckfurt am Mayn: bey Ernst August Koch, 1747.

Simmler, F. Textsorte ‚Reichsgerichtsordnung‘ // Textsorten und Textallianzen um 1500. Handbuch Teil 2. Historiographische Textsorten und Textallianzen und solche zur Rechts-, Verwaltungs- und Geschäftspraxis um 1500 / Hrsg. F. Simmler — Cl. Wich-Reif (in Druckvorbereitung).

Smend, R. Das Reichskammergericht. I. Geschichte und Verfassung. Quellen und Studien zur Verfassungsgeschichte des Deutschen Reiches in Mittelalter und Neuzeit 4.3. Weimar, 1911. Neudruck: Aalen, 1965.

Zeumer, K. Quellensammlung zur Geschichte der Deutschen Reichsverfassung in Mittelalter und Neuzeit, Quellensammlungen zum Staats-, Verwaltungs- und Völkerrecht. 2, Leipzig, 1904. 2. Aufl. Tübingen, 1913.

Simmler Franz

Professor an der Freien Universität Berlin,
16-18, Kaiserswerther Str., 14195 Berlin-Dahlem, BRD

Зиммлер Франц

Профессор Свободного университета Берлина

КОНСТАНТНЫЕ И ВАРИАТИВНЫЕ ПРИЗНАКИ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ КУЛИНАРНЫХ РЕЦЕПТОВ XIV–XVI ВВ.

Ключевые слова: немецкий язык, тип текста, кулинарный рецепт.

Кулинарные рецепты как тип текста представляют собой разнообразные как по объему, так и по структурно-семантическому содержанию образования. Их следует рассматривать как ценные свидетельства бытовой культуры разных эпох. Уже первые письменно фиксированные кулинарные рецепты отражают широкую палитру видов архитектоники текста, синтактико-морфологических способов выражения рекомендаций и возможностей представления личности автора. На протяжении семи столетий с этим типом текста происходили изменения, затронувшие структуру текста и унифицировавшие способы выражения кулинарных действий. Вместе с тем в тексте кулинарного рецепта присутствуют константные признаки прежде всего в сфере семантического наполнения текста и его коммуникативной функции.

G. S. MOSKALYUK

St. Petersburg State University

CONSTANT AND VARIATIVE CHARACTERISTICS OF GERMAN COOKING RECIPES OF XIV–XVI CENTURIES

Keywords: German, text genre, cooking recipes.

Cooking recipes as a text genre represent/are the foundations which are different in both the volume and the structure&semantic contents. They serve as cultural, social and historical documents which provide the extensive information about human living environment. Even the first recipes certified in written form, reflect the variety of different kinds of text architectonics, ways to express instructions through directive and descriptive morphological and syntactic constructions, possibilities of author's personality representation. During seven centuries the changes of this text genre have been in progress, and they touched upon the text structure and unified the methods of cooking actions expression. Along with that a recipe text stays recognized today. It indicates that there're the constant attributes, primarily in text semantic content and its communicative function.

Кулинарные рецепты следует рассматривать как ценные свидетельства бытовой культуры разных эпох. Они отражают реальную историческую действительность в форме текста с прагматической направленностью. Кулинарный рецепт является темой бытового общения, частью глуттонической коммуникации, прецедентным текстом в художественной литературе (подробнее об анализе ку-

линарного рецепта в качестве объекта исследований см. [1–5; 7; 10; 13; 15; 19; 20–25; 27]).

Кулинарные рецепты как особый тип текста представляют собой неоднородные как по объему, так и по структурно-семантическому содержанию образования. Уже первые письменно зафиксированные кулинарные рецепты середины XIV в. демонстрируют широкий набор композиционных структур текста, способов выражения рекомендаций с помощью директивных и дескриптивных морфологических и синтаксических конструкций, разнообразие возможностей репрезентации личности автора, а также имеют богатый лексический состав. Однако с точки зрения текстовых признаков позднесредневековые немецкоязычные кулинарные рецепты обнаруживают постоянные характеристики, которые позволяют отнести их к особому типу текста, имеющему различные модификации. В качестве основополагающих типологических критериев, выделяющих немецкий кулинарный рецепт из всей совокупности нехудожественных текстов, выступают функционально-прагматический, структурный и семантический признаки, позволяющие осуществить многоуровневый подход к анализу текста.

На современном этапе развития кулинарный рецепт является преимущественно письменным, монологическим, подготовленным, лаконичным текстом, обладающим и «хранящим информацию „накопительного“ характера, рассчитанную на длительное использование, при этом автор имеет преимущество перед адресатом в определенной области знаний, который может приобрести необходимые знания и умения» [2, с. 9].

1. Константные признаки кулинарного рецепта

Кулинарный рецепт сохранил свои первичные функции на протяжении всей истории развития этого типа текста. Он изначально обладал дуалистическим иллокутивным характером: в функции этого типа текста входит как аккумуляция (описательная функция), так и передача сведений по приготовлению чего-либо из определенных ингредиентов (директивная функция), причем значимость той или иной функции нужно рассматривать в зависимости от намерений автора, касающихся использования рецепта. (Подробнее о двойственном характере кулинарного рецепта как типа текста см. работы [6, 16–18, 20].)

Кроме основных функций, константным признаком кулинарного рецепта в диахронии является его словарный состав. В лексическом составе первых и современных кулинарных рецептов наблюдается сочетание узкоспециальной и общепотребительной, регионально окрашенной и интернациональной, стилистически нейтральной и эмоциональной, экспрессивно-оценочной лексики.

Особенности лексического состава кулинарного рецепта определяются его функциональной направленностью. Так, например, отмечается очевидная насыщенность позднесредневековых рецептов глаголами действия, поскольку целью кулинарного рецепта является передача способов действия с базовыми продуктами, видов обработки гастрономических ингредиентов (ср. [12]). Кулинарные рецепты изобилуют широким выбором специализированных глаголов кулинарной обработки — „*verba cocinae*“: *abziehen* (BvgS: 8) = abziehen; *abhären* (DK: 3) = die Haare entfernen; *beizen* (BvgS: 55) = beizen, mürbe machen; *besengen* (AB: 15b) = abbrennen; *erlesen* (Usch: 14) = von den Gräten lösen; *fidern* (Cgm 725, II: 10) = rupfen, von den Federn lösen; *schu^upen* (BvgS: 17) = abschuppen, von den Schuppen lösen.

Наряду с глаголами, отражающими действия кулинарного характера, неотъемлемой частью кулинарного рецепта являются существительные, обозначающие **ингредиенты**: *Swais* (DO: 7) = Blut; *hu^on* (BvgS: 4); *ayr* (Cgm 725, I: 1) = Eier; *hase* (RfK: 35) = Hase; *arbas* (Clm 15632: 52) = Erbsen; *oppeffel* (Usch: 53) = Apfel; *brot* (BvgS: 7) = Brot; **инвентарь**, с которым работает повар: *ofenn* (Clm 15632: 4) = Backofen; *rost* (BaK: 17) = Bratrost; *spis* (Cgm 725, II: 11) = Bratspieß; *pfeffertuch* (DK: 45) = ein Tuch zum Durchseihen; а также характеризующие их **прилагательные** и **причастия**: *ghel* (MndK: 103) = gelb; *swart* (MndK: 27) = schwarz; *versch* (MndK: 5); *gron* (MndK: 8), *grün* (KK: 12.2) = frisch, grün; *hertt* (DO: 1), *dick* (Cgm 725, II: 8), *keck* (AB: 23) = alem. keck, fest, dick; *rösch* (KK: 8.3) = bair. resch, knusprig; *zach* = süddt. zach, schwerflüssig; *gebratten* (KK: 5.2) = gebraten; *gebresset* (AB: 5) = gepresst; *gederret* (RfK: 10) = gedörrt.

Основная часть исходных лексем сохранилась в современном словарном составе, изменив лишь графико-фонетический облик. Те же из слов, которые не вошли в современный «общенациональный» лексикон, сохранились в территориальных вариантах немецкого языка. Например, прилагательные *rösch*, *zach*, *keck* встречаются в современных южнонемецких диалектах (баварском и алеманнском).

Региональная вариативность и наличие заимствований являются особенностью лексического состава позднесредневековых кулинарных рецептов. Региональные и диалектальные варианты можно обнаружить в составе лексических групп, обозначающих кулинарные процессы, наименования блюд, ингредиентов и инвентаря. Например, лесной орех назывался на разных территориях по-разному: *wel-lischnuß* (BaK: 45) — на нижнеалеманском диалекте в Базеле, *walsche / grote not* (MndK: 53) — на остфальском в Нижней Саксонии, *baum-nusz* (RfK: 74) — на восточно-франкском, *boun nuß* (Cgm 384, I: 11) — на алеманнском диалекте. Глиняный или керамический горшок был универсальным кухонным прибором, в котором варились, парились или хранились приготовленные блюда. На северных территориях для его обозначения использовалась восточносреднемецкая и нижненемецкая лексемы: *top* (GMN 3227a: 2), *towe* (MndK: 27), на юге этот горшок назывался: *haffen* (Cgm 725, II: 3), *heffen* (Clm 15632: 23), *heffelin* (BaK: 45) = Topf, Haffen. На южных территориях глаголу «чистить, очищать» соответствуют лексемы *vurben* (Cgm 725, II: 10) и *erclauben* (Usch: 50), для передачи того же понятия на севере употребляется лексическая единица *affschyren* (MndK: 4).

Диалектальные различия проявляются в наименованиях мучных блюд, встречающихся только на отдельных территориях. Так, например, *morsserkuchenn* (DO: 20) выпекается только на северо-востоке, а *geske* (MndK: 43) и *spisekoke* (MndK: 44) = *grober Kuchen* — только в восточной Вестфалии и Нижней Саксонии. В наименованиях молочных блюд также находит отражение диалектальная окраска. Так, на баварско-австрийских территориях творожная масса называется *topfen* (DK: 1), *chotten* (Usch: 70) или *ziger* (DK: 40), на рейнско-франкском диалекте в рецептах присутствует только *czeger* (RfK: 46).

Среди названий блюд встречаются слова иностранного происхождения — заимствования из латыни, итальянского, французского языков. Например, слово «galrey» имеет латинские корни (от mlat. *geladria*, *gelatus*) и упоминается впервые в форме „galreide“ в Баварии в 1214 г. Обобщенные названия бульонов и соусов „jüssel“ и „salse“ восходят к mlat. *juscellum* и *salsa*. На словарь кулинарных рецептов накладывает отпечаток специфика типа текста, подразумевающая использование профессионального языка, который, однако, поначалу характеризовался низкой частотностью терминологических элементов.

Единственным диахроническим изменением на лексическом уровне можно считать отношение автора текста к количественным маркерам. В отличие от современных рецептов, в самых старых текстах элементы, выражающие «время приготовления» и «количество используемых ингредиентов», являются лексической группой, которая представлена чрезвычайно слабо. Т. Глонинг объясняет этот феномен отсутствием в XIV–XV вв. устоявшейся общепринятой системы мер времени и количества/веса, используемой на кухне [20, с. 533].

2. Вариативные признаки кулинарного рецепта

Среди вариативных признаков кулинарных рецептов можно выделить *макроструктуру* текста, а также *морфологические и синтаксические конструкции* в составе микротекста кулинарного рецепта.

На формальном уровне в кулинарном рецепте ранненовонемецкого периода, в терминологии Ф. Зиммера, традиционно выделяются две макроструктуры: *инициатор* и основная часть, содержащая практические указания или рабочие шаги (ср. [19; 20; 26]). Членение рецепта направлено на внешнее отграничение текстов друг от друга в составе сборников кулинарных рецептов. Части кулинарного рецепта функционально неравноправны. Инициатор, как правило, лишь репрезентирует определенное блюдо, маркирует начало и, имплицитно, конец текста, в то время как именно инструктирующая часть — описание рабочих шагов — является значимой для реципиента, объясняет цель написания кулинарного рецепта. В отдельных рецептах можно также выделить *терминатор* — высказывание номинативного, оценочного или комментирующего характера, подводящее итог тексту рецепта [11]:

<p>Ein agraz Nim holtzpefele vnd peterlin vnd bezzin / vnd stoz daz zv° sammene / vnd dru°k-kez vz / daz die petersilie ein wenic zv° var / daz heizzet auch agraz (BvgS: 35)</p>	<p>Аграс Возьми плоды дикой яблони и петрушку и турнепс и измельчи их вместе, и отожди их, чтобы петрушка немного разошлась. Это называется также аграс.</p>
--	---

Заглавие подчеркивает автономность и целостность отдельного рецепта, сигнализируя о его начале в собрании рецептов. Как правило, в тексте позднесредневекового кулинарного рецепта заглавие

размещается над указаниями по приготовлению блюда или перед ними. Заглавие эксплицируется посредством рубрикации или выделения инициалами первых букв слова, «открывающего» рецепт. В то же время в ранних текстах зачастую отсутствует деление на основную часть и заглавие. Первый коммуникативный блок текста может оказаться «пустым», т. е. заглавие как таковое может отсутствовать.

Заголовок позднесредневекового кулинарного рецепта чаще всего выполняет номинативную функцию, передавая наименование блюда, называя его основной компонент, способ его приготовления или давая ему определенную оценочную характеристику. С точки зрения морфологии и синтаксиса средневековые заголовки характеризуются большим многообразием. Если в настоящее время основным типом заглавия немецкого кулинарного рецепта является субстантивная группа (ср. [19, с.236]), то в старинных рецептах обнаруживается большее разнообразие синтаксических конструкций.

С точки зрения формы выражения семантического ядра в кулинарных рецептах позднего средневековья можно выделить следующие ведущие типы заглавий: **субстантивное заглавие**: Ein condiment oder ein gmüs (DoK: 99); Ein gepratener putter (Bvgs: 49); заглавие, начинающееся с Wiltu: Wiltu ain basteten machen (Cgm 384, II: 1); а также периферийные **типы заглавий**: **императивное заглавие**: Eyn mo^s van groten noten make alsus (MndK: 5); инфинитивное заглавие: Item machen drig ku^ochen (KK:7.1); **заглавие в форме простого предложения с личным местоимением** или „тап“ в роли подлежащего: Conkauelit maht man von kirsen, von den suren kirsen, daz sint wiseln (BvgS: 83) (Подробнее виды заглавий кулинарных рецептов в диахронии описаны в работах [8; 19].)

Терминатор — завершающее звено кулинарного рецепта — как правило, не выделен графически, он является неотъемлемой частью основного текста рецепта. При этом он выделяется как элемент структуры на основе функциональной значимости и частоты появления в виде определенных формул, повторяющихся из рецепта в рецепт. Наиболее часто употребляемая формула завершения рецепта — предложение подать приготовленное блюдо на стол: Unde gyff se hen (MndK: 9). Завершающее высказывание может быть расширено за счет указания на способ подачи, на сочетание с другими блюдами для достижения наилучшего результата: die salse ist gut zu

einem braden (RfK: 62). Автор может также дать в завершении рецепта совет о наилучшем с его точки зрения способе или времени приема пищи: *Daz ist gůt kalt ze essen* (Usch: 94). Очень часто в качестве завершающего элемента выступает директивное напоминание о необходимости приправить блюдо: *vnd besteych ez mit czucker* (Cgm 15632: 45). Завершающий элемент может представлять собой оценочную характеристику приготовленного блюда — это всегда положительная оценка, указание на приятные вкусовые качества блюда: *Und daz ist ain edel praten* (Usch: 113). В завершение рецепта может быть также включено подтверждение готовности блюда: *So ist es gerecht vnd beraitt* (Cgm 725, II: 1).

Следует отметить, что наличие всех элементов макроструктуры кулинарного рецепта — заголовка, основной части и завершающего комплекса — нечастое явление в текстах позднесредневековых кулинарных рецептов. Как правило, один или несколько элементов отсутствуют в макроструктуре текста. Если такие элементы структуры, как инициатор и терминатор, факультативны на раннем этапе развития типа текста «кулинарный рецепт», то основная часть входит в состав всех текстов рецептов, так как является наиболее значимым отрезком текста.

Являясь малоформатным текстом, кулинарный рецепт на протяжении всей своей истории имеет, как правило, относительно небольшой объем, но при этом содержит большое количество информации. Наибольшая изменчивость в процессе исторического развития отмечается в морфосинтаксическом оформлении основной части кулинарного рецепта. Доминирующей тенденцией для синтаксической организации современного кулинарного рецепта является малое количество сложных предложений. В тексте нет избыточности, отсутствуют повторы, рабочий процесс продвигается вперед постепенно, без каких-либо нарушений прагматической координации [28, с. 33–35].

В старейших кулинарных рецептах тот же эффект синхронизации достигается путем построения текста, состоящего преимущественно из сложносочиненных предложений, в составе которых простые предложения связываются бессоюзным способом или соединительным союзом „und“. Весь текст рецепта может состоять из одного высказывания, представляющего собой простое перечисление процессуальных шагов: *Slach arbaiss durch ain sib, slach vil aier darczu, pach sy mit smalcz oder puttern, sneid sy zu stuken, prat sy*

an ainem spiss, beslach sy mit aiern, gibhs hin (DK: 9). Несмотря на одинаковый тип построения предложений, очевидно, что длина позднесредневекового текста-предложения значительно превышает размеры современного предложения в составе текста кулинарного рецепта. Вместе с тем в XIV–XVI вв. еще не были сформированы и закреплены правила пунктуации, что осложняет подсчет длины сложных предложений.

В старейших кулинарных рецептах нередко встречаются сложные предложения с подчинительной связью, нехарактерные для современного кулинарного рецепта. Они не затрудняют непосредственное восприятие содержания текста и воспроизведение описанных действий, поскольку в них отражаются временные и причинно-следственные отношения между действиями, уже описанными ранее, и последующими процессами: *wenn es also ain rechty dünni gewinn, so ist es gerecht* (AB: 50); *als der visch gar heiz si, so slahe den teyc dor vf* (BvgS: 38). Подчинительные наречия и союзы конкретизируют и уточняют, расширяют и дифференцируют значения одновременности — разновременности в отношении порядка следования действий, длительности, краткости, повторяемости, временного интервала, а также способны служить в качестве пограничных сигналов начала и конца действия. (Подробнее о синтаксической организации кулинарных рецептов см. [14].)

В кулинарных рецептах позднего средневековья наблюдается широкая морфосинтаксическая вариативность. В качестве основных способов выражения директивности использовались: императивы, сочетания модальных глаголов долженствования и возможности *suln*, *müssen*, *mügen* с инфинитивами, глаголы в личных формах презенса индикатива или конъюнктива, инфинитивы и пассивные конструкции. При этом косвенные формы выражения указания способа действия (модальные глаголы, презенс, инфинитив, пассив) употребляются в позднесредневековых кулинарных рецептах, оставаясь в численном меньшинстве по сравнению с прямыми директивами (императив). (Подробнее о способах выражения рекомендаций: [9].)

На протяжении семи столетий с немецкоязычным кулинарным рецептом происходили изменения, затронувшие структуру теста, унифицировавшие способы передачи кулинарных действий. Вместе с тем текст кулинарного рецепта остается узнаваемым до сих пор. Это связано с рядом константных признаков, обусловленных

прежде всего коммуникативной функцией и спецификой семантического наполнения текста.

Источники и сокращения

- BvgS = Das buoch von guoter spise / Aus der Würzburg-Münchener Handschrift / Hrsg. H. Hajek. Berlin, 1958. 48 S.
- DO = *Gollub H.* Aus der Küche der deutschen Ordensritter // Prussia. Zeitschr. Heimatkunde und Heimatschutz. 1935. H. 31. S. 118–149.
- RfK = Rheinfränkisches Kochbuch (um 1445) / Hrsg. H. R. Adelman; kulturhistorische Würdigung v. Tr. Ehlert; Text, Übersetzung, Anmerkungen und Glossar v. Th. Gloning. Frankfurt/M.: Donauwörth, 1998. 187 S.
- AB = Ein alemannisches Büchlein von guter Speise // Sitzungsberichte der Königlich bayerischen Akademie der Wissenschaften zu München. Phil.-hist. Klasse / Hrsg. A. Birlinger. Bd. II. München, 1865. S. 171–206.
- DK = *Danner B.* Alte Kochrezepte aus dem bayrischen Inntal // Ostbairische Grenzmarken. 1970. Bd. 12. S. 118–128.
- MndK = *Wiswe H.* Ein mittelniederdeutsches Kochbuch des 15. Jahrhunderts // Braunschweigisches Jahrbuch. 1956. Bd. 37. S. 19–55.
- Usch (1466–1473) = *Fouquet G.* Goldene Speisen in den Maien: Das Kochbuch des Augsburger Zunftbürgermeisters Ulrich Schwarz / Hrsg. G. Fouquet. St. Katharinen: Scripta mercaturae, 2000. 202 S.
- KK = *Ehlert T.* Die (Koch)rezepte der Konstanzer Handschrift A I 1. Edition und Kommentar / Hrsg. I. Kühn, G. Lechner: Von wyßheit würt der mensch geert... Festschrift f. Manfred Lemmer zum 65. Geburtstag. Frankfurt/M.: u.a., 1993. S. 39–64.
- MK (XV век) = *Bossert H. Th., Storck W. F.* Das mittelalterliche Hausbuch. Nach dem Original im Besitz des Fürsten von Waldburg-Wolfegg-Waldsee / Hrsg. H. Th. Bossert, W. F. Storck. Leipzig: E. A. Seemann, 1912. S. XXVI.
- MoK, DoK = *Aichholzer D.* «Wildu machen ayn guet essen...»: Drei mittelhochdeutsche: Kochbücher: Erstedition, Übersetzung, Kommentar / Hrsg. D. Aichholzer. Bern u.a.: Peter Lang, 1999. S. 94–179.
- BaK = Die Basler Rezeptsammlung: Studien zu spätmittelalterlichen deutschen Kochbüchern / Hrsg. A. Sorbello-Staub. Würzburg: Königshausen und Neumann, 2002. 234 S.
- Cgm 349, 384, 467, 725, 811; Clm 15632 (Bayerische Staatsbibliothek München) = Die Münchner Kochbuchhandschriften Cgm 349, 384, 467, 725 und 811 und Clm 15632 / Hrsg. T. Ehlert. Frankfurt/M.: Tupperware, 1999. 348 S.
- GMN 3227a (Germanisches Nationalmuseum Nürnberg) = *Ehlert T., Leng R.* 'Frühe Koch- und Pulverrezepte aus der Nürnberger Handschrift GNM 3227a (um 1389) // Medizin in Geschichte, Philologie und Ethnologie. 2003. S. 289–320.

Литература

1. *Анисимова, Е. Е.* Коммуникативно-прагматические нормы немецких апеллятивных текстов: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / РАН Ин-т языковедения. М., 1994. 43 с.
2. *Буркова, П. П.* Кулинарный рецепт как особый тип текста (на материале русского и немецкого языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ставроп. гос. ун-т. Ставрополь, 2004. 22 с.
3. *Головницкая, Н. П.* Лингвокультурные характеристики немецкоязычного гастрономического дискурса: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Волгогр. гос. ун-т. Волгоград, 2007. 25 с.
4. *Заболотская, Е. Д.* Немецкий кулинарный рецепт как особый тип текста // Мат. XV Междунар. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых. Ломоносов. Секция Филология. М.: МАКС Пресс, 2008. С. 340–342.
5. *Земскова, А. Ю.* Лингвoseмиотические характеристики англоязычного гастрономического дискурса: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Волгогр. гос. ун-т. Волгоград, 2009. 23 с.
6. *Кантурова, М. А.* Образование вторичного речевого жанра как деривационный процесс (на примере речевого жанра кулинарного рецепта) // Сибирск. филологический журнал. 2011. № 2. С. 222–226.
7. *Кантурова, М. А.* Деривационные процессы в системе речевых жанров (на примере речевого жанра кулинарного рецепта): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Новосиб. гос. пед. ун-т. Новосибирск, 2012. 28 с.
8. *Москалюк, Г. С.* Заголовки средневековых кулинарных рецептов // Мат. конф. молодых ученых. Ч. 1. Барнаул: Изд-во БГПУ, 2003. С. 47–52.
9. *Москалюк, Г. С.* Способы передачи действия в инструктирующем тексте (на примере ранненовонемецких кулинарных рецептов) // Мат. XXXIII междунар. филол. конф. Вып. 6. История языка (романо-германский цикл). Ч. 1. СПб.: Филологический ф-т СПбГУ, 2004. С. 39–50.
10. *Москалюк, Г. С.* Становление типа текста «кулинарный рецепт» (на материале немецкоязычных кулинарных собраний XIV–XVI вв.): автореф. дис. ... канд. филол. наук / С.-Петербур. гос. ун-т. СПб., 2005. 17 с.
11. *Москалюк, Г. С.* Структурные и семантические особенности средневековых немецких кулинарных рецептов // Мат. XXXIV Междунар. филол. конф. Вып. 19. История языка (романо-германский цикл) / отв. ред. Г. А. Баева. Ч. 1. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2005а. С. 18–26.
12. *Москалюк, Г. С.* Лексический компонент позднесредневекового немецкоязычного кулинарного рецепта // Мат. XXXVII Междунар. филол. конф. Вып. 25. История языка (романо-германский цикл) / отв. ред. Г. А. Баева. Ч. 1. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2008. С. 36–40.
13. *Москалюк, Г. С.* Немецкоязычный кулинарный рецепт XIV–XVI вв. как тип текста // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. Т. 5. М.: Языки славянской культуры, 2009. С. 270–278.

14. *Москалюк, Г.С.* Связность текста немецкого позднесредневекового кулинарного рецепта // *Мат. XXXVIII междунар. филол. конф.* 16–21 марта 2009 г. Вып. 26: История языка (романо-германский цикл). СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009а. С. 34–38.

15. *Олянич, А.В.* Гастрономический дискурс в системе массовой коммуникации: семантико-семиотические характеристики // *Массовая культура на рубеже XX–XXI веков: человек и его дискурс: сб. науч. тр. / Ин-т языкознания РАН. М., 2003. С. 167–201.*

16. *Aichholzer, D.* „Wiltu machen ayn guet essen...“: Drei mittelhochdeutsche Kochbücher: Erstedition, Übersetzung, Kommentar. Bern; Berlin; Frankfurt/M. u.a.: Peter Lang, 1999. 454 S.

17. *Ballmer, T. T.* Probleme der Klassifikation von Sprechakten / Hrsg. G. Grewendorf. Sprechakttheorie und Semantik. Frankfurt/M.: Suhrkamp, 1979. S. 247–274.

18. *Ehlert, T.* „Nehmet ein junges Hun, ertraenkets mit Essig“. Zur Syntax spätmittelalterlicher Kochbücher // *Essen und Trinken in Mittelalter und Neuzeit. Vorträge eines interdisziplinären Symposions vom 10.–13. Juni 1987 an der Justus-Liebig-Universität Gießen / Hrsg. I. Bitsch, T. Ehlert, X. von Ertzdorff. Sigmarin-gen: Thorbecke, 1987. S. 261–276.*

19. *Glaser, E.* Die textuelle Struktur handschriftlicher und gedruckter Kochrezepte im Wandel. Zur Sprachgeschichte einer Textsorte // *Textsorten im Sprachwandel — nach der Erfindung des Buchdrucks / Hrsg. v. R. Grosse. Heidelberg: Hanswellmann, 1996. S. 225–249.*

20. *Gloning, T.* Textgebrauch und sprachliche Gestalt älterer deutscher Kochrezepte (1350–1800): Ergebnisse und Aufgaben // *Textsorten und Textsortentraditionen / Hrsg. F. Simmler. Bern u. a.: Peter Lang, 1997. S. 517–551.*

21. *Grigorjeva, L. N.* Zur Typologie der deutschen und russischen Textsorten // *Textsorten und Textsortentraditionen (Berliner Studien zur Germanistik). Bd. 5 / Hrsg. F. Simmler. Bern, Berlin, u. a.: Peter Lang, 1997. S. 1–22.*

22. *Gülich, E., Raible, W.* Linguistische Textmodelle: Grundlagen und Möglichkeiten. München: Fink, 1977. 353 S.

23. *Haage, B. D.* Deutsche Artesliteratur des Mittelalters: Überblick und Forschungsbericht // *Zeitschr. für Literaturwissenschaft und Linguistik. 1985. Bd. 13, H. 51/52. S. 185–205.*

24. *Proveja, E.* Der Text und seine Konventionen. Eine diachronisch ausgerichtete Analyse zur Herausbildung und Abänderung des lettischen Textmusters Kochrezept unter dem Einfluss von Sprachkontakten: Zur Erlangung des Dokortitels der Philologie in der Sprachwissenschaft. Ventspils, 2015. 211 S.

25. *Sandig, B.* Zur Differenzierung gebrauchssprachlicher Texte im Deutschen // *Textsorten. Differenzierungskriterien aus linguistischer Sicht / Hrsg. E. Gülich, W. Raible. Frankfurt/M.: Athenäum, 1975. S. 113–124.*

26. *Simmler, F.* Teil und Ganzes in Texten. Zum Verhältnis von Textexemplar, Textteilen, Teiltexen, Textauszügen und Makrostrukturen // *Daphnis. 1996. Bd. 25, H. 4. S. 597–625.*

27. Telle, J. Das Rezept als literarische Form. Zum multifunktionalen Gebrauch des Rezepts in der deutschen Literatur // Berichte zur Wissenschaftsgeschichte / Hrsg. F. Krafft. Bd. 26, H. 4, Dezember 2003. Weinheim: Wiley-VCH Verlag GmbH & Co. KGaA, 2003. S. 251–274.

28. Torttila, M., Hakkarainen, H. J. Zum Satzbau der deutschen Kochrezepte des 20. Jahrhunderts: Satzlänge und Prädikat // Zeitschr. für germanistische Linguistik. Deutsche Sprache in Gegenwart und Geschichte. Bd. 18 / Hrsg. H. Henne, E. Oksaar, P. von Polenz, H. E. Wiegand. Berlin, New York: Walter de Gruyter, 1990. S. 31–42.

References

1. Anisimova, E. E. *Kommunikativno-pragmatische normy nemetskikh apeliativnykh tekstov* [Communicative and Pragmatic Standards of German Appellative Texts]. Thesis of Doct. diss. Institut iazykoznaniiia RAN. Moscow, 1994. 43 p. (In Russian)

2. Burkova, P. P. *Kulinarnyi retsept kak osobyi tip teksta (na materiale russkogo i nemetskogo iazykov)* [Cooking Recipe as a Particular Text Type]. Thesis of PhD diss. Stavropol State Univ. Stavropol, 2004. 22 p. (In Russian)

3. Golovnickaya, N. P. *Lingvokul'turnye kharakteristiki nemetskoiazыchnogo gastronomicheskogo diskursa* [Linguocultural Properties of the German-language Gastronomic Discourse]. Thesis of PhD diss. Volgograd State Univ. Volgograd, 2007. 25 p. (In Russian)

4. Zabolotskaya, E. D. [The German Cooking Recipe as a Particular Text Type]. *Mezhdunar. konf. studentov, aspirantov i molodykh uchenykh. Lomonosov. Sektsiia Filologiya*. Moscow, Maks Press, 2008, pp. 340–342. (In Russian)

5. Zemskova, A. Yu. *Lingvosemioticheskie kharakteristiki angloiazыchnogo gastronomicheskogo diskursa* [Linguocultural Properties of the English-language Gastronomic Discourse]. Thesis of PhD diss. Volgograd State Univ. Volgograd, 2009. 23 p. (In Russian)

6. Kanturova, M. A. *Obrazovanie vtorichnogo rechevogo zhanra kak derivatsionnyi protsess (na primere rechevogo zhanra kulinarnogo retsepta)* [Formation of the Secondary Speech Genre as the Derivative Process (by the example of the cooking recipe speech genre)]. *Sibirskii filologicheskii zhurnal*, 2011, no. 2, pp. 222–226. (In Russian)

7. Kanturova, M. A. *Derivatsionnye protsessy v sisteme rechevykh zhanrov (na primere rechevogo zhanra kulinarnogo retsepta)* [Derivative Processes in the System of Speech Genres (by the example of the cooking recipe speech genre)]. Thesis of PhD diss. Novosibirsk State Univ. Novosibirsk, 2012. 28 p. (In Russian)

8. Moskaliuk, G. S. [The Titles of the Medieval Cooking Recipes]. *Materialy konferentsii molodykh uchenykh*. Chast 1. Barnaul, BGPU Publ., 2003, pp. 47–52. (In Russian)

9. Moskaliuk, G. S. [The Transmission Methods of Action in Instruction Texts (by the example of the Early New German Cooking Recipes)]. *Materialy XXXIII*

mezhdunarodnoi filologicheskoi konferencii. Vypusk 6. Istoriiia iazyka. Romano-germanskii cikl. Sankt Peterburg, SPbSU, 2004, pp. 39–50. (In Russian)

10. Moskaliuk, G. S. *Stanovlenie tipa teksta «kulinaryni retsept» (na materiale nemetskoiazychnykh kulinarynykh sobranii XIV–XVI vv.)* [The Formation of “Cooking Recipe” Text Type (a case study of the German-language Culinary Collections of XIV–XVI)]. Thesis of PhD diss. SPbSU. St. Petersburg, 2005. 17 p. (In Russian)

11. Moskaliuk, G. S. [Structural and Semantic Features of the German Medieval Cooking Recipes]. *Materialy XXXIV mezhdunarodnoi filologicheskoi konferencii. Vypusk 19. Istoriiia iazyka (romano-germanskii cikl)*. Sankt Peterburg, SPbSU, 2005a, pp. 18–26. (In Russian)

12. Moskaliuk, G. S. [The Lexical Component of the German Later-medieval Cooking Recipe]. *Materialy XXXVII mezhdunarodnoi filologicheskoi konferencii. Vypusk 25. Istoriiia iazyka (romano-germanskii cikl)*. Sankt Peterburg, SPbSU, 2008, pp. 36–40. (In Russian)

13. Moskaliuk, G. S. Nemetskoiazychnyi kulinaryni retsept XIV–XVI vv. kak tip teksta [The German-language Cooking Recipe of XIV–XVI as a Text Type]. *Russkaia germanistika: Ezhegodnik Rossiiskogo soiuza germanistov*. Vol. 5. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2009, pp. 270–278. (In Russian)

14. Moskaliuk, G. S. [The Text Coherence of the German Later-medieval Cooking Recipe]. *Materialy XXXVII mezhdunarodnoi filologicheskoi konferencii. 16–21 marta 2009 g. Vypusk 26. Istoriiia iazyka (romano-germanskii cikl)*. Sankt Peterburg, SPbSU, 2009a, pp. 34–38. (In Russian)

15. Olyanich, A. V. [The Gastronomic Discourse in the System of Mass Communication: Semantic and Semiotic Features]. *Massovaia kul'tura na rubezhe XX–XXI vekov: chelovek i ego diskurs: sb. nauch. tr.* Moscow, RAN In-t iazykoznaniiia, 2003, pp. 167–201. (In Russian)

16. Aichholzer, D. „Wiltu machen ayn guet essen...“: *Drei mittelhochdeutsche Kochbücher: Erstedition, Übersetzung, Kommentar*. Bern, Berlin, Frankfurt on M., u.a., Peter Lang, 1999. 454 p.

17. Ballmer, T. T. *Probleme der Klassifikation von Sprechakten*. Hrsg. G. Grewendorf *Sprechakttheorie und Semantik*. Frankfurt on M., Suhrkamp, 1979, pp. 247–274.

18. Ehlert, T. „Nehmet ein junges Hun, ertraenkets mit Essig“. Zur Syntax spätmittelalterlicher Kochbücher. *Essen und Trinken in Mittelalter und Neuzeit. Vorträge eines interdisziplinären Symposions vom 10.–13. Juni 1987 an der Justus-Liebig-Universität Gießen*. Hrsg. I. Bitsch, T. Ehlert, X. von Ertzdorff. Sigmaringen, Thorbecke, 1987, pp. 261–276.

19. Glaser, E. Die textuelle Struktur handschriftlicher und gedruckter Kochrezepte im Wandel. Zur Sprachgeschichte einer Textsorte. *Textsorten im Sprachwandel — nach der Erfindung des Buchdrucks*. Hrsg. V. R. Grosse. Heidelberg, Hanswellmann, 1996, pp. 225–249.

20. Gloning, T. Textgebrauch und sprachliche Gestalt älterer deutscher Koch-

rezepte (1350–1800). Ergebnisse und Aufgaben. *Textsorten und Textsortentraditionen*. Hrsg. F. Simmler. Bern u. a., Peter Lang, 1997, pp. 517–551.

21. Grigorjeva, L. N. Zur Typologie der deutschen und russischen Textsorten. *Textsorten und Textsortentraditionen (Berliner Studien zur Germanistik. Bd. 5)*. Hrsg. F. Simmler. Bern, Berlin, u.a., Peter Lang, 1997, pp. 1–22.

22. Gülich, E., Raible, W. *Linguistische Textmodelle: Grundlagen und Möglichkeiten*. München, Fink Verlag, 1977. 353 p.

23. Haage, B.D. Deutsche Artesliteratur des Mittelalters: Überblick und Forschungsbericht. *Zeitschr. für Literaturwissenschaft und Linguistik*, 1985, Bd. 13, H. 51/52, pp. 185–205.

24. Proveja, E. *Der Text und seine Konventionen. Eine diachronisch ausgerichtete Analyse zur Herausbildung und Abänderung des lettischen Textmusters Kochrezept unter dem Einfluss von Sprachkontakten: Zur Erlangung des Dokortitels der Philologie in der Sprachwissenschaft*. Ventspils, 2015. 211 p.

25. Sandig, B. Zur Differenzierung gebrauchssprachlicher Texte im Deutschen. *Textsorten. Differenzierungskriterien aus linguistischer Sicht*. Hrsg. E. Gülich, W. Raible. Frankfurt am M., Athenäum, 1975, pp. 113–124.

26. Simmler, F. Teil und Ganzes in Texten: Zum Verhältnis von Textexemplar, Textteilen, Teiltexen, Textauszügen und Makrostrukturen. *Daphnis*, 1996, Bd. 25, H. 4, pp. 597–625.

27. Telle, J. Das Rezept als literarische Form. Zum multifunktionalen Gebrauch des Rezepts in der deutschen Literatur. *Berichte zur Wissenschaftsgeschichte*. Hrsg. F. Krafft. Dezember 2003. Weinheim, Wiley-VCH Verlag GmbH and Co. KGaA, 2003, Bd. 26, H. 4, pp. 251–274.

28. Torrtilla, M., Hakkarainen, H. J. Zum Satzbau der deutschen Kochrezepte des 20. Jahrhunderts: Satzlänge und Prädikat. *Zeitschr. für germanistische Linguistik. Deutsche Sprache in Gegenwart und Geschichte*. Hrsg. H. Henne, E. Oksaar, P. von Polenz, von H. E. Wiegand. Berlin, New York, Walter de Gruyter, 1990, Bd. 18, pp. 31–42.

Москалюк Галина Сергеевна

кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков
и лингводидактики СПбГУ

Адрес: Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9.

Galina S. Moskaliuk

Doctor of Filological Sciences (PhD), Associate Professor of German Department
St. Petersburg State University

Address: 7–9, Universitetskaya emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation.

E-mail: MG-80@yandex.ru

**КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКАЯ
И СТРУКТУРНО-СМЫСЛОВАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ТИПА ТЕКСТА
«ПУТЕВЫЕ ЗАМЕТКИ» НА РУБЕЖЕ XVII–XVIII ВЕКОВ
(НА ПРИМЕРЕ „DES JÄGERMEISTERS FRIEDRICH VON GRAMS REISEBERICHT
AN DEN GROSSEN BELT 1684“)**

Ключевые слова: тип текста «путевые заметки», Фридрих фон Грам, функции и структура текста.

В статье рассматриваются функции и структура ранее не исследованной рукописи, представляющей собой путевые заметки немецкого дворянина Фридриха фон Грама о его путешествии по проливу Большой Бельт. В начале XVIII в. (время, к которому и относится фиксация воспоминаний о путешествии) фон Грам, как и другие авторы той эпохи, ставит перед собой не только цель просвещения читателя, но и его развлечения, выдвигая на первое место события и личные переживания, что увеличивает протяженность динамически-нарративных отрезков текста по отношению к статически-дескриптивному. Тем не менее описания местности составляют неотъемлемую часть повествования, выполняя информативную и сертификационную функцию. В качестве типологически близких текстов привлекаются «Ост-Индская военная служба» („Ostindianische Kriegsdienste“) Якоба Саара (1672), а также «Удивительное послание из Ост-Индии» („Merkwürdige Nachricht aus Ost-Indien“) Бартоломео Цигенбальга и Генриха Плютшо (1708). Несмотря на различные объем и тематику, все три текста выявляют схожую структуру (развернутое название, введение с указанием на время, место и участников путешествия, основную часть, представляющую собой последовательное изложение событий, и заключение, носящее подытоживающий и частично назидательный характер).

D. E. NIFONTOVA

St. Petersburg State University

**COMMUNICATIVE-PRAGMATIC AND
STRUCTURAL-SEMANTIC ORGANIZATION OF TEXT TYPE
“TRAVEL REPORT” AT THE TURN OF 17th AND 18th CENTURY
(BY THE EXAMPLE OF HUNTER FRIEDRICH VON GRAM’S TRAVEL REPORT
ACROSS THE BIG BELT IN 1684)**

Keywords: text type “travel notes”, Friedrich von Gram, text functions and text structure.

The paper discusses functions and structure of an earlier uninvestigated manuscript of a travel report written by the German noble Friedrich von Gram after his journey across the Big Belt. At the beginning of the 18th century the author aims not only to enlighten the reader but also to entertain him bringing to the forefront

actual events during the journey and his own emotions, which substantially enlarges the narrative-dynamic parts against the static-descriptive ones. Nevertheless, descriptions of land and people stay an inherent part of this text type fulfilling the informative and the certification functions. As closest analogues of the manuscript are reviewed „Ostindianische Kriegsdienste“ by Jacob Saar (1672) and „Merckwürdige Nachrichtaus Ost-Indien“ by Bartholomäus Ziegenbalg and Heinrich Plütscho (1708). Despite the difference in size and subject all the travel reports reveal a similar structure (an explanatory title, an introduction containing information about time, place and participants of the journey, a main body with a consequent description of the events and a conclusion which represents a summarizing and didactic nature).

„Insonderheit plagete Uns die Kälte; denn Wir seer dünne gekleidet waren; indem Wir meinstentheils Unser Regen-Röcke u. Manteln, schwerer Arbeit wegen, bey Unserm Boot zurückgelassen, Ich aber meinen Mantel, als ich im Wasser lag, verlohren hatte“ [Gram, л. 10r] — ледяная вода, голод и непосильная работа — вот чем обернулось для неопытного двадцатилетнего юноши его первое путешествие. И все же борьбу за жизнь на дрейфующих льдинах в Балтийском море в 1684 г. немецкий дворянин Фридрих фон Грам выиграл. Много лет спустя он написал воспоминания о своих злоключениях, а в дальнейшем рукопись попала в собрание Императорской Эрмитажной иностранной библиотеки, переданной в 1852–1862 гг. в Императорскую Публичную библиотеку (РНБ, Ф. 885. Эрмитажное собрание, 1684/11/7). Несмотря на исключительность событий, пережитых автором записок, сам этот жанр был широко распространен и хорошо известен фон Граму.

«Путешествие», или «путевые заметки» — это древнейший жанр литературы, проделавший долгий путь от «Одиссеи» Гомера до современных записей о совершенных поездках на интернет-форумах. В рамках современной теории о типах текста под «путевыми заметками» понимаются описания реально состоявшихся путешествий — „sprachliche Darstellungen authentischer Reisen“ [4, с. 9] (ср. путеводители, романы-путешествия и др.). При этом характерной особенностью данного типа текста является его открытая форма, предполагающая возможность существования в виде отчета, письма, дневника, автобиографии или даже стиха, а главным фактором, определяющим структуру текста, является его функция [5, с. 316]. Применительно к типу текста «путевые заметки» К. фон Циммерманном, опираясь на мнение Ш. Хаймеля, выделены следующие функции:

- 1) информативная (отчет о совершенном путешествии);
- 2) сертификационная (путевые заметки выступают в качестве свидетельства особой репутации человека „Zertifikat erhöhter Reputation des Reisenden“ [5, с. 316], которому удалось благополучно завершить путешествие);
- 3) развлекательная (информация подается в захватывающей, увлекательной форме);
- 4) (авто)биографическо-мемориальная (воспоминание о факте автобиографии — одновременно дополнение к биографии высокопоставленных особ);
- 5) мемориальная в общественном плане (упорядочивание понятий «свое» и «чужое» за счет актуализации и разграничения культурных стандартов [9, с. 11–13]).

Неоспоримым представляется тот факт, что доминирующей функцией для типа текста «путевые заметки» является информативная функция, так как основная цель автора заметок — сообщить читателю неизвестную ему информацию о новых землях, людях, обычаях и т. д. При этом выделение дополнительных функций для каждого отдельно взятого текста в качестве значимых невозможно без учета историко-культурного контекста, в котором создавались «путевые заметки». Как отмечает К. Зейдель, между развитием путешествия как вида деятельности и путешествия как литературного жанра прослеживается определенная зависимость. С IV по XIV вв., в эпоху паломничеств и крестовых походов, путешествия предпринимались преимущественно в религиозных целях, и «путевые заметки» имели преимущественно форму отчетов паломников (Pilgerführer, Pilgerberichte), а также писем и дневниковых записей. С XV–XVI вв. благодаря развитию морского дела путешествия приобретают более светский характер, становясь впоследствии распространенным способом получения знаний о мире у молодой знати (Grands Tours), и достигают расцвета в XVIII в. Эпоха Просвещения становится временем демократизации путешествия, увеличения количества путешественников и возрастания интереса к научным описаниям [7, с. 7–9]. Н. С. Бабенко выделяет 3 основных типа путевых заметок с точки зрения интенции автора и функции текста:

- 1) паломнические (записи паломников о путешествиях на Святую Землю) — Pilgerfahrten;

- 2) маршрутные (записи путешествий, предпринятых правящими особами или по их поручению) — *Wegbeschreibungen*;
- 3) литературные (записи путешествий, совершенных в целях авантюры) — *Avantiurefahrten* [3, с. 206].

Для последнего вида — литературных записей с целью развлечения читателя — характерны существенные изменения в форме и содержании текста: согласно Г. Хуку, наблюдается переход от формального описания к описанию непосредственно действия [6, с. 34] с выдвиганием себя и собственных воспоминаний на первый план.

Именно личные переживания, связанные с трагическими событиями во время путешествия по проливу Большой Бельт, нашли отражение в ранее не исследованной рукописи Фридриха фон Грама, который по приказанию датского короля Кристиана V в январе 1684 г. отправился по делам охотничьего ведомства в Ютландию и подвергся смертельной опасности, оказавшись без еды и питья на дрейфующих льдинах и едва не утонув в море. Таким образом, данный отчет занимает промежуточное положение между маршрутными записями (поскольку фон Грам выполнял приказ короля) и литературной разновидностью путевых заметок, в центр которых выдвигаются собственное «я» и личные переживания автора. Недаром уже в первом предложении фон Грам обозначает характер своего путешествия как «*wundersame Avanture*»:

- (1) *Des Jäger-Meisters Friedrich von Gram Bericht, von Seiner und seiner Gefährten gefährlichen Eiß-und Waßer-Reise über den Großen Belt, so Sie wunderbahrer Weise überstanden im Januario 1684 Nachdem ich von guten Freünden bin ersüchet worden, von derjenigen wundersamen Avanture, so in Anno 1684 im Großen Belte aüf dem Eiße sich zügetragen hat, Ihnen einige Idée zü machen: so habe deren Begehren ... die gantze Begebenheit mit allen Umständen, so mir annoch in beständigem ü. frischem Andencken sind, folgender Weise berichten wollen.* [Gram, л. 1r]

В этом предложении мы также узнаем о существенной для анализа текста данного типа особенности: события фиксируются не непосредственно во время путешествия, а после его окончания (спустя много лет по просьбам друзей). В случае записи событий во время пути достигается бо́льшая объективность повествования, так как автор делает заметки «по горячим следам», придавая отчету характер репортажа с места событий. Во втором же случае события восстанавливаются по памяти по прошествии определенного вре-

мени, вследствие чего неизбежны фильтрация и упорядочивание фактов [8, с. 134], а текст становится литературно обработанным и, соответственно, по-иному воспринимается читателем.

Заслуживает внимания объем исследуемого текста. Он насчитывает всего 11 рукописных листов, эквивалентных в транскрипции примерно 27 000 знаков с пробелами. Логично предположить, что компактность путевых заметок фон Грама объясняется небольшой временной протяженностью и характером самого маршрута путешествия — речь идет о десятидневном плавании между датскими островами. Для сравнения можно привести тексты той же эпохи — „Ostindianische Kriegsdienste“ Якоба Саара (1672) и „Merckwürdige Nachricht aus Ost-Indien“ Бартоломео Цигенбальга и Генриха Плютшо (1708): они превосходят по объему текст фон Грама в 30–50 раз за счет освещения событий, произошедших за значительно более длительный срок и в экзотических, требующих более подробного описания местностях (Индия, Цейлон, Персия и др.).

Отсутствие характерного для большинства путевых заметок разделения основной части рукописи на главы объясняется краткостью путешествия. В целом тексты данного типа обнаруживают схожую структуру: в качестве композиционно значимых частей выделяются заглавие, вступление, основная часть и заключение, обеспечивающие завершенность и целостность текста. Заглавие как единый элемент для всего текста, способный «прогнозировать содержание, интегрировать текст и сообщать ему дополнительные смыслы» [1, с. 2], традиционно представляет собой в путевых заметках развернутое высказывание, содержащее информацию о времени, месте, участниках и характере путешествия. Типичным примером подобного названия служит, помимо заглавия исследуемой рукописи, пример (1) — название заметок Плютшо и Цигенбальга:

- (2) *“Merckwürdige Nachricht aus Ost-Indien, Welche Zwey Evangelisch-Lutherische Prediger, Nahmentlich, Herr Bartholomäus Ziegenbalg, Gebürtig von Pulsnitz in Meissen, Und Herr Heinrich Plütscho, Von Wesenberg in Mecklenburg, So von Seiner Königl. Majestät in Dennemarck und Norwegen Den 29. Novemb. 1705. aus Copenhagen nach Dero Ost-Indischen Colonie in Trangebar gesandt, Zum löblichen Versuch, Ob nicht dasigeangrenzende blinde Heyden einiger massen Zum Christenthum möchten können angeführet werden: Erstlich unterwegs den 30. April 1706. aus Africa von dem Vor- gebirge der*

guten Hoffnung, bey den so genannten Hottentotten, Und bald darauf, aus Trangebar von der Küste Coromandel, an einige Prediger und gute Freunde in Berlin überschrieben, und von diesen zum Druck befördert. Die andere Auflage. [Ziegenbalg, Plütscho, S. 1]

Привычная для XVI–XVIII вв. пространность заглавия способствует в данном случае не только его высокой информативности, но и связана с конкретной прагматической функцией — привлечь внимание читателя, настроить его на последующее захватывающее повествование.

Структура основной части рукописи фон Грама представляется весьма простой и логичной: отчет подразделяется на более мелкие отрезки, маркированные новым абзацем в соответствии с коммуникативной задачей автора. Большинство текстов данного типа имеют дневниковый характер, содержательно-логическое развертывание происходит последовательно — в соответствии с порядком следования событий с точным указанием даты, местности, участников:

- (3) *Zum Anfange des erwähnten 1684 Jahres würden der damalige Ober-Jäger, Hans Jürgen Zeitz, Ich als Jagt-Page, und noch andre Jagt-Bedienten mehr von Jägersbüng, von dem Gottl: Könige Christiano 5. beordert nach Jüttland uns zu begeben, und daselbst die Wolffe-Jagten anzustellen, um derer Bauren, so von solchen schädli: Thieren überaus großen Schaden erlitten, einige Hülffe zu verschaffen.* [Gram, л. 1r]
- (4) *Nachdem Ich im Jahr 1644. Des Autoris Abreise an dem heiligen OSTER-Tag meines Alters im neunzehenden Jahr von meinem Hertzgeliebten nunmehr Seel. Vatter in fremde Land verschickt worden und mit dem Ordinari-Botten damahls Hansen Buckel nacher Hamburg Auf Hamburg glücklich angelanget und in die zwey Monat Mich aufgehalten habe Ich von dannen meine Reiß zu beschleunigen nacher Amsterdam Auf Amsterdam. in Holland gestrebet daselbst auch auf ein halb Jahr mich umgesehen: Aber meinen Begehren und Willen nach keine Condition erlangen können weil dem lieben Gott ein anders gefiel mit Mir zu machen.* [Saar, S. 1]

Основополагающий принцип макроструктуры «путевых заметок» был сформулирован еще в 1926 г. Н. С. Трубецким: конститутивным признаком данного типа текста является постоянная смена динамически-нарративных и статически-дескриптивных фаз [2]. Нарративные моменты, связанные непосредственно с событиями,

произошедшими во время путешествия, перемежаются информативными блоками, содержащими описание ландшафтов, обычаев, населения и прочего той или иной местности. При этом, как отмечает К. фон Циммерманн, переход от одной фазы к другой, как правило, маркирован в тексте резкой сменой временной формы с претерита на презенс (см. пример (5)) [9, с. 9].

В исследуемом тексте распределение динамически-нарративных и статически-дескриптивных отрывков крайне неравномерно — описания местности занимают не более 5–10 % текста:

- (5) *Da wir eine große Menge Pashagirs **antrafen**, welche ebenfals auß Not dort anzuländen, und v. Gefahr des Trieb-Eißes welches in Größe von hohen Hauffen und Bergen triebe alda zu verbleiben **waren genöthiget worden**; daß also sich damals auß Sproebey 100 Menschen in allen **befinden möchten**. Dieses Sproe **ist** ein kleines Eiländchen im Großen-Belt, 2 Meilen v. Corsoer, u. 2 Meilen von Nüeburg; v. Knudshowt aber so ein Vorgebirge von Fühnen **ist**; nur 1 Meile **gelegen**, welcher nicht mehr Raum und Land in sich **hält**, als daß es einen eintzigen Baurn, der darauff **wohnet**, nebst seiner Familie u. benöthigten Viehe, nothdürfftig **ernehren kan**.* [Gram, л. 1v]

В «Воспоминаниях о путешествии» Якоба Саара статически-дескриптивные отрывки текста играют значительно бóльшую роль, чем в тексте фон Грама. Причиной тому, по всей видимости, служит уже упомянутая выше специфика маршрута (экзотичность и удаленность описываемых реалий от европейской цивилизации). Включая в повествование подобные отрывки, авторы путевых заметок руководствовались принципом аутопсии (др.-греч. αὐτ-οψία «непосредственное узрение»), характерным для аподемической литературы того времени (Ars apodemica — «искусство путешествия», от греч. αλοδιψω «путешествовать»). Данный принцип подразумевает точную фиксацию данных о путешествии самим путешественником (даты, расстояния, ландшафты, застройка, численность населения и скота и т. д.) (см. подробнее [9, с. 11]). И хотя впоследствии подобные записи неизменно приходилось проверять на предмет их соответствия реалиям, для автора и читателя они — по причине своей видимой объективности — служили «средством языкового и внеязыкового доказательства» („Mittelsprachlicher und außersprachlicher Evidenz“ [4, с. 297]) подлинности описываемых событий. Таким образом реализуются рассмотренные выше

информативная и сертификационная функции. Однако основное внимание фон Грам уделяет непосредственно описанию тягот пути и связанным с ним переживаниям — морское путешествие обернулось для неопытного двадцатилетнего юноши и его спутников настоящим испытанием с риском для жизни:

- (6) *Auch war Ich v. dem Wasser, so mir die Augen blendete, ù. zù Ohren, Mùnde ù. Nase eingelauffen, gantzbetaumelt: über dem war die Gewalt des Strohms so groß, daß Mir dünckte, ob hätte sich 2 Kerle an meine Füße gehangen, ùm Mich in den Gründzù ziehen. Ich wäre der Ober-Jäger nicht in dem Augenblick gekommen; wäre es doch ùm Mich gethan gewesen, wann Ich auch gleich Kräftegenùg gehabt hätte, mich länger halten zù können. [Gram, л. 4r]*

Анализ сюжета и используемых автором языковых средств дает возможность утверждать, что исследуемый текст выполняет преимущественно развлекательную функцию. Так, в примере (6) за счет употребления лексических усилителей, придаточных меры и степени и формы прошедшего времени конъюнктива II фон Граму удастся передать напряженную атмосферу во время путешествия и тем самым увлечь читателя. Подобный стиль оформления информации можно связать с общей тенденцией, характерной для записи путевых заметок в эпоху позднего Просвещения, а именно, со сдвигом интереса от простой фиксации фактов к способу их подачи („Erst im Zuge der Spätaufklärung verlagerte sich das allgemeine Interesse allmählich von den bloßen Fakten stärker zur Art ihrer Darbietung“) [9, с. 13].

Рассмотрим заключительную часть рукописи:

- (7) *Dieser ist also der natüliche ùnd einfälltge Bericht von dieser wùndersamen Begebenheit aùs Gottes Heyl, Vorsehung ùnd wunderbare Führung, als die helle Mittage Sonne hervor leùchtet. Demselbigen großen Gott, der da alles thüt, was Es will im Himmel, aùf Erden, im Meer, ùnd in allen Thieffen, ohne dessen Willennicht ein Haar von ùnserm Haübte, ja kein Sperling aùf die Erde fallen, noch vielweniger Ùns etwas, so geringe es auch scheint, von ùngefehr begegnen kann. Dem sey Danck, Lob, ùnd Herlichkeit vor alle Seine Güte, ùnd alle Seine Wùnder, die Er an ùns Menschen-Kindern von Jùgend an gethan hat ùnd nicht täglich thüt; von Ewigkeit zù Ewigkeit Amen. [Gram, л. 11r]*

Подводя итог изложенным событиям, фон Грам придает своим воспоминаниям характер благодарственной молитвы Богу за благополучное завершение всех злоключений, выпавших на долю путешественников (*Dem sey Danck, Lob, und Herlichkeit vor alle Seine Güte...*). Схожим образом заканчиваются и тексты Саара и Цигенбальга и Плютшо:

- (8) *Machte Mich demnach betrübt auf mit dem damahligen Botten Hans Fischern auf mein liebes Vatterland zu das Mich mein gnädiger Gott den 11. Augusti Anno 1660. nach sechszehen Jahren und vielen Ungemach gefährlichen Travaglien, zu Wasser und Land unter Heyden und Christen wiederum sehen lassen deme Ich von Hertzen Lob Preiß und Dank sage daß uneracht Er Mir so manches Unglück und Creutz zugeschickt doch so vätterlich erhalten hat aus Hunger und Kummer aus Feuer und Wasser aus Hitz und Brand aus Blösse und Mangel barmhertziglich errettet hat. Der wolle noch ferner über Mich walten mit Seiner Gnad und Warheit von nun an biß in Ewigkeit.* [Saar, c. 168]

Саар также благодарит Всевышнего за счастливое завершение путешествия. Особая патетичность заключительной части его путевых заметок создается за счет обилия однородных парных формул (*zu Wasser und Land unter Heyden und Christen wiederum sehen lassen deme Ich von Hertzen Lob Preiß und Dank sage daß uneracht Er Mir so manches Unglück und Creutz zugeschickt doch so vätterlich erhalten hat aus Hunger und Kummer aus Feuer und Wasser aus Hitz und Brand aus Blösse und Mangel*).

- (9) *Wir hoffen nach wenig Tagen von hinnen wiederum abzureisen nach Ost-Indien hinein. Der Herr sey mit uns, wie er bißhero gewesen ist, und begleite uns mit dem Schutz seiner heiligen Engel. Er erhalte uns in seiner Furcht, und lasse uns beständig auf dem Wege der Warheit einhergehen. Er gebe uns grosse Freudigkeit, den guten Geruch seines Erkänntnisses auszubreiten allenthalben, damit sein Nahme an uns möchte gepriesen, sein Reich vermehret und sein Wille in allen Stücken vollbracht werden! Er wolle auch die lieben Freunde und Brüder seiner Gnade und Liebe ernstlich befohlen seyn lassen; Er begleite ihr Amt mit seiner göttlichen Krafft und mache sie recht freudig und getrost, unermüdet an dem Wercke des Herrn zu arbeiten; Er belohne auch ihre Treue mit zeitlichen und ewigen Seegen. Sie grüssen die Ihrigen, und alle, die mit uns in der Liebe vereiniget sind. Jesus sey mit ihren Geiste, Amen.* [Ziegenbalg, Plütscho, S. 30]

Последние строки «Удивительного послания из Ост-Индии» Цигенбальга и Плютшо по форме и содержанию еще больше напоминают молитву (*Der Herr sey mit uns, und begleite uns mit dem Schutz seiner heiligen Engel. Er erhalte uns in seiner Furcht, und lasse uns beständig auf dem Wege der Warheit einhergehen. Er gebe uns grosse Freudigkeit* и пр.). Логичным представляется связать данный факт с родом деятельности авторов: как миссионеры они стремились придать своему тексту назидательный, проповеднический характер.

Путевые заметки Фридриха фон Грама, несомненно, представляют интерес не только для истории, но и для исторической стилистики и лингвистики текста. Отражая типичные черты эпохи Просвещения с его интересом к научным описаниям всего нового, они во многом опережают свое время. Повествуя о своих приключениях в первом лице, автор стремится не только научить, но и развлечь читателя.

Источники:

- Gram — Gram, F. von. Des Jäger-Meisters Friedrich von Gram Bericht, von Seiner und seiner Gefährten gefährlichen Eiß- und Waßer-Reise über den Großen Belt, so Sie wunderbahrer Weise überstanden im Januario 1684 / Отдел рукописей Российской Национальной Библиотеки. Ф. 885. Эрмитажное собрание. 1684/11/7.
- Saar — Saar, J. Ost-Indianische Funfzehen-Jährige Kriegs-Dienste/ und wahrhafftige Beschreibung/ was sich Zeit solcher funfzehen Jahr/ von Anno Christi 1644. biß Anno Christi 1659. zur See/ und zu land/ in offentlichen Treffen/ in Belägerungen/ in Stümen/ in Eroberungen/ Portugäsen/ und Heydnischer/ Plätze und Städte/ in Marchirn, in Quartirn, mit Ihm/ und andern Seinen Camerades begeben habe/ am allermeisten auf der grossen/ und herrlichen/ Insul CEILON. 1. Aufl. J.D. Tauber, Nürnberg, 1662; 2. vermehrte Aufl. J.D. Tauber, Nürnberg, 1672.
- Ziegenbalg — Ziegenbalg, B.; Plütscho, H. Merckwuerdige Nachricht aus Ost-Indien/ Welche Zwey Evangelisch-Lutherische Prediger/ Nahmentlich/ Herr Bartholomaeus Ziegenbalg/ Gebuertig von Pulsnitz in Meissen/ Und Herr Heinrich Pluetscho/ Von Wesenberg in Mecklenburg/ So von Seiner Koenigl. Majestaet in Dennemarck und Norwegen Den 29. Novemb. 1705. aus Copenhagen nach Dero Ost-Jndischen Colonie in Trangebar gesandt:/ Zum loeblichen Versuch/ Ob nicht dasige angrenzende blinde Heyden einiger massen Zum Christenthum moechten koennen angefuehret werden: Erstlichunterwegens den 30. April 1706 aus Africa von dem

Vorgebirge der guten Hoffnung/ ... Und bald darauf/ aus Tran-
gebar von der Kueste Coromandel, an einige Prediger und gute
Freunde in Berlin ueberschrieben/ und von diesen zum Druck
befoerdert / B.Ziegenbalg. Die andere Aufl. Leipzig: Papen, 1708.

Литература

1. Бойко, Л.Б. Особенность функционирования заглавий в текстах с различными коммуникативными заданиями: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Одесск. гос. ун-т. Одесса, 1989. 14 с.
2. Трубецкой, Н.С. «Хождение за три моря» Афанасия Никитина, как лит. памятник // Версты: сб. статей. Т. 1. Париж, 1926. С. 168–183.
3. Babenko, N. Reisebeschreibungen in der Textsortenklassifikation // Textsorten und Textsortentradition (Berliner Studien zur Germanistik) / Hrsg. F. Simmler. Bern, Berlin u.a.: Peter Lang, 1997. S. 205–213.
4. Brenner, P.J. Der Reisebericht. Die Entwicklung einer Gattung in der deutschen Literatur. Frankfurt/M.: Suhrkamp, 1989. 749 S.
5. Heymel, C. Touristen an der Front: Das Kriegererlebnis 1914–1918 als Reiseerfahrung in zeitgenössischen Reiseberichten. Münster: LIT Verlag, 2007. 416 S.
6. Huck, G. Der Reisebericht als historische Quelle. Ders. // ...und reges Leben ist überall sichtbar! Reisen im Bergischen Land um 1800 / Hrsg. J. S. Reulecke. Neustadt an der Aisch, 1978. S. 27–44.
7. Seidel, K. Girolamo Portos Bericht von seiner Reise nach Süddeutschland und Österreich. Edition der Handschriften von 1709, 1710 und 1715 mit sprachhistorischem Kommentar. Berlin: Logos, 2014. 397 S.
8. Weidenbusch, W. Das Italienische in der Lombardei in der ersten Hälfte des 19. Jahrhunderts: Schriftliche und mündliche Varietäten im Alltag. Tübingen: Gunter Narr, 2002. 420 S.
9. Zimmermann, Chr. von. Texttypologische Überlegungen zum frühneuzeitlichen Reisebericht: Annäherung an eine Gattung // Archiv für das Studium der neueren Sprachen und Literaturen. 154. Jg. Bd. 239 / Hrsg. H. Brunner u.a. Berlin, 2002. S. 1–20.

References

1. Bojko, L. B. *Osobennost' funktsionirovaniia zaglavii v tekstakh s razlichnymi kommunikativnymi zadaniiami* [Special aspects of the title functioning in texts with different communicative tasks]. Thesis of PhD diss. Odessa, 1989. 14 p. (In Russian)
2. Trubetskoj, N.S. “Khozhdenie za tri moria” Afanasiia Nikitina, kak lit. pamiatnik [Afanasiy Nikitin’s “Journey beyond three seas” as a literary monument]. *Versty*, Vol. 1. Paris, 1925, pp. 168–183. (In Russian)
3. Babenko, N. Reisebeschreibungen in der Textsortenklassifikation. *Textsorten und Textsortentraditionen (Berliner Studien zur Germanistik. 5)*. Hrsg. F. Simmler. Bern etc., Peter Lang, 1997, pp. 205–213.

4. Brenner, P.J. *Der Reisebericht. Die Entwicklung einer Gattung in der deutschen Literatur*. Frankfurt on M., Suhrkamp, 1989. 749 p.
5. Heymel, C. *Touristen an der Front: Das Kriegserlebnis 1914–1918 als Reiseerfahrung in zeitgenössischen Reiseberichten*. Münster, LIT Verlag, 2007. 416 p.
6. Huck, G. Der Reisebericht als historische Quelle. Ders. ...*und reges Leben ist überall sichtbar! Reisen im Bergischen Land um 1800*. Hrsg. J. Reulecke. Neustadt an der Aisch, 1978, pp.27–44.
7. Seidel, K. *Girolamo Portos Bericht von seiner Reise nach Süddeutschland und Österreich. Edition der Handschriften von 1709, 1710 und 1715 mit sprachhistorischem Kommentar*. Berlin, Logos Verlag Berlin GmbH, 2014. 397 p.
8. Weidenbusch, W. *Das Italienische in der Lombardei in der ersten Hälfte des 19. Jahrhunderts. Schriftliche und mündliche Varietäten im Alltag*. Tübingen, Narr Verlag, 2002. 420 p.
9. Zimmermann, Chr. von. Texttypologische Überlegungen zum frühneuzeitlichen Reisebericht: Annäherung an eine Gattung. *Archiv für das Studium der neueren Sprachen und Literaturen*. 154. Jg. Bd. 239. Hrsg. H. Brunner u. a., Berlin, 2002, pp. 1–20.

Нифонтова Дарья Евгеньевна

кандидат филологических наук, ассистент кафедры немецкой филологии СПбГУ
Адрес: Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9.

Darya E. Nifontova

Doctor of Filological Sciences (PhD), Assistant Professor of German Department
St. Petersburg State University
Address: 7–9, Universitetskaya emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation.

СПЕЦИФИКА ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТИ В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ ТЕКСТАХ XVI ВЕКА

Ключевые слова: интертекстуальность, интертекстуальные маркеры, внешние связи текста, лингвокультурное пространство, коммуникативный процесс, диалогическое взаимодействие.

Одна из особенностей текстов XVI в. состоит в их интертекстуальности. Особая роль в аспекте интертекстуальности принадлежит в этот период титульному листу книги, на котором были зафиксированы ее название, имя автора, краткая информация о книжке, а также текстам предисловий и посвящений. Интертекстуальность как явление и как характеристика структурного построения текста рассматривается в данной статье, с одной стороны, как проявление внешних связей текста, динамики текста в истории немецкого языка, с другой — как устойчивая особенность текстов исследуемого периода, которая определила систему их текстотипологических характеристик. Анализируются функциональные особенности интертекстуальных маркеров, определяющих жанровую принадлежность текстов и их связь с другими текстами.

М. А. OLEYNIK

Kuban State University

SPECIFICS OF THE INTERTEXTUALITY IN THE GERMAN TEXTS OF THE 16TH CENTURY

Keywords: intertextuality, intertextual markers, external connections of the text, linguocultural space, communicative process, dialogical interaction.

Intertextuality is one of the peculiarities of the texts of the 16th century. The title page plays a particular important role from the aspect of the intertextuality as it presents the title, the name of the author, short summary of the book as well as the forewords and dedications. Intertextuality as a phenomenon and a characteristic of a text structure is described in this article first as a manifestation of the external connections of the text and its dynamics in the history of German language and on the other hand as a sustainable peculiarity of the texts in the analyzed period, which defines its typological text characteristics. We also analyze the functional specifics of the intertextual markers, defining the genre affiliation and its connection with the other texts.

В связи с исследованием текстов отдалённых от нас эпох особое значение приобретает выявление специфики внешних связей текста. Понятие «внешние связи текста» созвучно понятию «вне-текстовая связь», которое использует Ю.М.Лотман, описывая

связь текста с другими текстами и с действительностью: «Он (писатель) сопоставляет текст с известной ему литературной традицией, со своими собственными предшествующими произведениями, с окружающей действительностью [...]. Идеи автора, выраженные в произведении, также, бесспорно, не составляют всего объёма его идей. Но понять их можно только в отношении ко всей системе и совокупности его идей [...]. Таким образом, внетекстовые отношения не “примышляются” — они входят в плоть художественного произведения» [1, с. 214]. Имя автора, ссылки на других авторов и произведения, цитаты, прямые обращения к читателю, паратексты — все эти структурные элементы текста «обеспечивают» выход текста во внешний контекст, в сформированную до него текстовую среду, которая обнаруживает специфические черты эпохи и, соответственно, культуры. «...всякий текст вбирает в себя другой текст и является репликой в его сторону» [2, с. 102]. Языковые средства, эксплицирующие внешние связи текста, создают интертекстуальную «сетку» текста. Возникает вопрос о релевантности интертекстуальных маркеров в аспекте прагматического воздействия текста на реципиента и о степени обусловленности этого воздействия эпохой и временем прочтения. При этом следует учитывать, что «письменные памятники отдалённых эпох как способ представления различных типов знания предстают перед нами прежде всего как результат кодировки, проведённой на базе определённого состояния языка в его структурной и культурной ценности, и как единица коммуникации» [3, с. 9]. Представляется, что прагматическая нагруженность интертекстуальных маркеров обнаруживает временную специфику: для современников автора важно установить осязаемые связи одного текста с другим. Р. Барт пишет: «Текст... может быть собой только в своих несходствах [...]; прочтение Текста — акт одноразовый... и вместе с тем оно сплошь соткано из цитат, отсылок, отзвуков; все это языки культуры [...], старые и новые, которые проходят сквозь текст и создают мощную стереофонию. Всякий текст есть между-текст по отношению к какому-то другому тексту, но эту интертекстуальность не следует понимать так, что у текста есть какое-то происхождение; [...] текст... образуется из анонимных, неуловимых и вместе с тем уже читанных цитат — из цитат без кавычек» [4, с. 418]. Исследование языковых способов передачи внешних связей в текстах ранних эпох позволяет выявить не только системные текстотипологические особен-

ности макро- и микроструктуры текста, проследить особенности мировосприятия и концептуализации автором окружающей действительности, но и определить доминантные константы в лингвокультурном пространстве той или иной эпохи. Интертекст становится в текстах XVI в. тем средством, которое позволяет автору определить своё место и место своего произведения в культурном контексте эпохи.

Явление интертекстуальности в современной лингвистике представляет собой одну из актуальных лингвистических проблем, так как оно связано с взаимодействием не просто текстов, а дискурсов и культур [4–7]. Вопросы реализации интертекстуальности в текстах отдалённых эпох в различных типах дискурса остаются пока ещё малоисследованными. В этой связи следует упомянуть диссертационное исследование Либиг С. В., посвящённое исследованию амбивалентного характера интертекстуальности в текстах о Вильгельме Телле [8]. Автор устанавливает интертекстуальность, с одной стороны, как наличие в исследуемом тексте связей с другими текстами, с другой стороны, как общесемиотический феномен, охватывающий взаимоотношения текста с «вертикальным контекстом, фондом общечеловеческих знаний и другими семиотическими системами» [8, с. 6].

Интертекстуальные маркеры в немецкоязычных текстах XVI века

Анализ текстов XVI в. позволил выявить ряд особенностей на уровне макро- и микроструктуры, благодаря которым устанавливаются внешние связи «исходного текста» с другими текстами. По отношению к выявленным способам передачи интертекстуальности мы используем термин «интертекстуальный маркер». В нашем материале такими маркерами явились: названия книг, имена авторов, название жанра, способы обозначения круга адресатов и цели написания книжки, цитаты из Священного Писания, пословицы и поговорки, способы обращения к читателю. Проиллюстрируем примерами и комментариями некоторые из интертекстуальных маркеров.

Лексема «kurtzweilig» как интертекстуальный маркер используется в текстах развёрнутых заголовков на титульных страницах и становится в XVI в. неким кодом, сигнализирующим адресату

принадлежность книжки к тому жанру, который развеселит, избавит от меланхолии и грусти, послужит поводом для приятного времяпрепровождения в кругу друзей: mit ernstlichen vnd kurtzweiligen exemplen, kurtzweilig zu lesen, zu einer kurtzweil, ein schoen kurtzweyligs Buechlein, kurtzweilig bossen, vil schoener lustiger vnd kurtzweyliger Hystorien, vil seltzamer, kurtzweyliger Hystorien, sehr lieblich vnd kurtzweilig, zu ehrlicher Kurzweil und Zeitvertreibung. Лексема «kurtzweilig» используется в этот период значительно чаще, чем schoen и lustig, и, сочетаясь с такими существительными, как historien, geschichten, fabeln, bossen, schwenk, zotten, exempel характеризует соответствующий жанр.

Лексемы historien, geschichten, fabeln, bossen, schwenk, zotten, exempel как интертекстуальные маркеры являются обязательными структурными и содержательными компонентами текстов развёрнутых заголовков, предисловий и посвящений.

Валентин Шуман (1559) так характеризует жанровую принадлежность текстов, вошедших в сборник шванков «Nachtbüchlein»: Drinnen so sein beschrieben neün und zweintzig hystorien, under welchen seind drey von kriegem und untrew der herrschaft, auch diener; auch so seind darinnen von der liebe siben historien, wie sie so manchen trawrigen außgang macht und stetz mit jammer, angst, not und trübsal ist vermischet; auch so sein darunter vierzehn gutter bossen und kurtzwayliger schwenck [Schumann, с. 171]. — «Здесь содержатся 29 историй (hystorien), из которых 3 — о военных событиях и неверности правителей, а также слуг; ещё 7 историй (hystorien) о любви, о том, как некоторых она делает грустными и всегда смешана с сердечными переживаниями, страхом, разочарованием и печалью; а также здесь 14 добрых историй (bossen) и весёлых шванков (schwenck)»¹⁵.

В развёрнутом заголовке к сборнику шванков «Gartengesellschaft» Якоб Фрей (1556) использует в качестве интертекстуальных маркеров лексемы gesprech, bossen, Historien, Fabulen:

Die Garten Gesellschaft

Ein New hübsches vnd schimflichs buechlin, genant, Die Garten Gesellschaft, darinn vil froelichs gesprechs, Schimpff reden, Spaywerk vnd sunst kurtzweilig bossen, von Historien und Fabulen, gefunden werden, Wie ye zü zeiten die selben, inn den schoenen Gaerten, bey den kuelen Brunnen, auff den gruenen Wysen, bey der Edlen Music, Auch

¹⁵ Здесь и далее перевод мой. — М. А. Олейник.

andern Ehrlichen gesellschaften (die schwaeren verdroßnen gemueter wider zû recreieren, vnnd auff zû heben) froelich vnnd freundlich geredt, vnd auff die ban werden gebracht, Allen denen, so sich solcher gesellschaften gebrauchen. Auch andern, Jungen vnd Alten, verdroßnen gemueter wider zû recreieren, vnnd auff zû heben etc. Neulich durch Jacoben Freyen, Stattschreibern zû Maurßmünster, an vilen mancherley orten, zû samen gesücht vnd colligiert, auch in dises Buechlin verfaßt, vnd an tag gebracht [Frey, S. 1].

Общество в саду

Новая красивая и весёлая книжка, названная «Общество в саду», в ней будет найдено много весёлых разговоров, смешных речей и других развлекательных проделок, историй и басен. Как и прежде, сейчас эти самые (рассказы) станут достоянием многих, которые ведут весёлые и дружеские беседы в прекрасных садах, у прохладных фонтанов, на зелёных лужайках, в сопровождении изысканной музыки, а также достоянием других уважаемых обществ (тяжёлые гнетущие чувства будут при этом рассеяны). Станут достоянием всех тех, кто нуждается в таком окружении (обществе). А также и других, молодых и старых, чтобы почитать что-то весёлое. Недавно собраны в разных местах, составлены и изданы в этой книжке Якобом Фрейем, писателем из Маурсмюстера.

Наиболее частотным интертекстуальным маркером среди вышперечисленных является лексема *Historie*. Именно в XVI в. употребление этой лексемы становится столь частотным, что она превращается в своеобразный термин [9, с. 195]. С одной стороны, лексема *historia* служит для обозначения произведения, в котором зафиксированы определённые исторические события. С другой стороны, с помощью «*historien*» обозначаются также нарративные фрагменты внутри больших произведений. К этой традиции восходит и использование данного термина в сборниках шванков.

Специфическим проявлением интертекстуальности в текстах XVI в. являются ссылки авторов на произведения, которые могли послужить для написания собственных произведений не только образцом, но и источником:

dise exempel zusammen gelesen vsz allen büchern, wa er es funden hat [Pauli, S. 13] — «эти истории собрал вместе из всех книг, где он это нашёл».

Приведенный контекст из сборника шванков «Schimpf und Ernst» Йоханнеса Паули представлен как носитель интертекстуальности. Об этом свидетельствует соотнесение авторского объекта «эти истории» и его источников: из всех книг, где он это нашел. Автор выступает здесь в двух ипостасях: и как читатель, адресат упомянутых книг-основ, и как создатель своего, перекликающегося с ними текста.

Якоб Фрей в посвящении к сборнику шванков «Gartengesellschaft» упоминает сборник шванков «Schimpf und Ernst» Йоханнеса Паули, а в предисловии к этому же сборнику шванков — сборник шванков «Rollwagenbüchlein» Йорга Викрама:

...zehen fablen unter den andern eingefürt, so frater Johannes Pauli in dem Schimpff und ernst [...] endet sy aber also gar kurtz, daß sie verständlicher und lenger zü beschreiben von nöten gewesen, damit sie mer historisch gesehen werden. Sunst sind mir der eingeschriben sachen vil selbst begegnet, dann ich auch etwann darnach gerungen; vil hab ich bei andern unnd allenthalben gesehen, gehört unnd erfahren [Frey, S. 4] —

«...добавил ещё десять рассказов, так как отец Йоханнес Паули в „Schimpf und Ernst“. [...] заканчивает их (рассказы) слишком быстро, так что было необходимо их сделать более понятными и длинными для того, чтобы больше они были похожи на истории. Впрочем, многие из написанных историй мне “встретились”, многое я упростил; многое увидел, услышал или узнал от других»

...weisen herren Jörgen Wickram, stattschreiber zü Burckheim, meinen günstigen lieben herren, das Rollwagen büchlin, sehr kurtzweilig [...] zü lesen, an tag kommen und gemacht worden, welches mir nit ein geringen anmüt gebracht und geben hat [Frey, S. 5]

«...издана книжка Rollwagen мудрого господина Йорга Викрама, городского писаря из Бургхайма, моего дорогого и благосклонного ко мне господина, которую очень весело [...] читать и которая в немалой степени явилась для меня толчком».

Виктор Шуман приводит целый список известных классических произведений и произведений современников в качестве того образца, к которому он как писатель должен стремиться. При этом он, с одной стороны, оценивает собственное произведение, с другой — демонстрирует свою начитанность:

Livium, Ovidium, Cento novellam, ritter Pontus, ritter Galmy, Fortunatum, Tristant, Peter von Provincia unnd Magelone, zwey liebhabende

aus Franckreich und Engelland, der ritter im thurm, den grossen Alexander, Octavianus unnd die 7 weysen mayster, auch etliche büchlein als Rollwagen, Schimpff unnd ernst, Schertz mit der warheit, Rastbüchlein, Wegkürtzer; welches alles gelerte unnd wolerfahrne geschichtschreyber und studiosi haben beschriben, deren mein hystorien unnd fabeln gantz ungleich sein [Schumann, S. 8].

Данный отрывок текста устанавливает многоплановые внешние связи текста В. Шуманна: автор упоминает, пожалуй, все наиболее популярные среди читателей середины XVI в. литературные произведения.

Уместно привести пример и из посвящения Мартина Монтануса к сборнику шванков «Wegkürzer»:

...vil geschriben sind, als nemblich Schimpff und ernst, die Garten gesellschaft, der Rollwagen unnd andere vil kurtzweylige historien mehr, denen diß mein buechlin vil zů gering ist [Montanus, S. 4]

«...много написано, а именно „Schimpff und Ernst“, „Gartengesellschaft“, „Rollwagen“ и многие другие весёлые истории, по сравнению с которыми моя книжонка слишком незначительна».

Приведённые примеры иллюстрируют особое интертекстуальное диалогическое взаимодействие, участниками которого являются другие авторы и тексты. Что подтверждает признанное суждение Р. Барта об интертекстуальной природе текста вообще. Выявление и анализ интертекстуальных маркеров позволяет осмыслить предшествующее состояние языка — речи — речевой деятельности, различные синхронные срезы и, соответственно, более системно обосновать константы, преемственность и аспект непрерывности духовного развития. Разнообразные интертекстуальные маркеры в виде ссылок на другие произведения, упоминание других авторов, использование цитат из Священного Писания и пословиц способствуют обогащению концепта «текст» и развитию корреляций между «исходным» и «чужим» текстами в составе более сложных целых. Из этой взаимосвязи интертекстуальных «элементов» с «основным» текстом вытекает направленность коммуникативного процесса: он движется как бы от читателя к автору, а затем обратно к читателю. Соотношение текстуального и интертекстуального начал, появление второго как результат специфики первого ярко представлено в исследуемых текстах XVI в. и открывает новые перспективы для исследования текстов отдалённых от нас эпох.

Источники иллюстративного материала

- Fery — Frey, J. Gartengesellschaft (1556) / Hrsg. v. J. Bolte. Tübingen, 1896.
Montanus — Montanus, M. Schwankbücher (1557–1566) / Hrsg. v. J. Bolte. Tübingen, 1899.
Pauli — Pauli, J. Schimpf und Ernst / Hrsg. v. Hermann Österly. Stuttgart, 1866.
Schumann — Schumann, V. Nachtbüchlein (1559) / Hrsg. v. J. Bolte. Tübingen, 1893.

Литература

1. Лотман Ю. М. и тартуско-московская семиотическая школа. М.: Гнозис. 1994. 560 с.
2. Кристева, Ю. Бахтин, слово, диалог и роман // Вестник Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 1995. № 1. С. 97–124.
3. Баева, Г. А. К проблеме описания речевого поведения человека отдалённой от нас эпохи // Германистика в современном научном пространстве: Традиционные и новые аспекты изучения германских и славянских языков. Краснодар: КубГУ, 2013. С. 9–13.
4. Барт, Р. От произведения к тексту // Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1989. С. 413–423.
5. Ильин, И. П. Постмодернизм от истоков до конца столетия: эволюция научного мифа. М.: Интрада, 1998. 256 с.
6. Чернявская, В. Е. Интертекстуальность как текстообразующая категория в научной коммуникации: дис. ... д-ра филол. наук / СПбГУ. СПб., 2000. 448 с.
7. Genette, G. Paratexte. Das Buch vom Beiwerk des Buches. Frankfurt/M.: Campus Verlag, 1989. 402 S.
8. Либиг, С. В. Интертекстуальные особенности текстов о Вильгельме Телле: автореф. дис. ... канд. филол. наук / СПбГУ. СПб., 2009. 24 с.
9. Кнапе, J. „Historie“ im Mittelalter und Früher Neuzeit. Baden-Baden, 1984. 131 S.

References

1. Lotman Ju. M. i tartusko-moskovskaia semioticheskaia shkola [Lotman J. M and Tartus-Moscow School of Semiotics]. Moscow, Gnozis Publ., 1994. 560 p. (In Russian)
2. Kristeva, J. Bachtin, slovo, dialog i roman [Bahtin, Word, Dialog and Novel]. Vestnik Moscow Univ. Series 9. Philology, 1995, no. 1, pp. 97–124. (In Russian)
3. Baeva, G. A. [Problem of describing the speech behaviour of an individual from a distant time]. Germanistika v sovremennom nauchnom prostranstve: Tradit-

sionnye i novye aspekty izucheniia germanskikh i slavianskikh iazykov. Krasnodar, KubGU, 2013, pp. 9–13. (In Russian)

4. Bart, R. [From work to the text]. Bart R. *Izbrannye raboty: Semiotika. Poetika*. Moscow, Progress Publ., 1989, pp. 413–423. (In Russian)

5. Iljin, I. P. *Postmodernizm ot istokov do kontsa stoletii: evoliutsiia nauchnogo mifa* [*Postmodernism: from the beginnings to the end of the century: evolution of a scientific myth*]. Moscow, Intrada, 1998. 256 p. (In Russian)

6. Cherniavskaia, V. E. *Intertekstual'nost' kak tekstoobrazuiushchaia kategoriia v nauchnoi kommunikatsii* [*Intertextuality as a text defining category in the scientific communication*]. Doct. diss. St. Petersburg, St. Petersburg State Univ., 2000. 448 p. (In Russian)

7. Genette, G. *Paratexte. Das Buch vom Beiwerk des Buches*. Frankfurt on M., Campus Verlag, 1989. 402 p.

8. Libig, S. W. *Intertekstualnye osobennosti tekstov o Vilgelme Telle* [*Intertextual peculiarities of the texts about Wilhelm Tell*]. Thesis of PhD diss. St. Petersburg, 2009. 24 p. (In Russian)

9. Knappe, J. „*Historie*“ *im Mittelalter und Früher Neuzeit*. Baden-Baden, 1984.

Олейник Марина Алексеевна

доктор филологических наук, профессор кафедры немецкой филологии Кубанского государственного университета

Адрес: 350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, д. 149

Marina A. Oleynik

Doctor of Philological Sciences, Professor of the Department of German Philology Kuban State University

Address: 149, Stavropol'skaya ul., Krasnodar 350040, Russian Federation

E-mail: kubstunigerdep2@mail.ru

**КОММУНИКАТИВНО-СМЫСЛОВЫЕ БЛОКИ
АВТОРСКОГО ПРЕДИСЛОВИЯ И ИХ ВАРИАТИВНОСТЬ
(НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ МОНОГРАФИЙ ПО ЛИНГВИСТИКЕ)**

Ключевые слова: научный лингвистический дискурс, паратекстовые элементы, авторское предисловие, структурная единица, коммуникативно-смысловой блок, вариативность.

В статье рассматривается авторское предисловие как паратекстовой элемент научной монографии, его структура, возможности использования коммуникативно-прагматического подхода к ее анализу, различные точки зрения на выделение коммуникативно-смысловых блоков как структурных единиц, коммуникативно-смысловые блоки авторского предисловия и их варьирование.

I. A. VORONOVSKAYA

St. Petersburg State University

**COMMUNICATIVELY-SEMANTIC UNITS OF THE
AUTHORIAL PREFACE AND THEIR VARIABILITY
(BY THE EXAMPLE OF GERMAN LINGUISTIC MONOGRAPHS)**

Keywords: linguistic academic discourse, paratextual elements, authorial preface, structural unit, communicatively-semantic unit, variability.

The paper discusses the authorial preface as a paratextual element of the scientific monograph, its structure, the possibility of using communicative and pragmatic approach to its analysis, the different points of view on the selection of communicatively-semantic units as a structural unit, communicatively-semantic blocks of the authorial preface, and their variability.

Авторское предисловие многие исследователи относят к вспомогательным текстам, основной задачей которых являются «сопровождение» и подготовка восприятия читателем базового текста. Ж. Женетт именует подобные тексты паратекстами [14, с. 9], И. Р. Гальперин называет их «предтекстами» и, в частности, подчеркивает, что предисловие не сообщает читателю новое научное знание, оно «настраивает» его на восприятие основного текста, пробуждает интерес, выполняя роль своеобразного компаса [3, с. 58]. Предисловие и основной текст образуют единое целое, вне рамок которого существование вспомогательного текста не является возможным. А. В. Белых называет предисловие к научной моногра-

фии вторичным текстом информационного типа, своеобразным метатекстом с набором определенных прагматических установок [2, с. 4]. М. П. Котюрова и Е. А. Баженова, занимаясь вопросами научного дискурса, также считают научную монографию целостным единством базового текста и периферийных текстов. Как и И. Р. Гальперин, они говорят лишь об относительной автономности периферийных текстов, к которым относят как пред-, так и послетексты [6, с. 232].

Авторское предисловие к научной монографии носит проспективный характер и выполняет в рамках целостного единства множество функций, из которых к основным можно отнести, по мнению С. Т. Нефедова, коммуникативную функцию (вспомогательно-обслуживающую) [11, с. 198]. «Свою функциональность предисловие приобретает только на фоне базового текста, вне которого его существование лишено всякого смысла: автор не обязан писать предисловие, а адресат — читать. Вместе с другими паратекстовыми компонентами единой макроструктуры... предисловие как вторичный текст обладает четко выраженной функцией обслуживания основного текста» [12, с. 36]. Реализации коммуникативных задач и функций предисловия подчинена и его структура. В связи с этим возникает вопрос о том, возможно ли описать структуру текста авторского предисловия, используя принципы, применимые к собственно научным, базовым типам текста? План выражения любого научного текста имеет четкую структуру и тесно связан с планом содержания, с той информацией, которую излагает автор. Восприятие этой информации адресатом зависит от плана выражения, который играет определяющую роль при интеграции нового знания в научный дискурс [13, с. 68]. В связи с этим «соотнесенность каждого текста с канонизированной моделью производства и восприятия аналогичных текстов предполагает выявление и описание тех стандартизированных текстовых компонентов и языковых средств, которые оформляют типичные смыслы в текстопроизводстве» [13, с. 68]. Реципиент, воспринимая текст как целостную структуру и единую систему, пытается выделить в нем отдельные части и выявить между ними возможные взаимосвязи. Изучение целого текста не представляется возможным без выделения в нем структурно-смысловых единиц, типичных смыслов, которые оформлены стандартизированными текстовыми компонентами и языковыми средствами. Поскольку авторское предисловие является интегрированной в единое целое

базового текста частью, выполняющей свои задачи и функции, представляется возможным рассматривать его структуру, используя аналогичные принципы.

В лингвистике текста приняты различные подходы к анализу текстовых единиц: 1) абзацно-графический (В. А. Кухаренко, Н. А. Левковская, Е. В. Литвиненко и др.); 2) синтаксический (В. В. Виноградов, С. Г. Ильенко, О. И. Москальская, Г. Н. Пospelов, Г. Я. Солганик); 3) семантический (Н. П. Пешкова, М. П. Котюрова, И. П. Торсуева, М. Я. Дымарский); 4) функционально-смысловой (Н. В. Данилевская, Н. В. Кириченко, М. Н. Кожина, Я. М. Колкер, Н. М. Краевская, В. А. Портянников, М. В. Сосаре) [7, с. 9–10].

Функционально-смысловой подход, при котором в центре внимания находится содержательная сторона речевого произведения, видится при исследовании авторских предисловий к научным монографиям по лингвистике наиболее рациональным. «При функционально-смысловом подходе за основу выявления текстовой единицы принимается в первую очередь соответствие между определенным фрагментом типового содержания и реализуемыми этим фрагментом функциями в структуре целого текста» [7, с. 10]. В современной лингвистике текста текст рассматривается как коммуникативная единица, соответственно, анализ функционально-смысловой (содержательно-смысловой) организации научного текста и авторского предисловия как его неотъемлемого элемента может быть осуществлен в аспекте реализации этой структурой общей коммуникативной (прагматической) функции целого текста, что дает возможность рассматривать содержательно-смысловую структуру как коммуникативно-прагматическую. Соединение содержательно-смыслового и коммуникативно-прагматического подходов к рассмотрению текста кажется тем более логичным, что уже на уровне функционально-смыслового анализа структурных единиц научного текста ряд ученых выделяет так называемые коммуникативные или коммуникативно-смысловые блоки (А. М. Мороховский, Я. М. Колкер, Н. М. Лариохина, Н. М. Кожина, В. А. Портянников, Н. В. Данилевская, Н. В. Кириченко), что показывает прагматическую направленность смысловой структуры текста.

А. М. Мороховский описывает коммуникативные блоки, уделяя внимание прежде всего выполняемой ими функции, не учитывая непосредственно текстовое оформление блока [10]. Н. М. Лариохина анализирует содержательный и языковой аспект научного текста

и выделяет девять коммуникативно-смысловых блоков, отражающих основные типы информации научного текста [9, с. 23]. Н. В. Данилевская выявляет особые смысловые единицы, так называемые «развернутые вариативные повторы» [4, с. 23–24]. По всей вероятности, наиболее полный перечень компонентов содержательно-смысловой структуры научного текста приводит М. Н. Кожина [5, с. 42]. Е. М. Баженова предлагает иную концепцию смысловой структуры научного текста, в рамках которой его композицию можно определить как последовательность, соотношение и взаимное расположение субтекстов, с помощью которых автор привлекает внимание адресата таким образом, что произведение воспринимается как единое целое. Каждому субтексту соответствует своя стандартизированная речевая реализация. Наряду со словами, словосочетаниями и предложениями, в качестве реализации могут выступать и самостоятельные тексты [1]. У В. Е. Чернявской коммуникативно-прагматическому подходу выделения в тексте структурных единиц соответствует композиционное членение текста, она развивает идею Е. М. Крижановской о выделении особых текстовых единиц, отражающих зависимость композиционной организации научного текста от структуры коммуникативно-когнитивных процессов в науке [13, с. 70]. Е. М. Крижановская, давая определение коммуникативному блоку, понимает под ним текстовую функционально-смысловую единицу, представляющую собой результат языковой материализации одного или нескольких коммуникативно-познавательных действий (смыслов), функционирующую в качестве структурного элемента содержания и характеризующуюся коммуникативной направленностью на выражение актуальной для автора и читателя информации. Главной функцией коммуникативного блока является экспликация наиболее важных для автора и читателя операций когнитивного процесса, формирование структуры смыслового содержания, участие в развертывании целого текста [8, с. 163–164].

Коммуникативный блок является, таким образом, типичным структурным компонентом научного текста, поскольку выражает один из основных аспектов научно-познавательной деятельности — последовательность и логичность мыслительных операций. Применительно к научному тексту можно выделить характерные коммуникативные блоки, такие как «введение темы», «характеристика объекта изучения», «формулировка проблемы», «выводы» и т. д. Этот ряд не является завершенным, поскольку перечень ком-

муникативно-познавательных действий, которые составляют основу этих речевых единиц, не ограничивается упомянутыми примерами.

Каждое авторское предисловие со структурно-семантической точки зрения, как и основной текст монографии, представляет собой набор определенных коммуникативно-смысловых блоков, которые также отражают последовательность и логичность ментальных действий. С. Т. Нефедов выделяет прототипические модели коммуникативно-смысловых блоков предисловия, представляя их в порядке частотности реализации: 1) заглавие; 2) эмоционально-экспрессивный блок; 3) коммуникативная ориентация; 4) формулирование целей и задач монографии; 5) представление концептуальной базы и методологии исследования; 6) характеристика предтекстов; 7) указание на целевого адресата; 8) обсуждение архитектоники, содержания частей и навигации основного текста [11, с. 199]. Данная модель, являясь своего рода эталоном, реализуется далеко не в каждом случае, количество коммуникативно-смысловых блоков любого отдельно взятого предисловия определяется прагматическими установками его автора. Границы коммуникативных блоков не всегда четко определимы и зачастую совпадают с границами абзацно-фразового членения, в ряде случаев имеет место наложение коммуникативных блоков друг на друга, поскольку коммуникативный блок не имеет четких границ, а текст не может делиться на коммуникативные блоки без остатка.

Авторское предисловие к научной монографии обнаруживает в своей структуре набор различных коммуникативно-смысловых блоков, который в каждом конкретном случае может варьироваться. Данная вариативность проанализирована на примере 30 авторских предисловий к немецким научным монографиям по лингвистике, которые были отобраны на основе приблизительно равного объема в 1–1,5 страницы. Предисловия меньшего объема представляют собой практически гомогенную группу, их структура представлена, как правило, тремя константными коммуникативно-смысловыми блоками: это блоки «Заглавие», «История создания книги/монографии» и «Выражение признательности/благодарности».

В проанализированных примерах отчетливо вычленимыми оказались варианты наборов, состоящие из 4–6 коммуникативно-смысловых блоков, состав которых варьируется и выглядит следу-

ющим образом: в первой группе предисловий представлены блоки «Заглавие», «Тема/Содержание книги/монографии», «Цели и задачи книги/монографии», «Выражение признательности/благодарности», «Коммуникативная ориентация»; во второй группе предисловий репертуар коммуникативно-смысловых блоков расширен за счет появления блока «Структура книги/монографии»; в третьей группе предисловий, помимо указанных в первой группе, есть также блок «История создания книги/монографии».

Блок «Заглавие», который во всех рассмотренных примерах занимает константную первую позицию и отсутствует лишь в одном предисловии, представлен словесной номинацией „Vorwort“. Данный блок предваряет основной текст предисловия и маркирует его текстотипологическую принадлежность. В двух примерах сразу же за блоком «Заглавие» размещены эпитафии, представляющие собой текстологическую единицу, носящую характер кодирования смысла в тексте и отчасти демонстрирующую авторскую интенцию: „*Ich übergebe euch dieses Büchelchen als einen Spiegel um hinein nach euch und nicht als eine Lorgnette um dadurch und nach andern zu sehen*“ (G. C. Lichtenberg) [Heringer]; „*Um die eigentliche Artischocke zu finden, hatten wir sie ihrer Blätter entkleidet*“ (L. Wittgenstein) [Sandig].

Блок «Тема/Содержание книги/монографии» в зависимости от своего объема содержит описание темы или предмета исследования, указание на основные тематические разделы, иногда дает краткий экскурс в историю вопроса или предлагает достаточно пространственные размышления автора о теме монографии. Доминирующими синтаксическими конструкциями этого блока выступают предложения с составным именным сказуемым, где подлежащими являются названия научных дисциплин или термины: *Die Phraseologie... ist zu Recht ein zentraler Zweig...* [Donalies]; *Lexikologie ist eine faszinierende Disziplin...* [Lutzeier]; *Die Kognitive Linguistik ist ein junger Forschungsansatz...* [Schwarz]; *Sprache und Kommunikation sind in den letzten Jahren zum Forschungsgegenstand von Disziplinen geworden...* [Imhasly, Marfurt, Portmann]; *Jugendsprache ist ein Ausdruck mit vielen Lesarten...* [Neuland] и т. д. Частотными оказываются и адверкативные предложения с двойным союзом „nicht (nur)... sondern auch“. Лексическими маркерами отдельных разделов служат такие существительные, как *Einführung, Struktur, Kapitel, Einteilung, Aufbau, Teil, Gliederung*. К этому блоку часто примыкает или сливается с ним блок «Структура книги/монографии», который является

в большинстве случаев подробным изложением особенностей ее внутренней организации, с отступлениями в виде комментариев по поводу основных пунктов содержания, иногда с приведенными примерами.

О значимости коммуникативно-смыслового блока «Цели и задачи книги/монографии» говорит его частотность — он присутствует во всех рассмотренных нами предисловиях. Именно в этом блоке реализуется главная функция всего предисловия — информативно-коммуникативная. При помощи этого блока автор обозначает некую предметную область научного знания с целью актуализации внимания читателя и подготовки его к восприятию основного текста. В этом коммуникативном блоке автор тезисно описывает объект изучения и указывает направления развития научной мысли. Часто в рамках этого же блока есть указание на основного адресата данного сочинения или целевую группу. Частотными грамматическими маркерами этого блока являются предложения с футуральным модализованным сказуемым (с глаголом *wollen*): *Das Buch will Ihnen einen ersten Überblick in... geben* [Ehrhardt, Heringer]; *Dieser Band will vielmehr das Gebiet der deutschen Syntax... überschaubar machen* [Erben]; *Das Buch will die Lexikologie als eigenständige Disziplin präsentieren* [Lutzeier]; *Die vorliegende Einführung will mit dem vielschichtigen Phänomen... vertraut machen* [Neuland]. Типичными также оказываются устойчивые глагольно-именные сочетания, например: *Ein wesentliches Ziel dieses Buches besteht darin...* [Zielinski]; *Der vorliegende Band setzt sich daher das Ziel...* [Roelcke]; *Ein wesentliches Anliegen dieses Buches besteht darin...* [Heinemann, Viehweger]; *Ein erster Beitrag zur Schließung dieser Lücke soll durch das vorliegende Buch geleistet werden...* [Heinemann, Viehweger]. Лексическое наполнение блока составляют абстрактные существительные соответствующей тематики: *Ziel, Mittelpunkt, Überblick, Anliegen, Einblick, Blick*; глаголы, отражающие различные научные или оперативно-мыслительные процессы: *schärfen, präsentieren, zeigen, voraussetzen, versuchen, definieren, sich beschäftigen, erörtern* и т. д. Часто помещенная в этот блок адресация вводится глаголом *sich wenden an*, целевая группа маркируется существительными с атрибутами или без них: *der breite Nutzerkreis, Fachlinguisten, Pädagogen, Lehrer, Studenten, Lernende und Lehrende im Fach Deutsch und im Germanistikstudium, Studierende der Sprach- und Kulturwissenschaften, linguistisch interessierte Leser*.

Блок «История создания книги/монографии» предлагает небольшую ретроспективу, дающую представление о появлении идеи создания монографии, этапах работы над ней, апробации отдельных частей и пр. В этом блоке часто содержится указание на чужие работы, сыгравшие определенную роль при создании описываемой монографии. Этот блок изобилует разнообразными придаточными предложениями, среди которых наиболее частотными оказываются определительные: *Die exemplarischen Analysen, die auf einer längeren teilnehmenden Beobachtung beruhigen, sind im Rahmen eines zweijährigen Forschungsprojektes entstanden* [Schlobinski, Kohl, Ludwig]; *Der vorliegende Band ist hervorgegangen aus einem zweisemestrigen Grundkurs, den die Autoren...durchgeführt haben* (Imhasly, Marfurt, Portmann); *Seit Erscheinen der ersten Auflage der vorliegenden Einführung sind zahlreiche Untersuchungen und Analysen ... durchgeführt, die relevante Einblicke ... erbracht haben* [Schwarz]. Соответствующей тематически оказывается лексическая составляющая этого блока, включающая различные наименования научных трудов и исследований — *Fassung, Auflage, Neuauflage, Arbeiten, Vorlesungsreihe, Untersuchungen, Analysen, Forschungsprojekt, Fachsprachenforschung, Studien*.

Блок «Выражение признательности/благодарности» является эмоционально-экспрессивным блоком, в котором автор благодарит всех тех, кто принимал различное участие в создании труда или оказывал помощь, зачастую здесь же автор выражает надежду на позитивное восприятие своего труда. Этот блок можно назвать наиболее стабильным среди других коммуникативно-смысловых блоков, он не был обнаружен лишь в одном из рассмотренных примеров. Данный блок отличается высокой стандартизацией лексикограмматических средств, используемых для его реализации, среди которых частотными оказываются перформативные конструкции: *Den Rezensenten danke ich dafür, dass...; Für Anregungen und Kritik bin ich Otmar Werner sehr zu Dank verpflichtet; ...wofür ich ihm an dieser Stelle herzlich danken möchte; Zu danken habe ich ferner... für die wertvollen Kommentare; Für wertvolle Hinweise bin ich M. Scherner sehr dankbar*; конструкции с конъюнктивом и модальным значением: *Abschließend sei vielen an dieser Stelle für das Zustandekommen dieser Einführung gedankt*; предложения со сказуемым — глаголом *gelten*: *Unser Dank gilt ebenfalls den Jugendlichen, die...* Несмотря на то, что научной речи свойствен подчеркнуто логичный, безличный и объективный характер, наряду с этим она может быть экспрессивной

и выразительной. Одним из способов выражения экспрессивности является нарушение глагольной рамки в предложении: *Koordiniert und betreut wurde die Arbeit von Prof. Dr. Rainer Wimmer und Prof. Dr. Werner Wolski, denen an dieser Stelle herzlich dafür gedankt wird* [Sonnenberg]; *Für mannigfache Hilfe zu danken habe ich Frau Magister Andrea Auf'mkolk und Frau Petra Korkemaz-Goetz sowie den Herrn Magister Heinz-Peter Prell, der auch manche Besserungen vorgeschlagen hat* [Erben].

Блок «Коммуникативная ориентация» является одним из константных блоков, располагается в конце текста предисловия и содержит указание на дату и время создания труда, а также на его авторство, которое иногда может быть не упомянуто: *Köln, April 1994 Heinz Vater; Mannheim, im Septembern 2008; Jena, Januar 2008 Monika Schwarz; Guildford, im März 1995.*

Таким образом, структура авторского предисловия к научной монографии может быть рассмотрена в рамках коммуникативно-прагматического подхода, дающего возможность выделить в качестве структурных единиц соответствующие коммуникативно-смысловые блоки, набор которых может варьироваться в каждом конкретном случае и отличаться от прототипической модели, что носит прагматический характер и имеет основанием целевые установки автора предисловия [12, с. 38].

Источники иллюстративного материала и принятые сокращения

- Bernstein — *Bernstein, W. Z.* Pseudopartizipien im deutschen Sprachgebrauch. Heidelberg: Julius Groos Verlag, 1992.
- Donalies — *Donalies Elke.* Basiswissen Deutsche Phraseologie. Tübingen; Basel: A. Franke Verlag, 2009.
- Ehrhardt, Heringer — *Ehrhardt, C., Heringer, H. J.* Pragmatik. Paderborn: Wilhelm Fink Verlag, 2011.
- Erben — *Erben, J.* Deutsche Syntax. Eine Einführung. Bd. 12. Bern: Langs Germanistische Lehrbuchsammlung, 1984.
- Fleischer, Barz — *Fleischer, W., Barz, I.* Wortbildung der deutschen Gegenwortsprache. 4. Neu bearb. Aufl. Berlin; Boston:Walter de Gruyter, 2012.
- Gansel, Jürgens — *Gansel, Chr., Jürgens, F.* Textlinguistik und Textgrammatik. Eine Einführung. Neuausg. der 2., überarb. und ergänz. Aufl. von 2007. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2009.
- Graefen, Moll — *Graefen, G., Moll, M.* Wissenschaftssprache Deutsch: lesen, verstehen, schreiben. Frankfurt/M.: Peter Lang, 2011.

- Grewendorf, Hamm, Sternefeld — *Grewendorf, G., Hamm, F., Sternefeld, W.* Sprachliches Wissen. Eine Einführung in moderne Theorien der grammatischen Beschreibung. Frankfurt/M.: Suhrkamp, 1987.
- Heinemann M., Heinemann W. — *Heinemann, M., Heinemann, W.* Grundlagen der Textlinguistik: Interaktion-Text — Diskurs. Tübingen: Max Niemeyer, 2002.
- Heinemann, Viehweger — *Heinemann, W., Viehweger, D.* Textlinguistik. Eine Einführung. Tübingen: Max Niemeyer, 1991.
- Heringer — *Heringer, H. J.* Interkulturelle Kommunikation. Grundlagen und Konzepte. 3., durchges. Aufl. Tübingen; Basel: A. Franke Verlag, 2010.
- Imhasly, Marfurt, Portmann 1986 — *Imhasly, B., Marfurt, B., Portmann, P.* Konzepte der Linguistik. 3. Aufl. Wiesbaden: Aula-Verlag, 1986.
- Lemnitzer, Zinsmeister — *Lemnitzer, L., Zinsmeister, H.* Korpuslinguistik. Eine Einführung. Tübingen: Gunter Narr, 2006.
- Lutzeier — *Lutzeier, P. R.* Lexikologie. Tübingen: Stauffenburg-Verlag, 1995.
- Lüger — *Lüger, H.-H.* Pressesprache. 2., neu bearb. Aufl. Tübingen: Max Niemeyer, 1995.
- Neuland — *Neuland, E.* Jugendsprache. Eine Einführung. Tübingen; Basel: A. Franke Verlag, 2008.
- Oldenburg — *Oldenburg, H.* Angewandte Fachtextlinguistik: „conclusions“ und Zusammenfassungen. Tübingen: Gunter Narr, 1992.
- Roelcke — *Roelcke, Th.* Fachsprachen. 3., neu bearb. Aufl. Berlin: Erich Schmidt Verlag, 2010.
- Sandig — *Sandig, B.* Textstilistik des Deutschen. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 2006.
- Sandig — *Sandig, B.* Stilistik der deutschen Sprache. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 1986.
- Schlobinski, Kohl, Ludewigt — *Schlobinski, P., Kohl, G., Ludewigt, I.* Jugendsprache. Fiktion und Wirklichkeit. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1993.
- Schuppener — *Schuppener, G.* Spuren germanischer Mythologie in der deutschen Sprache. Leipzig: Edition Hamouda Wissensverlag, 2007.
- Schwarz — *Schwarz, M.* Einführung in die Kognitive Linguistik. 3., überarb. Aufl. Tübingen; Basel: A. Franke Verlag, 2008.
- Sommerfeldt — *Sommerfeldt, K.-E.* Operationale Grammatik des Deutschen. Eine Skizze. München: Iudicium-Verlag, 1993.
- Sonnenberg — *Sonnenberg, B.* Korrelate im Deutschen: Beschreibung, Geschichte und Grammatiktheorie. Tübingen: Max Niemeyer, 1992.
- Steinhoff — *Steinhoff, T.* Wissenschaftliche Textkompetenz. Sprachgebrauch und Schreibentwicklung in wissenschaftlichen Texten von Studenten und Experten. Tübingen: Max Niemeyer, 2007.
- Vater — *Vater, H.* Einführung in die Sprachwissenschaft. 2. durchges. Aufl. München: Fink, 1996.

- Vater — *Vater, H.* Einführung in die Textlinguistik: Struktur und Verstehen von Texten. 3., überarb. Aufl. München: Fink, 2001.
- Weinrich — *Weinrich, H.* Textgrammatik der deutschen Sprache. Mannheim; Leipzig; Wien; Zurich: Dudenverlag, 1993.
- Zielinski — *Zielinski, W.-D.* ABC der deutschen Nebensätze. München: Max Hueber Verlag, 1981.

Литература

1. *Баженова, Е.А.* Научный текст как система субтекстов: автореф. дис. ... канд. филол. наук / УрГУ. Екатеринбург, 2001. URL: <http://www.dissercat.com/content/nauchnyi-tekst-kak-sistema-subtekstov> (дата обращения 15.01.2016).
2. *Белых, А.В.* Реализация прагматических установок монографического предисловия (на материале английского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ленингр. гос. ун-т. Л., 1991. 16 с.
3. *Гальперин, И.Р.* Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 2007. 114 с.
4. *Данилевская, Н.В.* Вариативные повторы как средство развертывания научного текста. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1992. 144 с.
5. *Кожина, М.Н.* Смысловая структура текста в аспекте стилистики научного текста // Очерки истории научного стиля русского литературного языка XVIII–XX вв. Т.2. Ч.1. Стилистика научного текста (общие параметры). Гл. III. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1996.
6. *Котурова, М.П., Баженова, Е.А.* Культура научной речи: текст и его редактирование. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Флинта; Наука, 2008. 280 с.
7. *Крижановская, Е.М.* Коммуникативно-прагматическая структура научного текста: дис. ... канд. филол. наук / Перм. гос. ун-т. Пермь, 2000. URL: <http://31f.ru/dissertation/526-dissertaciya-kommunikativno-pragmaticheskaya-struktura-nauchnogo-teksta.html> (дата обращения: 17.01.2016).
8. *Крижановская, Е.М.* Коммуникативный блок // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н.Кожинной. М.: Флинта; Наука, 2006. С. 163–167.
9. *Лариохина, Н.М.* Об использовании типового научного текста в обучении русскому языку специалистов-нефилологов // Русский язык за рубежом. 1985. № 3.
10. *Мороховский, А.Н.* К проблеме текста и его категорий // Текст и его категориальные признаки: сб. науч. тр. КГПИИЯ. Киев: Изд-во Киевск. гос. пед. ин-та ин. яз., 1989. С. 3–8.
11. *Нефедов, С.Т.* Прототипическая модель текста как основа текстотипологического знания (на материале авторского предисловия к научной монографии) // Вестник С.-Петербурга. ун-та. Серия 9. 2013. Вып. 3. С. 198–204.

12. Нефедов, С. Т. Интертекстуальные измерения авторского предисловия // Немецкая филология в Санкт-Петербургском государственном университете. IV. Текст и текстовые единицы. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2014. С. 32–48.

13. Чернявская, В. Е. Интерпретация научного текста. 2-е изд. М.: Ком-Книга, 2005. 402 с.

14. Genette, G. Paratexte. Das Buch vom Beiwerk des Buches / Mit e. Vorw. v. H. Weinrich; aus d. Französ. v. D. Hornig. Frankfurt/M.: Suhrkamp, 2001. 402 S.

References

1. Bazhenova, E. A. *Nauchnyi tekst kak sistema subtekstov* [Scientific text as a system subtexts]. Thesis of PhD diss. Ekaterinburg, 2001. Available at: <http://www.dissercat.com/content/nauchnyi-tekst-kak-sistema-subtekstov> (accessed: 15.01.2016). (In Russian)

2. Belych, A. V. *Realizatsiia pragmaticheskikh ustanovok monograficheskogo predisloviia (na materiale angliiskogo iazyka)* [Implementation of pragmatic attitudes in preface to monograph (based on a material of English language)]. Thesis of PhD diss. Leningrad, 1991. 16 p. (In Russian)

3. Gal'perin, I. R. *Tekst kak ob'ekt lingvisticheskogo issledovaniia* [Text as Subject of Linguistic Research]. Moscow, Nauka Publ., 2007. 139 p. (In Russian)

4. Danilevskaja, N. V. *Variativnye povtory kak sredstvo razvertyvaniia nauchnogo teksta* [Variative repetitions as a means of deploying the scientific text]. Perm', Perm' Univ. Press, 1992. 144 p. (In Russian)

5. Kozhina, M. N. Smyslovaia struktura teksta v aspekte stilistiki nauchnogo teksta [The semantic structure of the text in terms of the stylistic of scientific text]. *Ocherki istorii nauchnogo stilia russkogo literaturnogo iazyka XVIII–XX vv. T. 2. Ch. 1. Stilistika nauchnogo teksta (obshchie parametry). Gl. III.* Perm', Perm' Univ. Press, 1996. (In Russian)

6. Katjurova, M. P., Bazhenova, E. A. *Kul'tura nauchnoi rechi: tekst i ego redaktirovanie* [Culture of scientific speech: text and its editing]. 2nd ed., pererab. i dop. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2008. 280 p. (In Russian)

7. Krizchanovskaja, E. M. *Kommunikativno-pragmaticheskaja struktura nauchnogo teksta* [Communicative and pragmatic structure of scientific text]. Perm', 2000. Available at: <http://31f.ru/dissertation/526-dissertaciya-kommunikativno-pragmaticheskaja-struktura-nauchnogo-teksta.html> (accessed: 17.01.2016). (In Russian)

8. Krizchanovskaja, E. M. [Communicative unit]. *Stilisticheskii entsiklopedicheskii slovar' russkogo iazyka*. Ed. by M. N. Kozhina. Moscow, 2006, pp. 163–167. (In Russian)

9. Lariohina, N. M. Ob ispol'zovanii tipovogo nauchnogo teksta v obuchenii russkomu iazyku spetsialistov-nefilologov [On the use of a standard scientific text

in teaching Russian language for non-philologists]. *Russkii iazyk za rubezhom*, 1985, no. 3. (In Russian)

10. Morohovskii, A. N. [On the problem of the text and its categories]. *Tekst i ego kategorial'nye priznaki: sb. nauch. tr. KGPIIJA*. Kiev, 1989. (In Russian)

11. Nefedov, S. T. Prototipicheskaia model' teksta kak osnova tekstotipologicheskogo znaniia (na materiale avtorskogo predisloviia k nauchnoi monografii) [Prototypical model of the text as a basis of text-typological knowledge (based on the author's preface to a research monograph)]. *Vestnik of Saint Petersburg University. Series 9*, 2013, issue 3, pp. 198–204. (In Russian)

12. Nefedov, S. T. [The intertextual dimensions of the authorial preface]. *Nemetskaia filologiya v Sankt-Peterburgskom gosudarstvennom universitete. IV. Tekst i tekstovye edinitsy*. St. Petersburg, St. Petersburg Univ. Press, 2014, pp. 32–48. (In Russian)

13. Cherniavskaia, V. E. *Interpretatsiia nauchnogo teksta [Interpretation of scientific text]*. 2nd ed. Moscow, KomKniga Publ., 2005. 402 p. (In Russian)

14. Genette, G. *Paratexte. Das Buch vom Beiwerk des Buches*. Mit e. Vorw. v. H. Weinrich; Aus d. Französ. v. D. Hornig. Frankfurt on M., Suhrkamp, 2001. 402 p.

Вороновская Инна Алексеевна

старший преподаватель кафедры немецкой филологии СПбГУ

Адрес: Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9.

Inna A. Voronovskaya

Senior teacher of German Philology Department, St. Petersburg State University

Address: 7–9, Universitetskaya emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation.

E-mail: inna_w@mail.ru

II. ЯЗЫКОВЫЕ ЕДИНИЦЫ И ИХ ТЕКСТОВЫЕ ФУНКЦИИ

УДК 808.1

Г. А. БАЕВА

Санкт-Петербургский государственный университет

ФОРМУЛЬНОСТЬ ВВОДА ПРЯМОЙ РЕЧИ В СРЕДНЕВЕРХНЕНЕМЕЦКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Ключевые слова: прямая речь, формула, глаголы говорения, речевой ритуал, inquit-Formeln.

В статье анализируются формульные способы ввода прямой речи персонажа, характерные для разных по жанрам произведений средневерхненемецкого периода, и выявляется коммуникативно-прагматический потенциал конструкций ввода персонажной коммуникации с учетом их позиции по отношению к прямой речи и роли компонентов, конкретизирующих характер и направленность речевого действия.

G. A. BAEVA

St. Petersburg State University

FORMULAIC WAY TO INTRODUCE DIRECT SPEECH IN MIDDLE GERMAN LITERATURE

Keywords: direct, speech, formula, verba dicendi, speech communication, inquit-formulas.

The paper analyses formulaic ways of introducing the direct speech of a character, typical for different genres of literature in middle german period, and identifies communicative and pragmatic potential of the constructions used to introduce the communication of character, and given with their position related to the direct speech and role of the components, specifying the nature and the focus of the speech act.

Коммуникативно-прагматической особенностью художественных произведений, создаваемых в эпоху, когда чтение было прерогативой небольшого круга людей и знакомство с тем или иным произведением происходило в основном благодаря устному исполнению является то, что сказитель, рассказчик или автор-повествователь должны были не только пересказывать ту или иную историю или событие, делая это либо от своего имени, либо от имени одного из героев рассказа, но и переключать повествование с речи одного

персонажа на речь другого. На фоне весомой доли повествования о тех или иных событиях, которые передавались от имени автора или описывались «глазами» самих участников, в произведениях значительное место занимают диалоговые сцены, или, другими словами, в немецкой традиции, речевые сцены (Redeszenen) [12; 14], которые представляют собой прямую речь персонажей, вводимую, как правило, по одинаковому сценарию и приобретающую на этом основании определенную формульность.

Формульные способы ввода прямой речи, используемые при дословной передаче сказанного, при настоящем повторении и при упоминании или ссылок, в значении „so sagt man, so heißt es“, получили в зарубежной лингвистике название „inquit-Formeln“ (в переводе с латыни «он говорит») [5, с. 31]. При определении прагматической значимости средств ввода персонажной коммуникации обычно устанавливают „инвариант вводящего комплекса элемента речевой партии персонажа“ [4, с. 12–13], т. е. репрезентирующую часть ввода прямой речи, составляющую «основу, в которую „вливается“ элемент речевой партии персонажа...» [4, с. 14].

Ядерную часть вводящего прямую речь высказывания образует глагольный компонент, который непосредственно инициирует начало речевого действия персонажа — исходного субъекта речи — и подготавливает его восприятие реципиентом. Таким образом определяются основные функции глагольного компонента, вводящего прямую речь: маркирование речевого акта говорения, его спецификация и экспонирование.

Как показывает материал исследования, «инквитные формулы» как способы ввода прямой речи могут быть достаточно разнообразными по своей структуре. Автор-рассказчик, комментируя речевое поведение персонажа — исходного субъекта речи, принимает позицию метасубъекта речи и координирует восприятие и усвоение читателем сюжетной роли персонажа. Для анализа были выбраны примерно одинаковые по объему отрывки из разных по жанру и времени появления произведений средневерхненемецкой литературы в 1520 стихов (объем «Бедного Генриха» Гартмана фон Ауэ): «Песнь о нибелунгах» — древненемецкий героический эпос, записанный примерно в 1200 г., «Бедный Генрих» Гартмана фон Ауэ — стихотворная новелла в духе рыцарских романов, созданная в первой половине XIII в., и «Поп Амисе» Штрикера — пример городской народной литературы второй половины XIII в., представ-

ляющий собой собрание стихотворных сатирических шванков, описывающих похождения хитрого священника. Выбор перечисленных произведений был обусловлен желанием проследить динамику и особенности ввода прямой речи персонажа в зависимости от жанра произведения и времени его появления. Результаты следующие: в исследованных 1520 строках из каждого произведения в «Песни о нибелунгах» — 103 речевых сцены, в «Бедном Генрихе» Гартмана фон Ауэ вербально описаны 59 речевых сцен, в «Попе Амисе» Штрикера таких сцен 86. Другими словами, в «Гренихе» одна речевая сцена приходится на 25 строк, в «Амисе» примерно на 17 строк, а в «Нибелунгах» примерно на 15 строк. При этом распределение речевых сцен по всему произведению очень даже неравномерно. Например, отдельные авантюры в «Нибелунгах» оказываются полностью описательными (авантюра 16), в других доминирует диалог (авантюры 3, 8).

Персонажная речь вводится глаголами говорения, среди которых доминирует глагол *sprechen*, пришедший на смену древнему глаголу *quedan*, практически единолично выполнявшему эту роль в древневерхненемецких памятниках [2, с. 17]. Исчезновение глагола *quedan* обычно связывают с тем, что этому глаголу с самого начала была свойственна специфическая семантика изысканности и поэтичности „auf das Erhabene und Poetische“ [11, с. 31]. В средневерхненемецком, по-видимому, происходит постепенная утрата пафосности при указании на передачу слов персонажа и акцент переносится на собственно прямую речь, которая становится важным элементом повествования и приобретает значительный вес как в содержательном плане, так и по своему объему в рамках произведения. Это и приводит к использованию более нейтрального глагола *sprechen* в значении „das was man sagt wird ausgedrückt“ [7, с. 522].

Несмотря на то, что группа глаголов *verba dicenti* в средневерхненемецком достаточна обширна, доля других глаголов этой группы, хотя они и могут использоваться для ввода прямой речи, очень незначительна. Примеры, в которых прямая речь вводится глаголами: *ansprechen, fragen, ntworten, rufen, schreien, (ver)jehen, reden*, единичны [см. примеры (11), (13), (17), (23), (31)].

Важная особенность анализируемых формульных конструкций заключается в том, что глагол говорения, вводящий прямую речь, стоит всегда в прошедшем времени — в претерите, в то время как

само содержание прямой речи представлено обычно настоящим временем — презенсом:

- (1) Also sprach dō Hagne: „ich will des wol verjehen <...> N. 84.1 — Da fuhr Hagen fort: „Ich möchte dazu folgendes sagen“ <...>

Что касается «длины» формулы ввода прямой речи, то можно сделать следующее наблюдение: стандартная конструкция чаще всего занимает половину стихотворной строки и состоит из глагола говорения (предиката) и субъекта — действующего лица — произносителя речи: *er/sie/Sivrit sprach*. В этом случае имеет место формульная по своей сути навигация на речь персонажа, которая не дает никакой дополнительной информации о речевом акте, кроме как о его наличии:

- (2) er sprach. N. 62.1 (также 82, 192 и др.);
- (3) Der kunich sprach. S. 503 (также 533, 549, 565, 645 и др.);
- (4) Der bisschof sprach. S. 95 (также 108, 145, 181, 217);
- (5) der pfaffe sprach. S. 110 (также 135, 153);
- (6) Er sprach. S. 615.

Специфической особенностью конструкции ввода прямой речи можно считать употребление глагола говорения во множественном числе для указания на двух и более говорящих. В нашем материале всего несколько примеров из «Бедного Генриха», в которых на решение дочери пожертвовать своей жизнью ради спасения Генриха одновременно в едином порыве и с желанием отговорить ее от этого откликаются ее родители:

- (7) der vater und diu muoter sprachen. H. 972;
- (8) sie sprachen. H. 499 (также: 1487, 1509).

Распространение формулы ввода прямой речи происходит по нескольким линиям. Во-первых, за счет определений к номинации лица говорящего. Форма таких распространителей достаточно разнообразна: согласованное определение в препозиции, например, *der arme Heinrich*, *der küene Sivrit*, *der herre Sifrit*, *vil trüerecliche diu vrouwe*, приложение к имени собственному: *der pfaffe Ameys*, *Volkêr der vil küene*, *Sivrit der vil küene*, что особенно характерно для такого эпического произведения как «Песнь о нибелунгах»:

- (9) *dô sprach der küene Sîvrit*. N. 46.4;
- (10) *Volkêr der vil küene vil lûte sprechen begann / zuo den sînen herren <...>* N. 1799–1800.4f. — Der kühne Volker begann laut zu seinen Herren zu sagen.

Во-вторых, расширение указанной выше минимальной формулы происходит за счет указания на адресата речи (к кому обращаются): *zem kuneg, zuo den sînen herren*, что является реализацией факультативной валентности глаголов говорения, представленной объектом в дативе (аккузативе) или предложной конструкцией с *zu*:

- (11) *Des antwurt dem kunege von Metzen Ortwîn*. N. 79.1. — Deshalb antwortete Ortwin von Metz dem König;
- (12) *dô sprach der gast zem kunege*. N. 104.4. — Da antwortete der Gast dem König;
- (13) *Er vrâgte Sîvride, den gesellen sîn <...>* N. 388.1 — Er fragte Siegfried, seinen Gefährten;
- (14) *zuo dem meister er dô sprach*. N. 1273.

В-третьих, распространителями являются разнообразные дискурсивные слова, указывающие на связь между репликами по линии «здесь и сейчас», широко употребляемые в этот период и занимающие самые разнообразные позиции в рамках формулы: начальную, серединную, конечную. Доминирует дискурсивное *dô* [3, с. 55–56], кроме этого широко представлены *also, aber, des, nun, sus, so* и др. С помощью указанных дискурсивных слов рассказчик не только структурирует и передает информацию о некотором фрагменте повествования, но и реализует свои коммуникативные установки. Дискурсивные слова фиксируют разные позиции, которые занимает рассказчик — эпистемистический центр по отношению к пространству повествования. Эти позиции имеют разную векторную направленность, определяемую условиями коммуникативного акта, установками говорящего, особенностями устной рецепции, культурными, социальными и другими параметрами. Используя дискурсивные слова рассказчик так организывает повествование, что все участники речевой ситуации образуют общее речевое пространство; он переносит ситуацию, прожитую в прошлом, в актуальный момент речи, обнаруживая сопричастность

к событию и представляя его собеседнику максимально *наглядно*.
Например:

- (15) *Dô sprach der arme Heinrich*. Н. 205;
- (16) *Dô sus antwurte im sîn tohter*. Н. 592;
- (17) *Sin gemahel im dô rief, sie sprach*. Н. 906;
- (18) *Der pfaffe sprach aber do*. S. 555;
- (19) *Do sprach zu ihm der bisschof*. S. 62 (также 71);
- (20) *Der nach sprach er also*. S. 363.

Особенно разнообразны и частотны такие примеры в «Песни о нибелунгах»:

- (21) *dô sprach der wirt ze dem gaste*. N.646.1 — *Da sagte der Hausherr dem Gast*;
- (22) „*Des will ich gerne volgen*“, *sprach der kunec dô*. N 273.1 — „*Darauf will ich gern eingehen*“, *erwiderte da der König*.

В последнем примере ввод речи персонажа следует за самой речью, и *dô* занимает последнюю позицию в строфе. Использование здесь дискурсивной лексемы *dô*, как и во многих других случаях, обусловлено ритмическими причинами, необходимостью заполнить пустующее место в строфе, а также рифмой: *dô* рифмуется с *vrô* в следующей строфе.

В исторических грамматиках при трактовке этих лексем традиционно приводят их семантическое развитие от передачи указательного значения к относительному: от указательного наречия места к дейктической частице: ahd. *dâr* > mhd. *dô* > nhd. *da* [9, с. 200; 13, с. 151]. Уже в древневерхненемецком языке, как указывает А. Беттен, эти слова использовались «как фокусирующий разделительный сигнал, с помощью которого привлекалось внимание читателя к переходу от одного действия к другому» [8, с. 405]. Другими словами, с их помощью происходит актуализация языкового значения ситуации, невербального контекста высказывания, обусловленного в значительной степени историко-культурологическим фактором устной рецепции, который формирует и организует мысль рассказчика. В.Г. Адмони называет это «общей соотнесенностью» [1, с. 84–86]. Дискурсивные слова, выступая как специфический дейктический элемент наречно-указательного типа [5, с. 16; 6, с. 32],

способствуют более четкой ориентации слушателя (и читателя) в коммуникативном пространстве повествования и служат прежде всего для правильного с точки зрения рассказчика-сказителя восприятия происходящего.

Формула ввода прямой речи может быть, в-четвертых, расширена за счет включения различных обстоятельств, представляющих собой, как правило, оценочные характеристики речи персонажа, указания на образность, эмоциональность, учтивость речи, быстроту реакции собеседника, сопутствующие действия при прознесении речи и т. п. Учитывая тот факт, что доминирующий глагол *sprechen* семантически нейтрален и не предполагает никакой дополнительной характеристики речи персонажа, кроме ее констатации, включенные обстоятельственные конструкции оказываются важными в коммуникативно-прагматическом плане. Примеры из «Нибелунгов»:

- (23) *Dô rief vil trûreclîche diu vrouwe milt <...>* N. 1009.1 — Da rief die edle Königin in großer Trauer;
- (24) *Der künic kom mit recken. weinen er dô sach / di sine triutinne wie güetlich er sprach.* N 849.1–2 — Der König kam mit seinen Recken. Er sah seine geliebte Frau weinen. Wie zärtlich sprach er sie an;
- (25) *dô er ir rede gehôrte, er sprach getriuweliche sint.* N 862.4 — Als er ihr Gespräch hörte, sprach er in seiner treuen Haltung;
- (26) *Dô sprach diu schœne Kriemhilt, zornec was ir muot <...>* N. 836.1 — Da sagte die schöne Kriemhild voll Zorn;
- (27) „*Mîch wundert dirre mære*“, *sprach der kunec zehant*, „*von wannen <...>*“ N. 104.1–2. — „Ich möchte gern wissen“, fragte der der König sogleich, „woher <...>“;
- (28) *Sivrit der vil küene, wie snelle er dô sprach <...>* N. 74.2 — Aber da sagte der tapfere Siegfried sogleich.

Сходные примеры, правда меньшего объема, встречаем в «Бедном Генрихе»:

- (29) *diu maget lachende sprach.* H. 1107 — Das Mädchen sagte lachend;
- (30) *diu muoter weinende sprach.* H. 627;
- (31) *vil bitterlîchen si schrê* H. 1290 — Völlig verbittert schrie sie.

У Штрикера таких примеров мало, и они, как правило, передают быстроту речевой реакции персонажа:

- (32) *Do sprach der bissciff zehant*. S.265 — Der Bischof erwiderte sogleich (также 1275);
- (33) *Zu dem sprach er sazehant*. S.500 — Ihn redete er sogleich an;
- (34) *doch sprach der kunich, swi hart er luge*. S.679 — behauptete der König, wiewohl er log.

По расположению в отношении реплик персонажа формула ввода прямой речи может занимать начальное и, значительно реже, срединное (встраиваться в речь персонажа) или конечное положение (завершать речь персонажа, маркировать ее конец) (см. примеры выше). Доминирующей позицией формульного ввода прямой речи является, как показывает материал, — начальная. При такой позиции происходит, как представляется, более медленная, неспешная смена действующих лиц и, соответственно, их реплик. Динамичность передачи прямой речи может передаваться постпозицией ее ввода, т. е. когда за речью персонажа следует указание на нее. Случаи срединной «межрепликовой» позиции (когда прямая речь персонажа прерывается указанием на него самого, произносящего то или иное высказывание, а затем речь персонажа продолжается) не частотны и характерны, в основном, для «Нибелунгов»:

- (35) „*Daz muot ir*“, *sprach dô Hagene*, „*wol mit êren tuon*“. N.101.1. — „Das könnt ihr gut tun“, sagte der Hagen, „ohne Euch etwas dabei zu vergeben“;
- (36) „*Mich wundert dirre mære*“, *sprach der kunec zehant*, „*von wannen*“ <...> N.104.1–2. — „Ich möchte gern wissen“, fragte der König sogleich, „woher“ <...>

Специфически сказительной чертой можно считать и двойную навигацию на речь персонажа, представленную в «Песне о нибелунгах»:

- (37) *Dô sprach der herre Sifrit*: <...> *sprach der Kriemhilde man*. N.929. 1–4.

Редким случаем, подчеркивающим динамизм смены речевых партий персонажей, может быть передача моментальной реакции на реплику «сказал — отреагировал (ответил)»:

- (38) *Dô sprach aber Brünhilt <...> / des antwurte Kriemhilt.* N. 827.1–4 —
Da sagte Brünhild erneut <...> / Kriemhild antwortete darauf.

Итак, как показывает материал исследования, основная функция ввода прямой речи состоит в маркировке и отделении речи персонажа от речи рассказчика, который с помощью формул управляет рецепцией во время устной трансляции повествования. В средневерхненемецких эпических памятниках положение вводящей прямую речь формулы относительно прямой речи свободно: она может предвосхищать прямую речь, завершать ее или занимать срединное положение, что придает всему повествованию большую динамичность, живость и подчеркивает значимость фигуры автора-рассказчика. Автор становится центром повествования — нарратором, а также метанарратором — комментатором собственных речевых действий. В произведениях городской литературы с моралистическим уклоном конструкции ввода прямой речи становятся более схематичными и универсальными, хотя демонстрируют разнообразие клишированных формул. Их речеактовые особенности оказываются часто нивелированными, а высокая степень стандартизованности и семантической универсальности этих конструкций подкрепляется простотой их синтаксической организации.

Источники и принятые сокращения

- H — Hartmann von Aue. *Der arme Heinrich.* *Mittelhochdeutsch / Neuhochdeutsch / übers. v. S. Grosse; hrsg. v. U. Rautenberg.* Stuttgart: Reclam, 2005.
N — *Das Nibelungenlied.* *Mittelhochdeutsch / Neuhochdeutsch / hrsg. v. U. Schulze.* Stuttgart: Reclam, 2010.
S — *Der Stricker. Der Pfaffe Amis.* *Mittelhochdeutsch / Neuhochdeutsch / Nach der Heidelberger Handschrift herausg., übers. u. komment. v. M. Schilling.* Stuttgart: Reclam, 2007.

Литература

1. Адмони, В. Г. Исторический синтаксис немецкого языка. М.: Высшая школа, 1963. 336 с.
2. Баева, Г. А. Формульность ввода прямой речи в древневерхненемецких памятниках // *Университетский научный журнал (филологические и исторические науки, археология и искусствоведение).* 2015. № 16. С. 21–27.
3. Баева, Г. А. Дискурсивные частицы *dô/dâ* в немецком героическом эпосе // *Philology.* 2016. № 4. С. 55–57. (Волгоград)

4. *Воротилина, Е. Н.* Средства ввода речевых партий персонажей в прозаических произведениях немецкоязычных писателей XIX–XX-го веков: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Российск. гос. педаг. ун-т им. А. И. Герцена. СПб., 2002. 21 с.
5. *Николаева, Т. М.* Функции частиц в высказывании (по материалам славянских языков). М.: Наука, 1985. 170 с.
6. *Шведова, Н. Ю.* Местоимение и смысл. Класс русских местоимений и открываемые ими смысловые пространства. М.: Азбуковник, 1998. 176 с.
7. *Benecke, G., Müller, W., Zarncke, Fr.* *Mittelhochdeutsches Wörterbuch.* 14–21. Nachdruck der Ausgabe Leipzig 1854–1866. Stuttgart: Hirzel, 1990. 826 S.
8. *Betten, A.* Zur Satzverknüpfung im althochdeutschen Tatian // *Althochdeutsch.* Bd. I: Grammatik, Glossen und Texte / hrsg. v. R. Bergmann u.a. Heidelberg: Walter de Gruyter, 1987. S. 395–407.
9. *Dal, I.* *Kurze deutsche Syntax.* Tübingen: Max Niemeyer, 1962. 232 S.
10. *Hundsnurscher, Fr.* *Sprechen und sagen im Spätmittelalter und in der frühen Neuzeit.* Zum Wechesel der Inquit-Formel *er sprach / er sagte* // *Literatur — Geschichte — Literaturgeschichte.* Beiträge zur mediävistischen Literaturwissenschaft. Festschrift für V. Honemann zum 60. Geburtstag / hrsg. v. N. Miedema, R. Sunfrup. Frankfurt / M. u.a.: Peter Lang, 2003. S. 31–52.
11. *Kolb, H.* Über das Aussterben eines Wortes: althochdeutsch ‚quedan‘ // *Jahrbuch für Internationale Germanistik.* 1969. 1.2. S. 9–34.
12. *Kropf, A. S.* Die Gestaltung und Funktion der Inquitformel im Nibelungenlied. Schnittstelle zwischen Erzählstimme und Figurenrede. Hamburg: Diplomatica-Verlag, 2014. 136 S.
13. *Schrodt, R.* *Althochdeutsche Grammatik II. Syntax.* Tübingen: Max Niemeyer, 2004. 251 S.
14. *Redeszenen in der mittelalterlichen Großepik.* Komparatistische Perspektiven / Hrsg. M. Unzeitig, N. Miedema, Fr. Hundsnurscher. Berlin: Akademie Verlag, 2011. 317 S.

References

1. Admoni, V. G. *Istoricheskii sintaksis nemetskogo iazyka* [*Historic Syntax of German*]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1963. 336 p. (In Russian)
2. Baeva, G. A. Formul'nost' vvoda priamoj rechi v drevneverkhnenemetskikh pamiatnikakh [Formulaic Way to Introduce Direct Speech in the Old German classical texts]. *Universitetskii nauchnyi zhurnal (filologicheskie i istoricheskie nauki, arkheologiya i iskusstvovedenie)*, 2015, no. 16, pp. 21–27. (In Russian)
3. Baeva, G. A. Diskursivnye chastitsy dô/dâ v nemetskom geroicheskom epose [Discourse Particles dô/dâ in German Heroic Epic]. *Philology*, 2016, no. 4, pp. 55–57. (In Russian)

4. Vorotilina, E. N. *Sredstva vvoda rechevykh partii personazhei v prozaicheskikh proizvedeniiah nemetskoiazыchnykh pisatelei 19–20-vo vekov* [Means of Introduction a Character's Speech Parts in the Works German Writers of the 19th–20th Centuries]. Thesis of PhD diss. St. Petersburg, 2002. 21 p. (In Russian)
5. Nikolajeva, T. M. *Funktsii chastits v vyskazyvanii (po materialam slavianskikh iazykov)* [The Functions of particles in sentences (on the basis of Slavic Languages)]. Moscow, Nauka Publ., 1985. 170 p.
6. Schvedova, N. J. *Mestoimenie i smysl. Klass russkikh mestoimienii i otkryvaemye imi smyslovye prostranstva* [The Pronoun and Sense. The Category of Russian Pronouns Constructing the Areas of New Sense]. Moscow, Asbukovnik Publ., 1998. 176 p. (In Russian)
7. Benecke, G., Müller, W., Zarncke, Fr. *Mittelhochdeutsches Wörterbuch. 14–21. Nachdruck der Ausgabe Leipzig 1854–1866*. Stuttgart, Hirzel, 1990. 826 p.
8. Betten, A. Zur Satzverknüpfung im althochdeutschen Tatian. *Althochdeutsch*. Bd. I.: Grammatik, Glossen und Texte. Hrsg. v. R. Bergmann u.a. Heidelberg, Walter de Gruyter, 1987, pp. 395–407.
9. Dal, I. *Kurze deutsche Syntax*. Tübingen, Max Niemeyer, 1962. 232 p.
10. Hundsnurscher, Fr. Sprechen und sagen im Spätmittelalter und in der frühen Neuzeit. Zum Wechesel der Inquit-Formel er sprach / er sagte. *Literatur — Geschichte — Literaturgeschichte. Beiträge zur mediävistischen Literaturwissenschaft. Festschrift für V. Honemann zum 60. Geburtstag*. Hrsg. v. N. Miedema, R. Sunfrup. Frankfurt on M. u.a., 2003, pp. 31–52.
11. Kolb, H. Über das Aussterben eines Wortes: althochdeutsch ‚quedan‘. *Jahrbuch für Internationale Germanistik*, 1969, 1.2, pp. 9–34.
12. Kropf, A. S. *Die Gestaltung und Funktion der Inquitformel im Nibelungenlied. Schnittstelle zwischen Erzählstimme und Figurenrede*. Hamburg, Diplomatica-Verlag, 2014. 136 p.
13. Schrodt, R. *Althochdeutsche Grammatik II. Syntax*. Tübingen, Max Niemeyer, 2004. 251 p.
14. *Redeszenen in der mittelalterlichen Großepik. Komparatistische Perspektiven*. Hrsg. M. Unzeitig, N. Miedema, Fr. Hundsnurscher. Berlin, Akademie Verlag, 2011. 312 p.

Баева Галина Андреевна

доктор филологических наук, профессор кафедры немецкой филологии СПбГУ
 Адрес: Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9.

Galina A. Baeva

Doctor of Philological Sciences, Professor of German Philology Department,
 St. Petersburg State University
 Address: 7–9, Universitetskaya emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation.
 E-mail: baevaga@mail.ru

О СТЕРЕОТИПНОСТИ КОНСТРУКЦИЙ ВВОДА ПЕРСОНАЖНОЙ КОММУНИКАЦИИ В НЕМЕЦКОМ ПРОЗАИЧЕСКОМ РОМАНЕ XV–XVI ВЕКОВ

Ключевые слова: персонажная коммуникация, конструкции ввода персонажной коммуникации, немецкий прозаический роман XV–XVI вв.

Изучается коммуникативно-прагматический потенциал конструкций ввода персонажной коммуникации в немецком прозаическом романе XV–XVI вв. Поскольку семантическое ядро большинства конструкций оформлено стандартно (глаголом *sagen* или *sprechen*), к анализу привлекаются компоненты, выступающие по отношению к ядерной части в роли конкретизаторов. Обзор конкретизаторов адресата речевого действия, фазисных и эмоционально-оценочных конкретизаторов позволил уточнить выводы о степени стереотипности конструкций ввода персонажной коммуникации в художественной прозе Позднего средневековья.

N. V. PONAMAREVA

St. Petersburg State University

ABOUT STEREOTYPE OF INQUIT FORMULAS IN THE GERMAN PROSE NOVEL OF THE 15th–16th CENTURIES

Keywords: character communication, inquit formulas, the German prose novel of the 15th–16th centuries.

The article studies communicative and pragmatic potential of inquit formulas in the German prose novel of the 15th–16th centuries. As the nuclear of inquit formulas is highly standardized (formed by verbs *sagen* and *sprechen*) some other elements of inquit formulas are considered. They specify the nuclear and concern such aspect of the introduced speech act as addressee, place in interaction, emotional and evaluative capacities. The analysis has resulted in some new conclusions about stereotype of character communication in the German prose of the Late Middle Ages.

Коммуникативно-прагматический подход дает представление о художественном тексте как о диалоге его главных антропологических центров — автора, «адресанта художественной информации», и читателя — его адресата [3, с. 6]. Взаимодействие автора и читателя в художественном произведении, как правило, имеет опосредованный характер, осуществляется через систему художественных образов повествователя и персонажей и в том числе через их речевой план. Немаловажную роль в передаче речевого взаимодействия персонажей (персонажной коммуникации) играют конструкции авторского комментария (слова автора, нем. *Inquit-Formel*).

В лингвистических работах последних десятилетий вопрос о коммуникативно-прагматическом потенциале средств ввода персонажной коммуникации получил начальное освещение. Так, был установлен «инвариант вводящего комплекса элемента речевой партии персонажа», изучены позиционные отношения высказываний персонажей и конструкций, оформляющих комментарий автора; разработана прагмасемантическая классификация глаголов [2]. Материалом исследования при этом послужила современная художественная литература. Таким образом, в настоящее время требуется конкретизация полученных результатов при обращении к текстам разных жанров и сфер коммуникации, приоритетно удаленных от нас исторических эпох.

Особое место в истории немецкой литературы принадлежит жанру прозаического романа. В Германии, в отличие от Франции и Италии, художественная проза получает распространение только в начале XV в., что определяет ее более тесную связь с типографской книгой и пограничное положение между устной и письменной формами коммуникации. Как отмечает Я.-Д. Мюллер, немецкие прозаические романы подразумевают одновременно чтение и восприятие на слух, где чтение включает как «чтение про себя», так и «чтение вслух». При этом в обращениях и оформлении текстов растет число элементов, указывающих на форму рецепции «индивидуальное чтение» [8, S. 22–23]. Историко-культурные особенности немецкой художественной прозы позволяют сделать вывод о ее репрезентативности для исследования конструкций ввода персонажной коммуникации в коммуникативно-прагматическом аспекте и установления преемственности и изменчивости повествовательной традиции позднего средневековья. Для изучения персонажной коммуникации немецкий прозаический роман XV–XVI вв. показателен и в количественном аспекте. Средневековую художественную литературу отличало широкое использование сцен речевого взаимодействия персонажей, доминирующей формой передачи которого являлась прямая речь [4; 9; 6]. В немецких прозаических романах прямая речь продолжает играть ведущую роль [1, с. 15], хотя в тех текстах, которые возникли на основе рыцарского эпоса, наблюдается положительная тенденция в отношении косвенной речи [7, с. 152–155].

В настоящей статье конструкции ввода персонажной коммуникации изучаются на примере романов “Melusine” (1474),

“Ein kurzweilig Lesen von Dil Ulenspiegel” (1515), “Wigalois” (1519), “Historia von D. Johann Fausten” (1587) и “Das Lalebuch” (1597). Отбор эмпирического материала продиктован стремлением охватить тексты, восходящие к разным литературно-художественным традициям (французско- и немецкоязычный рыцарский эпос, шванки), в том числе представляющие оригинальную немецкую прозу.

Конструкции ввода персонажной коммуникации в материале исследования, как правило, образованы двусоставным предложением, грамматическая основа которого оформляет их семантическое ядро. Подлежащее выражено именем существительным или местоимением, которое называет персонажа, выступающего в роли говорящего, в то время как сказуемое представлено глаголом или глагольно-именным сочетанием, обозначающим речевое действие персонажа. Семантическое ядро большинства конструкций включает локутивные глаголы *sagen* и *sprechen*. Они представлены в 1035 (в том числе в сочетании с другими глаголами) из 1192 контекстов. Количество глаголов и глагольно-именных сочетаний других прагмасемантических классов, напротив, незначительно, например, иллокутивные (*abdancken*, *beschwören*, *fragen*, *Frag sprechen/thun* и др.) встречаются в 23 контекстах, перлокутивные (*antworten*, а также *ein Schimpff machen*, *spotten*, *klagen* и др.) — в 135, эпистемические (прежде всего *dencken*) — в 53, эмоционально-оценочные (*anschreÿen*, *nachruffen*, *ruffen*, *schreyen* и др.) — в 44 контекстах. Приведенные количественные данные позволяют говорить о стереотипности конструкций ввода персонажной коммуникации в немецких прозаических романах и указывают на связь этих текстов или их первоисточников с традицией рецитации. Для литературы, ориентированной на устное воспроизведение и восприятие на слух, введение речи персонажа, как и его речевая характеристика осуществлялись интонацией непосредственно во время чтения-исполнения текста [5]. В настоящей статье делается попытка уточнить степень стереотипности конструкций ввода персонажной коммуникации, обратившись более подробно к элементам, выступающим по отношению к их ядерной части в роли конкретизаторов.

В зависимости от заполнения свободных актантажных позиций глагола речи, а также существительного, называющего говорящего, и наличия свободных распространителей конструкции ввода персонажной коммуникации могут быть нераспространенными или

распространенными [2, с. 82]. Помимо дополнений, определений и обстоятельств в распространении участвуют глаголы и глагольно-именные сочетания, выступающие вместе с глаголом, вводящим речь, в роли однородных сказуемых или замещающие этот глагол в функции финитного. В прозаических романах конструкции ввода персонажной коммуникации часто распространены. Благоприятный контекст для этого образуют семантически универсальные глаголы *sagen, sprechen, antworten* и *dencken* и инициальная позиция конструкций относительно вводимого высказывания.

Элементы распространения определенным образом конкретизируют вводимое речевое действие. В материале исследования конкретизации чаще всего подвергаются такие его параметры, как адресат, фазисность и эмоционально-оценочная окраска.

Конкретизация адресата речевого действия определяется валентностью глагола и может осуществляться без или с помощью предлога, реже — возвратного местоимения. В анализируемых романах используются следующие модели ввода адресата речевого действия (*A* — адресат): *antworten/antwort geben + (zu) A; dencken + bey/in A (=говорящий)/+ sich; die Frag tun + an A; fragen + A; sagen + (zu) A; sagen + bey A; sprechen + vor A; sprechen + zu A; ruffen + zu A; rüffen + A; zuruffen + A.*

Предлог, вводящий адресата, задает тип обращенности высказывания и уточняет прагматический контекст интеракции. Наиболее распространенным является предлог *zu*. Он подчеркивает «узкую» направленность речевого действия: на адресата — непосредственного собеседника, которым в частном случае является адресант. Тождество адресанта и адресата указывает на сокровенное содержание речи, например, как самопризнания, исповеди, и может дополнительно акцентироваться местоимением *selber*.

- (1) Dieweil D. Faustus auch fürüber wolte reysen / **sagt** der Geist **zu ihm**: Mein Herr Fauste / dieser Statt hat man 7. namen geben <...> [*Faustbuch*, S. 910];
- (2) Dem Pfarer schmeckt die Wurst also wol, daz er sie gantz fraß, und **sprach zu ihm selber**: „Gesegen mir es Got, es hat mir wol geschmeckt. Die Wurst ist gut gewesen” [*Dil Ulenspiegel*, S. 110].

Другим предлогом, посредством которого вводится адресат, является предлог *vor*. Он подчеркивает, что произносится публичная речь, как правило, официального, торжественного содержания.

- (3) <...> darumb so **hüb er an vor allem volck offentlich** / vnd auch den herren von Lusinyen **zû eren vnd zû danck** / vnd **sprach** zestund **vor in allen** Wolt gott das ein sôlicher manlicher Ritter als die zwen brüder von Lusinyen seind vnser beysaß vnd herr dises fürstentumbs sein solt <...> [*Melusine*, S. 71].

Комбинация предлогов *zu* и *vor* указывает на то, что речь, обращенная к конкретному адресату, произносится в присутствии широкой аудитории, и уточняет совершаемый речевой акт как декларативный (согласие на брак и дарение):

- (4) Der künig besante Vriens / vnd **sprach zûjm vor allen den seinen** Nun hõre lieber Vriens / des deinen begere noch will ich nit / sunder ich gib dir zû Hermÿnen meiner lieben vnd einigen tochter mein ganczes künigkreÿch zû hauß stëwre [*Melusine*, S. 58].

Позиция речевого действия в речевом потоке (фазисность) передается при помощи глаголов и глагольно-именных сочетаний, наречий времени, местоименных наречий и порядковых числительных. Эти средства могут использоваться как независимо друг от друга, так и в комбинации. К глаголам, уточняющим фазисный аспект высказывания, прежде всего, принадлежат инхоативные: *anfängen, beginnen, werden*. Они подчеркивают начинательный характер речевого действия, называемого глаголом в инфинитиве.

- (5) Ulenspiegels Gespan **begund zu sprechen**: „Waz meint unser Meister damit, daz er uns zu frü weckt? Des pflegt er nit zu thun“ [*Dil Ulenspiegel*, S. 118];
- (6) die fraw **ward riefē** vnd **sprach** / mit grossen freüden / herre nicht fliehent also / ich bin die die ir nächten vff einem anger klagēd fundēt <...> [*Wigalois*, S. 71];
- (7) In solchem zweiffel vnd vnmucht geht der Lalen einer durch das Dorffe ab / vnd als er für etliche Gånse fürüber gehet / **fiengen** dieselben **an zuschreyen** / Gigag / gigag <...> [*Lalebuch*, S. 119].

При помощи глагольно-именного сочетания *inn die rede fallen* вводится речевое действие, занимающее медиальную позицию в речевом потоке, а именно в речевой партии предыдущего говорящего:

- (8) Als der Keyser solche stattliche Rede höret / lachtet er / zoge seinen Hut ab / sich z bedancken: aber der Schultheiß **fiel jhm inn die rede / sagend**: Setzet auff / thund auff Juncker Keyser / seyt bedeckt [*Lalebuch*, S. 90].

Среди наречий времени в роли фазисных конкретизаторов широко используется наречие *da (do)*. Например, в «Ein kurtzweilig Lesen von Dil Ulenspiegel» оно встречается в 103 из 631 конструкции. Наречие *da (do)* уточняет роль реплики персонажа как ответной реакции на реплику его партнера или указывает на абсолютное начало вербальной интеракции. В некоторых контекстах в таких же функциях выступает наречие *nun*.

- (9) **Da sprach** der Meister: „Waz der Tüffel! Waz machst du hie? <...>“ [*Dil Ulenspiegel*, S. 61];
- (10) **Nun sprach** sy aber fürbaß zû reÿmund vnd **gesegnet in vnd sprach / Gesegen** dich got mein hercz mein leib <...> [*Melusine*, S. 122].

Помимо наречий *da (do)* и *nun* встречаются другие наречия времени (в составе моделей): **hinwider/widervmb/herwiderumb antworten**; **wider fragen**; **fürrbaß reden**; **wider ruffen**; **abernmaln sagen**; **weiter sagen**; **ferner/fürter/mer/hin wider/widerumb sprechen**. По функции наречия времени неоднородны. Некоторые, как *da (do)*, подчеркивают реактивный характер вводимого речевого действия, другие указывают на возобновление говорящим своей речи. Важную роль в последнем случае играет соединительный союз *und*.

- (11) König Artus sprach vnnnd **antwort** jm **hinwider**. Des ir so bescheidenlich seind begerê / sôlt ir gût statt hie vinden [*Wigalois*, S. 33];
- (12) Der Meister ward zornig und **sprach** zu ihm, daz er daz Bet wider hin trüg, da er daz genumen hät, **und sprach fürter** zu ihm in gähem Mut: „Und gang mir droben uß dem Huß, du verzweiffelter Schalck“ [*Dil Ulenspiegel*, S. 118].

К моделям фазисной конкретизации с помощью местоименных наречий принадлежат **auff das/darauff (daruff)/darzû antworten**; **daruff/weiter dencken**; **darauff/darnach/hernach weiters/hierauff/wolan sagen**, **darauff(dorauß)/darnach/darwider/fürter/wider sprechen**. Все местоименные наречия подчеркивают реактивность речевого действия.

- (13) Doctor Faustus sprach: So wil ichs wissen / oder wil nicht leben / du must mirs sagen. **Wolan sagt** der Geist / Jch sage dir / es bringt mir wenig Kummer <...> [*Faustbuch*, S. 872].

В романе о Тиле Уленшпигеле в функции фазисных конкретизаторов используются также порядковые числительные, выступающие в качестве определения к существительному в составе глагольно-именного сочетания. Такие порядковые числительные позволяют установить точное положение речевого действия в речевой цепи.

- (14) Der Rector **sprach** zu ihm **die drit Frag**: „Sag mir bald, wie oder waran sich daz Mittel in der Welt halt“ [*Dil Ulenspiegel*, S. 84].

Эмоционально-оценочные конкретизаторы разнообразны. Большую их часть образуют глаголы и сочетания глагола-связки *werden* с прилагательным или глаголом в инфинитиве, обозначающим эмоциональное состояние (например, *fro werden*; *weinen werden*). В зависимости от семы фонации глагольные эмоционально-оценочные конкретизаторы могут быть разделены на две группы. Конкретизаторы первой группы передают как эмоциональное состояние адресанта и/или его отношение к адресату, так и акустические особенности речи:

- (15) Ulenspiegel sahe, daz die Stiffeln so gespickt waren, und **ward lachen** und **sagt**: „Wie seint Ihr so ein frumer Meister, haben Ihr mir daz gmacht, als ich Euch hab geheisen, was wöllen Ihr dafür haben?“ [*Dil Ulenspiegel*, S. 132].

Конкретизаторы второй группы затрагивают только эмоциональную сферу адресанта:

- (16) Do dise red reÿmund erhorte do **wart** er **fro** vnd **gedacht**. sÿ enweÿß villeicht nicht vmb die vntreÿ so du ir bewisen hast [*Melusine*, S. 100–101];
- (17) Da **ward** der Schmid **böß uff den Kirchherren** und **sagt**: „Wa solt ich Euch daz wissen thun, das ich selber nit wißt <...>“ [*Dil Ulenspiegel*, S. 123];
- (18) Die fraw **erschrack on massen sere** / vnd **sprach** Herr dises ist mir schwer zû thûn / vnd mein ir solt sollicher raiß yetz nit begeren <...> [*Wigalois*, S. 26].

Помимо глаголов и глагольно-именных сочетаний важную роль в передаче эмоциональной окраски речи персонажа и его оценки играют качественные наречия, сочетания существительных, называющих чувства и эмоции, с предлогами и причастиями прошедшего времени от глаголов, описывающих эмоциональное состояние адресанта и акустические особенности его речи.

- (19) Der riß **sprach in gespötte**. lieber herre seyß mir nit so vnghedig <...> [*Melusine*, S. 131];
- (20) Und lieff da von der Lauben und ließ daz Volck, eins Teils **Fluchende**, das ander Teil **Lachende**, und **sprachen**: „Das ist ein Schalckßnarr noch, dann so hat er war gesagt“ [*Dil Ulenspiegel*, S. 43];
- (21) Herr Wigoleiß der kün held **sprach gar züchtgklichen** [*Wigalois*, S. 44];
- (22) <...> **sprach** deßhalben **gantz sittiglich** vnnd **tugendlich** (dann sie es schon gelehret) sich auff beide seitten kehrend / zu jnen: Liebe Nachbårnen / ich bitte wöllet still sitzen <...> [*Lalebuch*, S. 83];
- (23) <...> **sprach** er **auß rechtem schultheißlichem eyfer** vnd **bitterm ernst**: Nun wil ich auch ein ordnung vnter die Hund bringen <...> [*Lalebuch*, S. 83].

Проведенный обзор средств, распространяющих ядерную часть конструкций ввода персонажной коммуникации, позволяет по-новому оценить степень стереотипности этих конструкций в немецких прозаических романах. Во-первых, благодаря конкретизаторам конструкции ввода персонажной коммуникации становятся более разнообразными и передают вводимое речевое действие в большей мере индивидуализированно. Хотя количество иллокутивных и перлокутивных глаголов невелико, речеактовые особенности высказываний персонажей и прагматический контекст интеракции могут уточняться за счет предлогов, вводящих адресата (декларация, публичная, торжественная речь), при помощи наречий времени и местоименных наречий (реактивный речевой акт), благодаря сочетаниям существительных, обозначающих чувства и эмоции говорящего, с предлогами (ср. *spotten* — *in gespötte sprechen*). Необходимо также добавить, что в прозаических романах практически не используются локутивные конкретизаторы (*Im antwort der Teuffel / sagende*), типичные для предшествующих эпох. Во-вторых, следует четко разделять более ранние прозаические

романы, возникшие на основе уже существовавшего языкового материала («Melusine», «Ein kurzweilig Lesen von Dil Ulenspiegel», «Wigalois»), и более поздние тексты, зависимые от этого материала в меньшей мере («Historia von D. Johann Fausten», «Das Lalebuch»). Если конструкции ввода персонажной коммуникации в первых романах в значительной степени типизированы, то во вторых частотны средства, отражающие индивидуальный стиль авторов.

Источники и принятые сокращения

- Dil Ulenspiegel — Ein kurzweilig Lesen von Dil Ulenspiegel: nach dem Druck von 1515, mit 87 Holzschnitten / hrsg. v. W.Lindow. Stuttgart: Reclam, 2010. 304 S.
- Faustbuch — Faustbuch // Romane des 15. und 16. Jahrhunderts: nach den Erstdrucken mit sämtlichen Holzschnitten / hrsg. von J.-D. Müller. Frankfurt/M.: Deutsche Klassiker Verlag, 1990. S. 829–980.
- Lalebuch — Das Lalebuch: nach dem Druck von 1597 mit den Abweichungen des Schiltbürgerbuchs von 1598 und zwölf Holzschnitten von 1680 / hrsg. v. St. Ertz. Stuttgart: Reclam, 2011. 273 S.
- Melusine — Melusine // Romane des 15. und 16. Jahrhunderts: nach den Erstdrucken mit sämtlichen Holzschnitten / hrsg. v. J.-D. Müller, Frankfurt/M.: Deutsche Klassiker Verlag, 1990. S. 9–176.
- Wigalois — Wigalois / hrsg. von L. E. Schmitt u. R. Noll-Wiemann; mit e. Vorw. v. H. Melzer. Nachdr. d. Ausg. Straßburg, 1519. Hildesheim; New York.: Olms, 1973. 11, [110] S.

Литература

1. *Аветисова, Л. Н.* Речевой ритуал в народной книге о Тиле Уленшпигеле (1515 г.): автореф. дис. ... канд. филол. наук / С.-Петербург. гос. ун-т. СПб., 2002. 21 с.
2. *Воротилина, Е. Н.* Средства ввода речевых партий персонажей в прозаических произведениях немецкоязычных писателей 19–20-го веков: дис. ... канд. филол. наук / Рос. гос. педаг. ун-т им. А. И. Герцена. СПб., 2002. 226 с.
3. *Гончарова, Е. А.* Тип повествования — прагматическая перспектива — адресованность художественного текста // *Studia Linguistica 5: Лингвостилистика и прагматика текста.* СПб.: Тест-Принт, 1997. С. 5–12.
4. *Лихачев, Д. С.* Поэтика древнерусской литературы. 3-е изд., доп. М.: Наука, 1979. 352 с.
5. *Понамарева, Н. В.* Коммуникативно-прагматический потенциал конструкций ввода персонажной коммуникации в немецком прозаическом

романе XV–XVI вв. // *Stephanos: сетевое изд.: рецензируемый мультиязыч. науч. журн.* / гл. ред.: д-р филол. наук, проф. М.Л. Ремнёва. 2016. № 1 (15) янв. С. 124–129.

6. *Сабанеева, М.К.* Художественный язык французского эпоса: опыт филол. синтеза. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2001. 292 с.

7. *Brandstetter, A.* *Prosaauflösung: Studien zur Rezeption der höfischen Epik im frühneuhochdeutschen Prosaroman.* Frankfurt/M.: Athenaeum Verlag, 1971. 242 S.

8. *Müller J.-D.* Volksbuch/Prosaroman im 15. /16. Jahrhundert — Perspektiven der Forschung // *Internationales Archiv für Sozialgeschichte der deutschen Literatur.* 1. Sonderheft. Forschungsreferate. Tübingen: Max Niemeyer, 1985. S. 1–128.

9. *Schulte, W.* «Epischer Dialog». Untersuchungen zur Gesprächstechnik in frühmittelhochdeutscher Epik (Alexanderlied — Kaiserchronik — Rolandslied — König Rother): Diss. Bonn, 1970. 256 S.

References

1. Avetisova, L. N. *Rechevoi ritual v narodnoi knige o Tile Ulenshpigele (1515 g.) [Verbal Ritual in Folk Book About Till Ulenspiegel (1515)].* Thesis of PhD diss. St. Petersburg, 2002. 21 p. (In Russian)

2. Vorotilina, E. N. *Sredstva vvoda rechevykh partii personazhei v prozaicheskikh proizvedeniiax nemetskoiazychnykh pisatelei 19–20-go vekov [Means of Character's Speech Parts Introduction in German Writers Works of the 19th–20th Centuries].* Thesis of PhD diss. St. Petersburg, 2002. 226 p. (In Russian)

3. Goncharova, E. A. *Tip povestvovaniia — pragmaticheskaiia perspektiva — adresovannost' khudozhestvennogo teksta [Means of Linguistic and Stylistic Expression of Author-Character Categories in Literary Text].* *Studia Linguistica 5: Lingvostilistika i pragmatika teksta.* St. Petersburg, Test-Print, 1997, pp. 5–12. (In Russian)

4. Lixachev, D. S. *Poetika drevnerusskoi literatury [Poetics of Old Russian Literature].* 3rd ed., dop. Moscow, Nauka Publ., 1979. 352 p. (In Russian)

5. Ponamareva, N. V. *Kommunikativno-pragmaticheskii potentsial konstruktii vvoda personazhnoi kommunikatsii v nemetskom prozaicheskome romane XV–XVI vv. [Communicative pragmatic potential of inquit formulas in the German prose novel of the 15th–16th centuries].* *Stephanos: setevoe izd.: retsenziruemyi mul'tiiazych. nauch. zhurn.* [*Stephanos: Network Ed.: Peer reviewed multilingual Scientific Journal*]. Ed. by M. L. Remneva. 2016, no. 1 (15) Jan., pp. 124–129. (In Russian)

6. *Sabaneeva, M. K.* *Khudozhestvennyi iazyk frantsuzskogo eposa: opyt filol. sinteza [Literary Language of French Epos: an Experience of Philological Analysis].* St. Petersburg, St. Petersburg Univ. Press, 2001. 292 p. (In Russian)

7. *Brandstetter, A.* *Prosaauflösung: Studien zur Rezeption der höfischen Epik*

im frühneuhochdeutschen Prosaroman. Frankfurt/M., Athenaeum Verlag, 1971. 242 p.

8. Müller J.-D. Volksbuch/Prosaroman im 15. /16. Jahrhundert — Perspektiven der Forschung. *Internationales Archiv für Sozialgeschichte der deutschen Literatur*. 1. Sonderheft. Forschungsreferate. Tübingen, Max Niemeyer, 1985, pp. 1–128.

9. Schulte W. „Epischer Dialog“. *Untersuchungen zur Gesprächstechnik in frühmittelhochdeutscher Epik (Alexanderlied — Kaiserchronik — Rolandslied — König Rother)*. Diss. Bonn, 1970. 256 p.

Понамарева Надежда Валерьевна

ассистент кафедры иностранных языков и лингводидактики СПбГУ

Адрес: Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9.

Nadezda V. Ponomareva

Postgraduate student of German Philology Department, St. Petersburg State University

Address: 7–9, Universitetskaya emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation.

E-mail: nadezda_ponamareva@mail.ru

ИЗОБРАЖЕНИЕ ЭМОЦИЙ В РОМАНЕ „ЭРЕК“ ХАРТМАНА ФОН АУЭ

Ключевые слова: эмоции, эмотивность, эмоциональная картина мира.

В статье рассматривается отражение эмоций героев рыцарских романов средневерхненемецкого периода на примере романа Хартмана фон Ауэ «Эрек» с помощью существительных, называющих положительные и отрицательные эмоции. При этом делается вывод о позитивной окраске эмоциональной картины героев романа.

L. F. BIRR-TSURKAN
St. Petersburg State University

EXPRESSION OF EMOTIONS IN HARTMANN VON AUE'S NARRATIVE POEM „EREC“

Keywords: emotions, emotionality, emotional picture of the world.

This paper discusses expression of emotions in characters of the Middle High German court epic as exemplified by “Erec”, a narrative poem by Hartmann von Aue. Nouns encapsulating both positive and negative emotions are analysed. A conclusion is drawn on a positive emotional picture of the poem's characters.

Языковая и когнитивная деятельность человека не может восприниматься в абсолютном отрыве от эмоций, чувств и переживаний. Речепроизводство, равно как и речевосприятие, зачастую существенно определяется эмоциональной составляющей. Выражение эмоций относится к одной из основных функций человеческой речи.

Эмоции понимаются как «субъективные реакции человека и животных на воздействие внутренних и внешних раздражителей, проявляющиеся в виде радости, страха, удовольствия или неудовольствия» [2, с. 1522].

По мнению Моника Шварц-Фризель, эмоция представляет собой многомерный комплекс осознанных и неосознанных знаний, репрезентаций и процессов [8, с. 48].

Эмоции являются частью языковой картины мира, которая воспроизводит в языке при помощи средств языка предметы и явления окружающей действительности. Способность переживать те или иные эмоции носит, безусловно, общечеловеческий характер.

Однако вербализация эмоций может различаться от языка к языку. Как отмечал В.И.Шаховский, «именно язык формирует эмоциональную картину мира представителей той или иной лингвокультуры» [6, с.234], т.е. эмоциональная картина мира является специфичной для представителей различных культур.

Е.Е.Стефановским в основу его исследования о концептуализации негативных эмоций в мифологическом и современном языковом сознании на материале ряда славянских языков была положена гипотеза о том, что «эмоциональные концепты формируют эмоциональную картину мира, отражающую аксиологические приоритеты в национальной картине мира; эти приоритеты существуют в каждой языковой картине мира в виде ключевых идей; многие эмоциональные концепты, существующие в современных языковых картинах мира, представляют собой унаследованные из мифологического сознания ментальные структуры, своеобразно переосмысленные в каждой национальной лингвокультуре и актуализирующиеся в национальном сознании в определенных социальных условиях» [4, с.1]. И далее: «эмоциональная картина мира отражает ценностные приоритеты в национальной картине мира» [Там же, с.8–9].

В.И.Шаховский говорит о способности человека «как языковой личности управлять вербальным выражением эмоций и пропускать их через ситуативные, социальные и другие фильтры в процессе коммуникации, и в зависимости от них, “упаковывать” одни и те же эмоции в различные языковые формы или вообще не “пропускать” их в язык» [7, с.309].

Эмоциональная картина мира и вербальные способы ее отражения формируются на протяжении всей истории существования определенной национальной культуры. Анализ вербальных средств отражения эмоций на материале средневерхненемецкой литературы позволяет рассмотреть, какие ментальные структуры определяли эмотивное поведение героев средневековья, с тем чтобы в дальнейшем сравнить его с последующими этапами в истории немецкой культуры.

Выражение эмоций происходит с помощью эмотивных единиц, однако объектом исследования в данной статье являются не столько эмотивные единицы, нашедшие отражение в речи героев романа „Ерес“, сколько констатация и описание эмоций, переживаемых героями романа.

Обращение к различным этапам истории немецкого языка с целью исследования эмоциональных концептов и средств их отражения в языке не ново. Так, В. П. Шабанова, избрав объектом своего внимания лексико-фразеологическое поле «проявления эмоций» на материале современного немецкого языка, выделяет такие макрополя (фреймы), как страх, радость, обида, ненависть, печаль, любовь, дружба, сочувствие, удивление, уважение, гордость, зависть, стыд [5, с. 10–11]. При этом исследовательница констатирует наличие перекрестных семантических отношений, которое «свидетельствует о диффузном характере семантического пространства и о взаимосвязи макро- и микрополей» [Там же, с. 12]. М. В. Адамова исходит из того, что «Freude и Trauer представляют собой семантически сопряженные категории, характеризующиеся непрерывностью семантического пространства и имеющие определенные зоны пересечения» [1, с. 4]. При этом в работе рассматриваются различные группы лексики, служащие для реализации эмоций в немецком языке: лексика, называющая, обозначающая эмоции; лексика, выражающая эмоции; лексика, описывающая эмоции [1, с. 7–8]. И. Г. Заяц изучает репрезентацию тех же эмоциональных концептов (горе и печаль) в средневерхненемецком языке. При этом в работе показано, что, во-первых, в средневерхненемецкий период одним из основных способов репрезентации эмоциональных концептов является метафора, которая позволяет воплотить абстрактное понятие в чувственном образе, и, во-вторых, «радость» и «горе» являются центральными концептами в эмоциональной концептосфере средневерхненемецкого периода [3, с. 5].

Представляется логичным и обоснованным обращение к древним пластам языка, к средневерхненемецкому периоду в частности, с целью изучения формирования эмоциональных концептов немецкой культуры. Такое обращение возможно, с одной стороны, на материале лексикографических источников, а с другой — на основе дошедших до нас письменных памятников. Данная статья базируется на материале средневекового романа Хартмана фон Ауэ «Эрек».

М. Шварц-Фризель различает наряду с “emotionsbezeichnende Wörter” (слова, обозначающие эмоции) также “emotionsausdrückende Wörter” (слова, выражающие эмоции) [8, с. 151–152]. В настоящей статье речь идет о существительных, эксплицитно называющих эмоции, таких как Freude, Angst, Zorn, Leid, Minne.

В качестве центральной позитивной эмоции в романе «Эрек» можно считать эмоцию радости, прежде всего, выраженную существительным *vreude*, в том числе в сочетании с различными предлогами, например:

- (1) *diz muoste jærlîche sîn/ze **vreuden** sîner lantdiet* (191–192) (это должно было быть каждый год/на радость жителей его страны);
- (2) *nû lebete disiu ritterschaft/mit gewonlîcher **vreuden** kraft* (2404–2405) (и жило это рыцарство/с обычной силой радости);
- (3) *in endorfte ûz vremden landen/durch **vreude** niemen suochen* (2991–2992) (никому из чужих стран нельзя было/навестить его с радостью);
- (4) *vor **vreuden** si kunden/diz niht langer verdagen./si enmüesten offenlîche sagen/ daz si genifteln wæren* (9735–9738) (от радости они/не могли больше замалчивать/и не говорить всем,/что они родственники);
- (5) *mit **vreuden** wirt zerbrochen/diu swære gewonheit/die er durch sînen neven leit* (9773–9775) (с радостью был нарушен/тяжелый обычай/который был заведен его племянником).

В ряде случаев обозначение негативных эмоций происходит «от противного», то есть употребляется лексема *vreude*, но с отрицанием — с предлогом *âne* или отрицательным наречием *nimmer, nie*:

- (6) *doch was er **âne vreude** hie* (9782) (но он был здесь без радости);
- (7) *in wære sô leide dâ geschehen/daz si ûf dem hûs ze Brandigân/**nie dehein vreude** möhten hân* (9839–9841) (с ними произошло там столько горя/что они в доме в Брандигане/никогда не хотели иметь радость).

Согласно исследованию, проведенному И. Г. Заяц, к основным видам эмоций, представленных в средневерхненемецком языке, относится кроме эмоции радости (*vreude*) эмоция горя, страдания (*leit*) [3]. Как и в случае эмоции радости, эмоция горя, страдания *leit* может быть представлена соответствующим существительным:

- (8) *dâ von ich dicke hân gesehen/wîben michel **leit** geschehen* (3854–3855) (я видел, как от этого часто/женщины испытывали горе);
- (9) *daz er lac vür tôt./nû huop sich ein bitter nôt/und alles **leides** galle/von disem valle/in vrouwen Ênîten muote* (5738–5742) (что он там

лежал мертвым./и поднялась беда/и всего горя горечь/от этого случая/в душе госпожи Эните).

При этом существительное *leit* может быть употреблено с предлогом:

- (10) *umbe den selben geiselslac/schiet er vor **leide**/von mir ûf der heide.* (1127–1129) (от того же удара плетки/он освободился от горя/от меня на поле).

Корень *leit* может выступать как компонент сложного слова:

- (11) *mit guotem trôste er in benam/ir **herzeleides** etewaz* (9821–9822) (с добрым утешением он его принял/горе ее сердца)

Подобно тому, как «от противного» употребляется лексема *vreude* для обозначения негативных эмоций (с отрицанием), зафиксирован единичный случай употребления лексемы *leit* для отражения положительных эмоций — с двойным отрицанием *en-* и *niht*:

- (12) *daz enwas dem wirte niht **leit*** (9836) (это не было хозяину горестно).

Для обозначения горя, печали, скорби в тексте «Эрек» также используется *kumber* в сочетании с глаголом *lîdan* (испытывать горе, печаль):

- (13) *diu vrouwe grôzen **kumber** leit,/wan daz si ze liebe ir leit/in ir herzen verkêrte* (3450–3452) (госпожа испытала большую печаль/потому что в любовь ее горе/в ее сердце обернулось).

На основе изученного материала И. Г. Заяц делает вывод о том, что «группа языковых средств репрезентации эмоционального концепта “горе” превосходит по объему группу соответствующих средств концепта “радость”» [3, с. 5], причем соотношение *vrôude* / *leit* составляет, согласно И. Г. Заяц, 1:3 [3, с. 12]. Текст романа «Эрек» не подтверждает данное соотношение средств вербализации *vreude* и *leit*. Наш материал свидетельствует о превалировании *vreude* над *leit*.

Другой часто упоминаемой эмоцией в романе «Эрек» является гнев (*zorn*). Эта эмоция свойственна исключительно представителям мужского пола:

- (14) *ouch wolde er sich gerochen hân,/wan daz er wîzlîchen/sinem **zorne***

kunde entwîchen (99–101) (также он хотел отомстить,/потому что он мудро/мог уйти от его гнева).

Эните обращается к Эреку, когда тот требует от нее молчания, со следующими словами:

(15) *och dulde ich baz iuwern zorn/dan iuwer lîp wære verlorn,/swaz mir ni von iu geschîht* (3416–3418) (я стерплю ваш гнев/только бы ваша жизнь не была бы потеряна/чтобы вы мне ни сделали).

А Эрек ей отвечает:

(16) *daz ich iu mit übele iht lône:/und wirt ir einez verlorn,/ir müezet dulden den zorn/des ir gerne erbæret,/ob ir wîse wæret“* (3435–3439) (что я вас не награжу злом:/и если вы проиграете/вы должны терпеть гнев/которого вы с удовольствием заслужили бы/если бы вы были мудры).

Лишь в одном случае состояние гнева приписывается женщине, когда Эните гневится (*zurnen*) на Бога:

(17) *vrouwe Ênîte zurnte vaste an got* (5774) (госпожа Эните гневилась на Бога).

Кроме перечисленных уже выше эмоций биологического уровня, нашедших отражение в романе Хартмана фон Ауэ, следует отметить эмоцию страха. Страх обозначается в тексте лексемами *angest* и *vorhte*:

(18) *ein âventiure hie stât/ze selhem gewinne/daz ich in mînem sinne/des vil grôze **angest** hân,/ez müeze iu alsam ergân* (7975–7979) (тут произошло событие/с таким исходом/что я в своей душе/глубокий страх испытал/с вами должно);

(19) *der **vorhte** was sîn herze vrî* (8631) (его сердце было свободно от страха).

Наряду с эмоциями биологической, животной природы, эмоциональная картина мира средневекового человека содержит также эмоции более высокого порядка, возникшие в результате социального опыта. Это такие эмоции, как любовь, сострадание, стыд и т. д.

Культ *Minne* — высокой куртуазной любви к благородной Даме, безусловно, нашел отражение и в произведении Хартмана фон Ауэ:

(20) *ir herze wart der **minne** vol* (1492) (ее сердце было полно любви);

- (21) *nâch dîner minne ist mir sô nôt* (5890) (я так нуждаюсь в твоей любви).

Необходимо отметить, что лексемы со значением *minne* в тексте «Эрека» используются не только для обозначения высокой любви рыцаря к даме, а в более широком смысле, о чем свидетельствует следующий пример, в котором король Артур обещает свою любовь в награду:

- (22) *der künec Artûs sprach dô:/„nû wære ich es harte vrô/und lônthe ims mit minnen,/swer mir in möhte gewinnen“* (4860–4863) (тогда сказал король Артур: «я был бы очень рад/и наградил бы того любовью/кто бы мне его завоевал»).

Чувство стыда представлено в «Эрек» двумя лексемами: *schame* со значением стыд и в более сильном эмоциональном переживании стыда, срама, позора, выраженном существительным *schande*:

- (23) *als im der geiselslac geschach,/mit grôzer schame er wider reit./also klagete er sîn leit,/schamwar wart er under ougen:/„vrouwe, ich enmac des niht verlougen,/wan irz selbe habet gesehen,/mir ensî vor iu geschehen/eine schande alsô grôz“* (109–117) (когда его ударили плеткой,/с глубоким стыдом он ускакал./он жаловался на свое горе./красным от стыда стало лицо вокруг его глаз: «госпожа, я не могу обмануть/потому что вы сами это видели,/если бы со мной не случился перед вами/такой позор огромный»).

Важное место в эмоциональной картине мира героев «Эрека» занимает чувство жалости, сострадания, выраженного лексемой *erbarmen*:

- (24) *si sluogen in âne erbarmen* (5408) (они ударили его без сострадания).

Таким образом, в романе Хартмана фон Ауэ нашли отражение как позитивные (*vreude, minne, erbarmen*), так и негативные эмоции (*leid, kumber, zorn, angst/vorhte, scham/schande*). При этом статистические данные позволяют сделать вывод о превалировании номинации эмоции радости (порядка 50 случаев) по отношению к номинации горя, печали (*leid* — 27, *kumber* — 6). Вероятно, можно говорить о своеобразной для средневерхненемецкой литературы позитивной окраске эмоциональной картины романа «Эрек». И. Г. Заяц, делая вывод о преобладании отрицательных

эмоций в средневековой литературе, видит одну из причин этого в свойственном ей «предписательном» характере: «Героям произведения (будь то рыцарский роман или религиозная новелла) неизменно предписываются множество испытаний и страданий» [3, с. 12]. «Эрек», безусловно, не лишен этой предписательности, однако даже суммирование всех случаев номинации отрицательных эмоций не позволяет говорить об их преобладании над эмоциями положительными.

Источник

Hartmann von Aue. Erec / Hrsg. v. A. Leitzmann, fortgef. v. L. Wolff. 7. Aufl. Bes. v. Kurt Gärtner. Tübingen: Max Niemeyer, 2006. 324 S.

Литература

1. *Адамова, М. В.* Семантически сопряженные категории Freude и Trauer и их актуализация в немецком языковом сознании: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Иркутск. гос. лингв. ун-т. Иркутск, 2007. 18 с.
2. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2006. 1536 с.
3. *Заяц, И. Г.* Языковая репрезентация эмоциональных концептов «радость» и «горе» в средневерхненемецком языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Рос. гос. педаг. ун-т им. А. И. Герцена. СПб., 2006. 23 с.
4. *Стефановский, Е. Е.* Концептуализация негативных эмоций в мифологическом и современном языковом сознании (на материале русского, польского и чешского языков): автореф. дис. ... докт. филол. наук / Самарск. гуманитар. академия. Самара, 2009. 48 с.
5. *Шабанова, В. П.* Лингвокогнитивное моделирование и лексикографическое описание лексико-фразеологического поля «проявления эмоций» (на материале современного немецкого языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Моск. гос. обл. ун-т. М., 2004. 21 с.
6. *Шаховский, В. И.* Отражение эмоций в семантике слова // Изв. АН СССР, серия литературы и языка. 1987. Т. 46, № 3. С. 268.
7. *Шаховский, В. И.* Лингвистическая теория эмоций. М.: Гнозис, 2008. 416 с.
8. *Schwarz-Friesel, M.* Sprache und Emotion. Tübingen; Basel: A. Francke Verlag, 2007. 401 S.

References

1. Adamova, M. V. *Semanticheski sopriazhennye kategorii Freude i Trauer i ikh aktualizatsiia v nemetskom iazykovom soznanii* [Semantically conjugate category of

„Freude“ and „Trauer“ and their actualisation in the German Linguistic consciousness]. Thesis of PhD diss. Irkutsk State Univ. Irkutsk, 2007. 18 p. (In Russian)

2. *Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo iazyka* [Big explanatory dictionary of Russian language]. Ed. by R. A. Kuznetsov. St. Petersburg, Norint Publ., 2006. 1536 p. (In Russian)

3. Zaiats, I. G. *Iazykovaia reprezentatsiia emotsional'nykh kontseptov "radost" i "gore" v sredneverkhnenemetskom iazyke* [Linguistic representation of emotional concepts "joy" and "grief" in middle German language]. Thesis of PhD diss. St. Petersburg, 2006. 23 p. (In Russian)

4. Stefanovskii, E. E. *Kontseptualizatsiia negativnykh emotsii v mifologicheskoi i sovremennom iazykovom soznanii (na materiale russkogo, pol'skogo i cheshskogo iazykov)* [Conceptualization of negative emotions in mythological and modern linguistic consciousness (based on Russian, Polish and Czech Languages)]. Thesis of Doct. diss. Volgograd State Univ. Volgograd, 2009. 48 p. (In Russian)

5. Shabanova, V. P. *Lingvokognitivnoe modelirovanie i leksikograficheskoe opisanie leksiko-frazeologicheskogo polia "proiavlennii emotsii" (na materiale sovremennogo nemetskogo iazyka)* [Cognitive modeling and lexicographic description of the lexical-phraseological field "displays of emotion" (on the material of modern German language)]. Thesis of PhD diss. Moscow State Univ. Moscow, 2004. 21 p. (In Russian)

6. Shakhovskij, V. I. Otrazhenie emotsii v semantike slova [The reflection of emotions in the semantic of the words]. *Izvestiia AN USSR. Ser. literatury i iazyka*, 1987, vol. 46, no. 3. 268 p. (In Russian)

7. Shakhovskij, V. I. *Lingvisticheskaia teoriia emotsii* [Linguistic theory of emotion]. Moscow, 2008. 416 p. (In Russian)

8. Schwarz-Friesel, M. *Sprache und Emotion*. Tübingen, Basel, A. Francke Verlag, 2007. 401 p.

Бирр-Цуркан Лилия Федоровна

кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии СПбГУ
Адрес: Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9.

Lilia Birr-Tsurkan

Doctor of Philological Sciences (PhD), Associate Professor of German Philology
Department, St. Petersburg State University
Address: 7–9, Universitetskaya emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation.

E-mail: LiljaTs@mail.ru

ОБРАЗНЫЕ СРАВНЕНИЯ С ТЕМПОРАЛЬНЫМИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫМИ В СРЕДНЕВЕРХНЕНЕМЕЦКОМ РЫЦАРСКОМ РОМАНЕ И ЭПОСЕ

Ключевые слова: средневерхненемецкий, образное сравнение, темпоральные существительные, «Песнь о нибелунгах», «Парцифаль».

В статье на примере средневерхненемецких «Парцифалья» и «Песни о нибелунгах» рассматривается употребление образных сравнений, содержащих в качестве образа сравнения темпоральные существительные. Сравнения анализируются с точки зрения их признака, образа и предмета, а также их структуры, функции в предложении и сочетаемости. Чаще всего при наличии темпорального существительного сравнение осуществляется по признаку «наличие/отсутствие света или сияния», а самым частотным образом сравнения является существительное *tac* «день». Употребление признака «сияния» было характерно не только для немецкой куртуазной литературы, но и для литературы других индоевропейских народов, например, древнегреческой и древнеиндийской. Использование темпоральных существительных позволяло задействовать яркий и не стертый в средневерхненемецкий период образ.

E. S. TIKHONOVA
Saint Petersburg Electrotechnical University "LETI"

SIMILES INCLUDING TEMPORAL NOUNS IN THE MIDDLE HIGH GERMAN COURTLY EPIC

Keywords: Middle High German, simile, temporal nouns, "Parzival", "The Lay of the Nibelungs".

The paper deals with similes including temporal nouns in Middle High German courtly epics "Parzival" and "The Lay of the Nibelungs". The ground, topic and vehicle of such similes, as well as their structure and syntactical role are considered. The most popular ground of similes with temporal nouns is the 'presence/absence of light or shining', while the most popular vehicle is the noun *tac* "day". The 'shining' as a simile ground is typical not only for MHG courtly literature, but is also common for other Indo-European literatures, e. g. Ancient Greek or Indian. The usage of temporal nouns in similes allows to enable a vivid and not trite in the MHG period vehicle.

Сравнения — одно из важных изобразительных художественных средств рыцарского романа и эпоса. Они имеют устное происхождение и являются одной из характерных черт уже героического эпоса.

В настоящей статье на материале «Парцифалья» Вольфрама фон Эшенбаха и «Песни о нибелунгах» рассматриваются средневрхне-немецкие (далее — свн.) образные сравнения, включающие темпоральные лексемы со значением естественных временных отрезков. Целесообразно анализировать сравнения с точки зрения их структуры, т. е. признака, образа и предмета, а также функции в предложении и места, занимаемого в них темпоральными существительными.

Сравнения состоят из предмета, признака и образа сравнения. Под предметом понимается то, что сравнивается, под образом — то, с чем сравнивается, а под признаком — то, на основании чего производится сравнение [10, с. 209]. В немецкой лингвистической литературе употребительны термины *Vergleichsobjekt/comparandum*, *Vergleichsmaß/comparatum* и *tertium comparationis* [13, с. 426]. Ниже рассмотрены такие сравнения, образом которых являются темпоральные существительные. Предмет сравнения может быть выражен существительным, прилагательным или глаголом.

Четвертым членом сравнения является сравнительный союз или частица. В современном немецком языке наиболее употребителен союз *wie* «как» — по данным Ч. Фёльдеса (Földes Cs.), он употребляется в 92 % случаев [13, с. 429]. В языке средневрхнемецкого периода вариативность сравнительного союза значительно выше: кроме союза (*s*)*wie* «как», сравнение осуществляется посредством союзов *als*, *alsô*, *alsam*, *sam* «как», *als ob* «как будто», наречий *sô* «как» и *reht* «чисто», а также союзов *dan*, *denne* «чем» для передачи отношений неэквивалентности. В исследованном средневрхнемецком материале примеры с союзом (*s*)*wie* не представлены вообще.

Сравнения могут реализовать следующие функции: 1) экспрессивное усиление предмета сравнения; 2) семантическая дифференциация и 3) косвенное отрицание [12, с. 110 и след.].

Сравнение, содержащее все указанные элементы и входящее как устойчивое словосочетание в лексикон языка, причисляется к фразеологическим единицам, а именно к пословицам (*Sprichwörter*). Отмечается формульный характер устойчивых сравнений [15, с. 41]. Формульное происхождение сравнений также отмечает С. М. Боура [2, с. 360], а П. Гринцер выделяет сравнения в отдельный тип формул — формулы-сравнения [4, с. 40].

Как правило, общее значение сравнения сводится к образной, риторической формуле с интенсифицирующим значением ‘крайне, очень, невероятно» + признак сравнения’ [15, с. 41]. Особенно заметно это становится в тех случаях, когда в сравнении признак не выражен имплицитно. Подобные сравнения представлены в языке средневенгерского периода наиболее широко [14, с. 1099] (ср. ниже примеры (6) и (15)).

Самым частотным признаком сравнения в исследованном материале является «свет/сияние», поскольку свет — одно из центральных понятий средневекового менталитета и символики. Как пишет Ж. Ле Гофф, «всё “светлое” — ключевое слово средневековой литературы и эстетики — было прекрасным и добрым: солнце, сверкающее на латах и мечах воинов, голубые глаза и белокурые волосы молодых рыцарей» [5, с. 168].

Однако «популярность» «света» и «сияния» не является исключительной особенностью средневековой европейской куртуазной культуры, но, очевидно, вообще свойственна индоевропейским языкам. Это выражается в обилии примеров сравнений со светом и сияющими объектами в героическом эпосе разных народов. Так, в «Илиаде» сравнения с огнём и световыми явлениями чрезвычайно распространены (например, появление Афины, Диомеда и Ахилла сравнивается со звёздами, копьё Ахилла сияет, как вечерняя звезда) [6, с. 159 и след.]. В древнеиндийском эпосе очень широко представлены сравнения с небесными светилами, а большинство сравнений, включающих образ солнца, «связано с идеей блеска, сияния»: *блеском подобные Творцу дня* (об украшениях); *[блеском] подобная солнцу* (о колеснице) [7, с. 80–81]. С. М. Боура упоминает наличие сравнений со светом в древнеанглийской (*Во тьме глаза полыхали, как факелы*, «Беовульф», 727) и сербской поэзии (воины как горящие угли) и в старофранцузской («Песни о Роланде» (*волосы белы, как цветы летом*) [2, с. 360–361]. У. Джонс пишет, что для средневековых немецких поэтов самым красивым цветом волос считался русый (свн. *val, gel, blunt, liehtgemal*) [16, с. 76].

Идея «блеска» выражается также и в частом употреблении эпитетов, обозначающих блестящий объект, а именно золото. К. Уоткинс констатирует, что в поэтической традиции индоевропейцев «от Ирландии до Индии» регулярно встречаются золото и огонь [18, с. 11]. А. Н. Веселовский отмечает пристрастие к эпитету «золотой» в эпосе разных народов, в частности, древнегреческом, гер-

манском, индийском, древнерусском и сербском. Он предполагает, что подобные цветовые предпочтения могут быть «безучастным переживанием древнейших физиологических впечатлений или этническим признаком», поскольку красный и желтый цвет раньше других распознаются ребенком, и красный, желтый и оранжевый — излюбленные цвета диких народов, «оставшихся на степени детски наивного мирозерцания» [3, с. 60–61]. При этом эпитет «золотой» обозначает не столько цвет, сколько идею ценности [Там же, с. 68].

Для средневековой культуры было актуально также и представление о свете и сиянии как о неотъемлемом свойстве Божественного: свет есть Бог, «это видимость невыразимого и, как таковой, он представляет собой эманацию Бога» [9, с. 141]. Например, в древнеанглийской поэзии отмечается формула *frætsum blican* «сиять украшениями», употребляемая Кюневульфом и его последователями только по отношению к Христу [17, с. 109].

Понимание белого цвета как «сияющего» было свойственно и древнерусской житийной литературе: *И ризы его быша бѣлы яко свѣтъ* (Остр. ев., л. 284в-г); *бѣли суще яко свѣтъ огнены заря* (Ж. Андр. Юрод., л. 50а) [1, с. 25]. Н. Б. Бахилина отмечает, что «бѣлый не столько определение и не столько цветообозначение, сколько сигнал появления на сцене лица, причастного ангельскому чину, лику блаженных, святых и т. д.», это — средство выразить причастность к святости [Там же, с. 26–27].

Как видим, указание на частотность сравнения на основании признака «света/сияния» является общим местом во многих работах. Однако, насколько нам известно, специальных исследований сравнений, содержащих темпоральные компоненты семой «сияние» в свн., не проводилось. В частности, во «Фразеологическом словаре средневерхненемецкого языка» Й. Фридриха [15] отмечается лишь сам факт наличия подобных сравнений.

Напротив, литература, посвящённая сравнениям с цветообозначениями, весьма обширна, и в ней регулярно отмечается ассоциация блестящих объектов (солнца, огня и др.) в индоевропейских языках с белым или золотым цветами (см., например, [8, с. 122 и след.; 16, р. 51]). Связь между «светом/сиянием» и темпоральными существительными при этом не проводится.

Тем не менее следует подчеркнуть, что именно в группе темпоральных существительных присутствует лексема, в которой макси-

мально ярко реализуется признак «свет/сияние» — это существительное *tac* «день» (Р: 8)*, которому было имманентно присуще представление о свете в противоположность ночной темноте [11, с. 122]. Именно *tac* является самым частотным образом сравнения в исследованном материале. Кроме того, в качестве образа сравнения используются существительные *naht* «ночь» (Р: 3), *zît* «время, час» (Р: 2), *meye* «май» (N: 1) и глагол *tagen* «светать» (Р: 2). Всего в «Парцифале» представлено 13 сравнений с темпоральными существительными и 2 — с глаголами, а в «Песни» — 2; общее число реализаций составляет 16 примеров.

В большинстве случаев предметом сравнения является внешность (*blic* «облик», *antlütze* «лицо»), которая сопоставляется с днём по признаку сияния или света (1). В качестве предмета сравнения также может выступать свет свечей (2); одежда (богато украшенное сюрко сияет, как костёр в ночи) (3); Бог (Господь светлее дня) (4):

- (1) *sin blic was tac wol bi der naht* (Р. 400.6) — Его облик был, пожалуй, днём в ночи.
- (2) *von kerzen lieht alsam der tac // was vor sîner slâfstat* (Р. 192.28–29) — Свет свечей, будто день, был перед его ложем.
- (3) *er schein als ob hie brünne // bi der naht ein queckeze fîwer* (Р. 71.13–14) — Оно [сюрко] сияло, как будто здесь ночью горел живой огонь.
- (4) *«ôwê muoter, waz ist got?» // «sun, ich sage dirz âne spot. // er ist noch liehter denne der tac* (Р. 119.17–19) — «Мать, что есть Бог?» — «Сын, я скажу тебе, не шутя. Он ещё светлее, чем день».

Эксплицитно мысль о связи «сияния» и «дня» выражается в следующем развёрнутом сравнении:

- (5) *man und wîp diu sint al ein; // als diu sunn diu hiute schein, // und ouch der name der heizet tac. // der enwederz sich gescheiden mac: // si blüent ûz eime kerne gar* (Р. 173.1–5) — Мужчина и женщина — одно целое, как солнце, которое светило сегодня, и тот, чьё имя день. Никто из них не может разлучиться: они растут из одного зерна.

В «Песни» представлены единичными примерами сравнения по признаку «сияния», однако в них отсутствуют темпоральные существительные:

- (6) *Do sprach aber Criemhilt: nu sihestu wi er stat, // wi rehte herliche er vor den recken gat // alsam der liehte mane vor den sternen tut* (N. 814.1–3) — Но тут сказала Кримхильда: «Ты видишь, как он стоит, как внушительно он идёт перед витязями, подобно ясной Луне перед звёздами».

Чаще в «Песни» признаком сравнения служит цвет (7), либо — имплицитно — ярость или доблесть, когда воины сравниваются с животными (8):

- (7) *dar uffe lagen steine grune sam ein gras* (N. 434.2) — Сверху лежали камни зелёные, как стекло.
- (8) *alsam di lewen wilde si liefen an den perch* (N. 95.2) — Подобно диким львам, они взбежали на гору.

Намного менее распространено в «Парцифале» и «Песни» сравнение по признаку «темнота/отсутствие света», где образами сравнения являются лексемы *naht* «ночь» и *nebeltac* «туманный день». Так, чтобы подчеркнуть красоту Оргелузы, другие девы сравниваются с «туманным днём» (9). С ночью также может сравниваться тёмный цвет кожи (10):

- (9) *dirre meide blic ein nebeltac // was bi Orgelûsen gar* (P. 591.16–17) — Вид этих дев был туманным днём рядом с [видом] Оргелузы.
- (10) *liute vinsten sô diu naht // wârn alle die von Zazamanc* (P. 17.23–24) — Люди, чёрные, как ночь, все были из Зазаманки.

В четырёх примерах (11) — (14) представлен признак, не связанный с «яркостью» или «темнотой». Так, сравнение с месяцем маем (*ein meien zît, meye*) было весьма характерно для свн. куртуазной лирики и эпоса. Весенний месяц воспринимается как месяц блаженства и наивысшей радости [BMZ], с ним сравниваются душевные качества (11), а также внешность (12). Интересно, что именно этот образ сравнения представлен в «Песни»:

- (11) *sin herce tvgende birt // also der sveze Meye daz gras mit blvmen tvt* (N. 1636.2–3) — Его сердце полно добродетелей, как сладкий май — травой с цветами.
- (12) *si was im reht ein meien zît, // vor allem blicke ein flôrî, // ougen sÛeze unt sÛr dem herzen bî* (P. 531.24–26) — Она была ему точно [как] время мая, цвела у всех на глазах, услада очей и тяжесть для сердца.

Ещё в одном случае некомфортный отдых сравнивается с жестоким сражением:

- (13) *er hete dâ vor dicke erliten // mit swerten manegen scharpfen strit // sanfter dan die ruowens zit* (P.587.28–30) — Прежде он часто испытывал много жарких боёв на мечах, более лёгких, чем это время отдыха.

В примере (14) признаком сравнения является расточительность, а темпоральное существительное *tac* «день» функционирует как обстоятельство времени, конкретнее — как показатель длительности действия:

- (14) *Vil lucel man der varnder armen da vant, // ross und chleider daz sto^ab in von der hant, // sam si celebne heten niht mer deheinen tach* (N.39.1–3) — Среди путешественников можно было найти мало бедных: кони и платье летели у них из рук, как будто им не осталось жить ни одного дня.

В случае если предмет сравнения уподобляется образу, и они эквивалентны друг другу, в исследованном материале сравнение выражается при помощи союзов *als*, *alsam*, *also* «как» (2), (5), (11), *sô* «как» (10). Если в предмете сравнения признак выражен в большей мере, чем в образе, и между ними существуют отношения неэквивалентности, в предложении используются имена прилагательные в сравнительной степени с союзами *dan* и *denne* «чем» (4), (13). Сравнение также может быть выражено с помощью реальных сравнительных придаточных предложений с подчинительным союзом *also* «как» (11) и нереальных сравнительных придаточных — с союзом *als ob* (3) и *sam* «как будто» (14) и глаголом в сослагательном наклонении.

Ещё один вариант структуры сравнения — это описательные бессоюзные обороты. В таком случае факт сравнения выражается глаголом *sîn* «быть» в сочетании с предлогом *bî* (1), (9), глаголом *wænen* «полагать» (16), местоимением *ander* «другой, второй» (15) и наречием *reht* «прямо, точно» (12). Признак «сияния/яркости» может передаваться с помощью глаголов *schînen* «сиять» (15) и *tagen* «светать, сиять» (16). Как правило, все эти средства употребляются в сочетании друг с другом. Так, в примере (16) в главном предложении также присутствует существительное *schîn* «сияние»:

- (15) *ez dorft in dunken niht ze fruon: // wan von in schein der ander tac*

(Р. 167.16–17) — Им [девам] не могло показаться, [что] слишком рано, ведь от них [будто] сиял второй день.

(16) *ir antlütze gap den schîn, // si wânden alle ez wolde tagen* (Р. 235.16–17) — Её лик давал такое сияние, [что] всем им казалось, что светает.

В составе сравнения темпоральное существительное может быть предикативом (1), (4), (5), (9), (12), подлежащим (11), (15), частью определения (2), (10), (13) или обстоятельства времени (1), (3), (14).

Несмотря на то, что в примерах (1) и (3) темпоральное существительное *naht* «ночь» входит в состав одного и того же обстоятельства — *bî der naht* «в ночи» — фактически эти примеры неоднородны. Если в примере (1) обстоятельство времени является частью образа сравнения (*tac bî der naht* «день в ночи»), то в (3) темпоральное существительное фактически не служит ни предметом, ни образом сравнения. Таковым является местоимение *er* «он», заменяющее существительные *wâpenroc* «сюрко» и *fiwer* «огонь» соответственно. *Bî der naht*, следовательно, выступает здесь в качестве обстоятельства времени в составе сравнения.

Таким образом, в темпоральных существительных со значением естественных временных отрезков представлен мощный, не стёртый образ — особенно это касается сравнений по признаку «света/сияния», который, по словам Ж. Ле Гоффа, в средние века ощущался «очень глубоко» [5, с. 168]. При этом сами рассматриваемые существительные в подавляющем большинстве случаев используются в сравнениях не в собственно темпоральном значении, а актуализируют другие семы, в основном, «наличие/отсутствие света».

Тот факт, что сравнения, содержащие темпоральные существительные, практически отсутствуют в «Песни о нибелунгах», заслуживает более пристального рассмотрения и должен стать предметом дальнейших исследований.

Примечание

* Число в скобках после двоеточия обозначает количество примеров в соответствующем тексте.

Источники и принятые сокращения

- N — Das Nibelungenlied. Mittelhochdeutsch / neuhochdeutsch von Danielle Buschinger und Wolfgang Spiewok. Wodan. Vol. 8. Université de Picardie, 1991. 538 S.
- P — *Wolfram von Eschenbach*. Parzival / Nach der Ausgabe Karl Lachmanns revid. und komment. v. E. Nellmann; übertr. von D. Kühn. 2 Bde. Frankfurt/M.: Deutscher Klassiker-Verlag, 1994. 1832 S.
- BMZ — *Müller, W.* Mittelhochdeutsches Wörterbuch / Mit Benutzung des Nachlasses von G. F. Benecke; ausgearb. v. W. Müller. Ab Bd. 2: ausgearb. v. W. Müller und F. Zarncke. Stuttgart, 1990. 4 Bde. // Mittelhochdeutsche Wörterbücher im Verbund. URL: <http://www.woerterbuchnetz.de/BMZ> (дата обращения: 22.12.2015).

Литература

1. Бахилина, Н. Б. История цветообозначений в русском языке. М.: Наука, 1975. 288 с.
2. Боура, С. М. Героическая поэзия / пер. с англ. и вступ. статья Н. П. Гринцера, И. В. Ершовой. М.: Новое литературное обозрение, 2002. 808 с.
3. Веселовский, А. Н. Историческая поэтика. М.: Высшая школа, 1989. 404 с.
4. Гринцер, П. А. Древнеиндийский эпос. Генезис и типология. М.: Наука, 1974. 419 с.
5. Ле Гофф, Ж. Цивилизация средневекового Запада: пер. с фр. М.: Прогресс; Прогресс-академия, 1992. 374 с.
6. Лосев, А. Ф. История античной эстетики. Ранняя классика. М.: АСТ, 2000. 621 с.
7. Невелева, С. Л. Вопросы поэтики древнеиндийского эпоса: эпитет и сравнение. М.: Наука, 1979. 136 с.
8. Норманская, Ю. В. Генезис и развитие систем цветообозначений в древних индоевропейских языках. М.: Институт языкознания РАН, 2005. 326 с.
9. Пастуро, М. Символическая история европейского средневековья: пер. с фр. СПб.: Alexandria, 2012. 446 с.
10. Томашевский, Б. В. Стилистика и стихосложение: Курс лекций. Л.: Учпедгиз, 1959. 536 с.
11. Burger, H. Zeit und Ewigkeit. Studien zum Wortschatz der geistlichen Texte des Alt- und Frühmittelhochdeutschen. Berlin, New York: Walter de Gruyter, 1972. 330 S.
12. Fleischer, W. Phraseologie der deutschen Gegenwartssprache. Leipzig: VEB Bibliographisches Institut, 1982. 250 S.
13. Földes, Cs. Phraseme mit spezifischer Struktur // Phraseologie: ein in-

ternationales Handbuch zeitgenössischer Forschung / Hrsg. v. H. Burger, Dm. Dobrovolskij u.a. Vol. 1. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 2007. S. 424–435.

14. *Friedrich J.* Historische Phraseologie des Deutschen // Phraseologie: ein internationales Handbuch zeitgenössischer Forschung / Hrsg. v. H. Burger, Dm. Dobrovolskij u.a. Vol. 2. S. 1092–1106.

15. *Friedrich, J.* Phraseologisches Wörterbuch des Mittelhochdeutschen: Redensarten, Sprichwörter und andere feste Wortverbindungen in Texten von 1050–1350. Tübingen: Max Niemeyer, 2006. 490 S.

16. *Jones, W.* German Colour Terms: A Study in their Historical Evolution from Earliest Times to the Present. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins B. V., 2013. 663 p.

17. *Tyler, E. M.* Old English Poetics: The Aesthetics of the Familiar in Anglo-Saxon England. York: York Medieval Press, 2006. 194 p.

18. *Watkins, C.* How to Kill a Dragon: Aspects of Indo-European Poetics. New York/Oxford: Oxford University Press, 1995. 613 p.

References

1. Bakhilina, N. B. *Istoriia tsvetooboznachenii v russkom iazyke [History of the Colour Terms in Russian]*. Moscow, Nauka Publ., 1975. 288 p. (In Russian)

2. Bowra, C. M. *Geroicheskaia poeziia [Heroic Poetry]*. Transl. from engl. i vstup. statia N. P. Grintser, I. B. Iershova. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2002. 808 p. (In Russian)

3. Veselovskii A. N. *Istoričeskaia poetika [Historic Poetics]*. Moscow, Vysshiaia shkola Publ., 1989. 404 p. (In Russian)

4. Grintzer, P. A. *Drevneindiiskii epos. Genezis i tipologiia [Ancient Indian Epic. Genesis and Typology]*. Moscow, Nauka Publ., 1974. 419 p. (In Russian)

5. Le Goff, J. *Tsivilizatsiia srednevekovogo Zapada [Civilization of the Medieval West]*. Transl. from fr. Moscow, Progress, Progress-akademiia Publ., 1992. 374 p. (In Russian)

6. Losev, A. F. *Istoriia antichnoi estetiki. Ranniaia klassika [History of Ancient Aesthetics. Early Classic]*. Moscow, AST Publ., 2000. 621 p. (In Russian)

7. Neveleva, S. L. *Voprosy poetiki drevneindiiskogo eposa: epitet i sravnenie [Poetic Issues of the Ancient Indian Epic: Epithet and Simile]*. Moscow, Nauka Publ., 1979. 136 p. (In Russian)

8. Normanskaia, Iu. V. *Genezis i razvitie sistem tsvetooboznachenii v drevnikh indoevropeskikh iazykakh [Genesis and Development of the Colour Term Systems in Ancient Indo-European Languages]*. Moscow, Institut iazykoznanii RAN, 2005. 326 p. (In Russian)

9. Pastoureau, M. *Une histoire symbolique du moyen âge occidental [A Symbolic History of the Middle Ages in the West]*. Transl. from fr. St. Petersburg, Alexandria Publ., 2012. 446 p. (In Russian)

10. Tomaševskij, B. V. *Stilistika i stikhoslozhenie: Kurs leksii* [*Stilistic and versification*]. Leningrad, Uchpedgiz Publ., 1959. 536 p. (In Russian)
11. Burger, H. *Zeit und Ewigkeit. Studien zum Wortschatz der geistlichen Texte des Alt- und Frühmittelhochdeutschen*. Berlin, New York, Walter de Gruyter, 1972. 330 p.
12. Fleischer, W. *Phraseologie der deutschen Gegenwartssprache*. Leipzig, VEB Bibliographisches Institut, 1982. 250 p.
13. Földes, Cs. Phraseme mit spezifischer Struktur. *Phraseologie: ein internationales Handbuch zeitgenössischer Forschung*. Hrsg. v. H. Burger, Dm. Dobrovol'skij u.a. Vol. 1. Berlin, New York, Walter de Gruyter, 2007, pp. 424–435.
14. Friedrich, J. Historische Phraseologie des Deutschen. *Phraseologie: ein internationales Handbuch zeitgenössischer Forschung*. Hrsg. v. H. Burger, Dm. Dobrovol'skij u.a., vol. 2, pp. 1092–1106.
15. Friedrich, J. *Phraseologisches Wörterbuch des Mittelhochdeutschen: Redensarten, Sprichwörter und andere feste Wortverbindungen in Texten von 1050–1350*. Tübingen, Max Niemeyer, 2006. 490 p.
16. Jones, W. *German Colour Terms: A Study in their Historical Evolution from Earliest Times to the Present*. Amsterdam, Philadelphia, John Benjamins B. V., 2013. 663 p.
17. Tyler, E. M. *Old English Poetics: The Aesthetics of the Familiar in Anglo-Saxon England*. York, York Medieval Press, 2006. 194 p.
18. Watkins, C. *How to Kill a Dragon: Aspects of Indo-European Poetics*. New York, Oxford, Oxford University Press, 1995. 613 p.

Тихонова Елена Сергеевна

кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков
Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета
«ЛЭТИ»

Адрес: Российская Федерация, 194021, Санкт-Петербург, ул. проф. Попова, 5

Elena S. Tikhonova

Doctor of Philological Science (PhD), Associate Professor at the Department of Foreign
languages, Saint Petersburg Electrotechnical University “LETI”

Address: 5, Prof. Popova st., St. Petersburg, 194021, Russian Federation

E-mail: e_tikhonova@yahoo.de

III. ВАРИАТИВНОСТЬ ЕДИНИЦ РАЗНОГО УРОВНЯ

Н. А. БОНДАРКО

Институт лингвистических исследований РАН

НИЖНЕАЛЕМАННСКИЕ ДИАЛЕКТНЫЕ ЧЕРТЫ В ЭЛЬЗАССКИХ РУКОПИСЯХ XV–XVI ВЕКОВ: КОНСТАНТНОСТЬ И ВАРИАТИВНОСТЬ*

Ключевые слова: ранненоверхненемецкий язык, нижнеалеманнский письменный диалект, Эльзас, молитвенники, константные диалектные признаки.

В статье рассматривается вопрос о соотношении константных признаков нижнеалеманнского письменного диалекта и графико-фонетических вариантов, связанных с влиянием наддиалектного ранненоверхненемецкого (рнвн.) узуса („Gemeines Deutsch“). Изучение письменных практик местных монастырских скрипториев необходимо для решения частных практических задач датировки и локализации происхождения средневековых рукописей. Материалом исследования является сборник молитвенных текстов из фондов Российской Национальной библиотеки Нем. I. O. 87, составленный из 17 разных молитвенников из Эльзаса XV–XVI вв., предположительно, в одном из доминиканских монастырей Страсбурга. По сравнению с блоками, созданными на протяжении XV в., в языке переписчиц, работавших в конце XVI в., наблюдается ряд черт, характерных для общенемецкого узуса. Вместе с тем распространение юго-и средневосточных черт в нижнеалеманнских рукописях явно неравномерно и, по всей видимости, зависит от индивидуальной стратегии, выбранной писцом. Проведенный анализ позволил выявить ряд константных признаков нижнеалеманнского письменного диалекта (например, отсутствие рнвн. дифтонгизации) и менее устойчивых черт, подверженных варьированию (например, расширение *oi > ai*). Некоторые особенности языка отдельных частей рукописи объясняются, напротив, сильным влиянием местных диалектов (например, свободное чередование на письме лабиализованных и делабиализованных вариантов кратких гласных переднего и среднего ряда: *i, e ~ ï, ö*). В целом характер варьирования указывает на то, что язык эльзасских молитвенников оставался консервативным на протяжении всего XVI в. и полный переход на общенемецкий предстандарт еще не состоялся.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РГНФ, проект № 13-04-00375.

LOW ALEMANNIC DIALECT FEATURES IN ALSATIAN MANUSCRIPTS OF THE 15TH-16TH CENTURIES: CONSTANTNESS AND VARIANCE

Keywords: Early New High German, Low Alemannic written dialect, Alsace, prayer books, constant dialectal features.

The article investigates the question of correspondence between constant characteristics of Low Alemannic written dialect and graphemic-phonetic variants caused by the influence of the supradialectal tradition of Early New High German (ENHG, "Gemeines Deutsch"). The scrutiny of the written praxis of local monastic scriptoria is necessary for solving practical tasks of linguistic dating and localization of medieval manuscripts. The present study is based on a vernacular prayer collection in MS Nem. I. O. 87 (The National Library of Russia) consisting of 17 heterogeneous blocks from Alsace written during a long period of time from the first third of the 15th till the end of the 16th century, presumably in one of the dominican convents in Strasbourg. In comparison with the blocks of the 15th century, there are some features in the language of female scribes working in the late 16th century, which are characteristic for the German common usage. At the same time, the distribution of Bavarian and East Central features in the Low Alemannic manuscripts is obviously uneven and, most likely, depends on the individual strategy chosen by a scribe. The carried-out analysis has allowed to reveal a number of constant features of the Low Alemannic written dialect (for example, absence of the ENHG diphthongisation) and less constant features subject to a variation (for example, the lowering shift from *ou* to *au*). On the contrary, some language features of separate parts of the manuscript should be explained by the strong influence of local dialects (for example, free alternation of rounded and unrounded variants of short high and mid-low vowels: *i*, *e* ~ *ü*, *ö*). In general, the observed kind of variation indicates that the language of Alsatian prayer books remained conservative for all the 16th century, and the full transition to the common German prestandard still hadn't taken place in monastic manuscript sources.

История становления немецкого литературного (письменного) языка связана с проблемой взаимодействия диалектных и наддиалектных черт в рукописных и старопечатных текстах. В письменном тексте фонетические и лексические варианты, характерные для местных диалектов, совмещались с вариантами, характерными для письменного узуса скрипториев, канцелярий и крупных языковых ландшафтов. Вместе с тем местные варианты могли распространяться на соседние территории, а при благоприятных социально-политических условиях формировалась языковая мода.

Хрестоматийным примером могут служить наблюдения над новыми явлениями в немецком языке (прежде всего в области ор-

фографии), сделанные гуманистом Никласом фон Виле (Niklas von Wyle, ок. 1415–1479), уроженцем Бремгартена (Ааргау). Его родным диалектом был верхнеалеманнский. Получив образование в Венском университете, он с 1447 г. руководил городской канцелярией в Эслингене (Швабия), а в 1469 г. перешел на службу при дворе графов Вюртембергских в Штутгарте. В силу служебных обязанностей Никлас фон Виле вынужден был менять орфографические навыки. Во введении к своему сборнику переводов (“Translationen”), опубликованному в 1478 г., он выражает недовольство новыми веяниями в орфографии, фонетике и морфологии. Изменения орфоэпической моды приходили в швабские канцелярии, с одной стороны, с юго-востока Священной Римской империи под влиянием имперской канцелярии в Вене (например, дифтонгизация долгих *i*, *û*, *iu*; удвоение согласных графем), а с другой — как, например, в случае с вытеснением швабского написания дифтонга *ai* узким вариантом *ei* (NvW, л. 242r-v) — из западносредне немецкого ареала (подробный комментарий метаязыковых свидетельств Никласа фон Виле дает А. Социн: [25, с. 177–180; ср. 1, с. 116–117; 30, с. 171–173]). В XV в. именно немецкий юго-восточный и среднево восточный территориальные варианты немецкого языка наиболее активно влияли на устный и письменный узус швабских, верхне- и центрально-рейнских земель, в то время как алеманнский юго-запад утратил свою активность еще в раннем средневековье (см.: [14, с. 16, 40–42]). Этому способствовало и состояние политической раздробленности, в котором алеманнские территории оказались после распада штауфеновского герцогства Швабского во второй половине XIII в. Впрочем, не следует абсолютизировать экстралингвистическую обусловленность распространения ранненоверхне немецких (далее «рнвн.») фонетических новаций — некоторые из них могли иметь и спонтанное развитие — как, например, дифтонгизация средневерхне немецких (далее «свн.») долгих монофтонгов (см.: [5, с. 202–215]).

Письменный язык Страсбурга и других письменных центров Эльзаса XV–XVI вв. принадлежал к наддиалектному территориальному варианту литературного языка (ТВЛЯ) юго-запада, зона функционирования которого ограничивалась, как отмечает С. И. Дубинин, «письменной коммуникацией в сферах делопроизводства, религии и художественной литературы» [4, с. 57]. Начиная с 1520-х годов, под воздействием соседних территориальных

вариантов складывалась «ситуация региональной письменной диглоссии» [Там же]. В этот период история юго-западного ТВЛЯ, формировавшегося на основе алеманнско-швабского диалектного континуума (в современной номенклатуре — Westoberdeutsch) связана, с одной стороны, с консервацией древних диалектных черт (прежде всего в верхнеалеманнском ареале), а с другой стороны — с проникновением в письменный узус общенемецких черт. Эльзас был подвержен внешним влияниям особенно сильно. Уже с начала VI в. этот регион являлся зоной столкновений и активного взаимодействия франков и алеманнов (“fränkisch-alemannischer Gegensatz” — [13, с.61]), результатом которого стала частичная франкизация нижнеалеманнского диалекта. Но и в дальнейшем, на протяжении всего средневерхненемецкого периода, вся область Верхнего Рейна и особенно Эльзаса была открыта для центральнофранкского влияния. По образному выражению Т.Фрингса, Эльзас выступает как «зона вторжений» (“Einbruchsraum”), в то время как Швабия — «зона новаций, заимствований и сопротивления» (“Raum der Neubildung, der Übernahme und des Widerstandes”), а Швейцария — как «зона реликтов» (“Rückzugsraum”) [13, с.67–68] (ср. [14, с.42; 27, с.239–241; 5, с.544–546; 4, с.48–57], включая обзор важнейших работ фрейбургской школы исторической диалектологии, основанной Ф.Маурером; [19]). В позднем средневековье северноалеманнский ареал — и особенно Эльзас с такими культурными центрами, как Страсбург, Шлетштадт, Кольмар, Мюльхаузен, — был противопоставлен южноалеманнскому «на основе критерия убывания консервативных (староалеманнских) черт с юга на север» [4, с.53].

Таким образом, языковая вариативность в позднесредневековых памятниках письменности Эльзаса имеет два совершенно различных аспекта: во-первых, историческое смешение алеманнского и южнорейнскофранкского диалектов, а во-вторых — экспансия немецкого «общего языка» (Gemeinsprache), исходящая из юго-восточного и восточносредненемецкого ареалов. Последний процесс получил значительное ускорение к концу XV в., благодаря стремительному развитию книгопечатания в Страсбурге и постепенно усиливающейся ориентации издателей на наддиалектный узус (см.: специальные исследования [2, 4, 8]). При этом устные говоры и диалекты продолжали существовать обособленно от влияния литературного языка, сохраняя многие архаичные

черты вплоть до настоящего времени (об оппозиции “*innovierende Schriftsprache*” vs. “*beharrende Mundart*” см.: [26, с. 1531]). Впрочем, в литературном языке региона местные и привнесенные явления разных языковых уровней могли сосуществовать в виде территориальных дублетов [3, с. 53]. Характеризуя язык печатной продукции позднесредневекового Страсбурга, М. М. Гухман отмечает разную степень юго-восточного влияния, и прежде всего — новых дифтонгов. Чрезвычайная устойчивость алеманнских форм наблюдается в текстах, ориентированных на местную традицию, в то время как «интенсивное проникновение “чужих”, более “престижных”, форм характеризовало иной тип литературного языка, оно было преимущественно связано с книжным стилем, с творчеством тех авторов, которые не только владели принятыми структурами языка “высших” сфер коммуникации, но и сознательно противопоставляли свою языковую практику языковой стихии народно-разговорного языка» [3, с. 53–54].

К числу более или менее константных признаков (в терминологии М. М. Гухман «абсолютно устойчивых» и «относительно устойчивых» «узальных признаков» — см.: [2, с. 153–197]) нижнеалеманнского ареала, лишь отчасти характерных для письменного языка юго-запада, в позднем средневековье в области фонетики и графематики относятся: 1) отсутствие рвнв. дифтонгизации (сохранение свн. долгих монофтонгов /i:/, /u:/, /ü:/); 2) отсутствие рвнв. монофтонгизации (сохранение свн. нисходящих дифтоногов /ie/, /uo/, /üe/; 3) сохранение свн. дифтонгов /ei/, /ou/, /öu/, которые, однако, могут чередоваться с монофтонгами: /ei ~ e/, /ou ~ o/, /öu ~ ö/; 4) переход свн. /a:/ в /o:/ (на письме <o>); 5) варьирование /u, ü ~ o, ö/ перед назальными сонантами (в отличие от южноалеманнского ареала); 6) возможность лабиализации и делабиализации /ü/ > /i/, /ö/ > /e/ (с чередованием вариантов в обоих случаях); 7) оглушение /b/ > /p/ в начале слова и переход /b/ > /w/ в интервокальной позиции; 8) чередование <t ~ d> на письме; 9) оглушение /d/ в конце слова с написанием <dt>; 10) отражение свн. /k/ на письме как <ch>. В фономорфологической сфере это также показатель *-nt* во всей парадигме множественного числа спряжения глаголов; вариант с корневым гласным /a:/ в глаголах (*gan, stan*); формы суффиксов *-nus* и *-lin* [21, с. 304–311; 1, с. 60–62; 4, с. 66–70]. Показателен, однако, выполненный Маурером анализ языка одной нижнеалеманнской рукописи середины XV в. на с. 312–315, демонстрирую-

ций высокую степень вариативности фонетических и морфологических признаков и неустойчивость диалектных границ между вариантами (обзоры основных признаков страсбургского городского диалекта в позднем средневековье представлены в работах [7, с. 24–29; 8, с. 445–446]; см. также сведения о нижнеалеманнских диалектных чертах в грамматиках рнвн. языка X. Мозера и др., приводимые отдельно для каждого явления [23, 12]; ценные данные представлены в историко-диалектографических материалах и исследованиях языковых ландшафтов [9]; специально для юго-западного ареала — HSS; ElsLA).

Анализ языкового варьирования (в первую очередь в фонетическом и орфографическом, но также в морфологическом и лексическом аспектах) в рукописях и старопечатных изданиях ведет не столько к реконструкции местных диалектов в синхронных срезах, сколько к описанию письменного узуса, характерного для более или менее крупных диалектных ареалов и городских языков (*landschaftliche Schreibsprachen, Schreibdialekte, Sprachlandschaften, Stadtsprachen* и т. д.). В этих территориально обусловленных формах письменного существования языка сочетаются ареальные, субареальные и местные диалектные черты, традиции отдельных писцовых центров, а также индивидуальные графико-фонетические системы писцов (см.: [10, с. 961–970; 24, с. 1624–1627; 26, с. 1526–1529; 29, с. 1527]). Исследование языка отдельных рукописей или старопечатных изданий предполагает выявление константных черт, характерных для диалектных ареалов и территориальных вариантов немецкого языка — в случае с Эльзасом изначально гетерогенных. Вместе с тем такое исследование не может обойтись без описания всего набора графико-фонетических и лексических вариантов, характеризующих индивидуальный узус переписчиков, поскольку анализ письменного узуса микроареалов неразрывно связан с изучением динамики отдельных языковых явлений, отраженных в надежно датированных и локализованных рукописных источниках разных типов. Это могут быть, с одной стороны, правовые документы, земельные кадастры, судебные протоколы, а с другой стороны — разные списки одних и тех же памятников, имевших широкое распространение, — библейских переводов, вокабуляриев, сборников житийной и прочей религиозной литературы (см. подробнее: [4, с. 78–83; 18; 19]).

Вполне очевидно, что описание языка рукописей связано с вопросами не только историко-диалектологического, но и социолингвистического характера, поскольку необходимо учитывать весь комплекс социофункциональных условий и среды создания текстов (подробнее о соотношении диалектологии и социолингвистики в германистической традиции см., например: [15]). Объектом нашего рассмотрения в настоящей статье является язык религиозных текстов — в частности, рукописных сборников молитв. В отличие от языка старопечатных книг, этот тип письменных памятников отличается в XV–XVI вв. большей устойчивостью по отношению к общенемецким новациям, поскольку молитвенники предназначались для повседневного использования в узком кругу читателей, а чаще всего — для индивидуального чтения. Не только молитвенные медитации, но и небольшие назидательные трактаты, проповеди, разделы катехизиса переписывались в монастырских скрипториях не для широкой публики, а для нужд самой общины (см.: [6]). Некоторые молитвы представляли собой переводы латинских текстов литургического обихода, однако большинство текстов этого жанра являются свободными медитативными текстами, строящимися с помощью стереотипных формул и клише и варьирующими стандартный набор топосов и тем молитвенной литературы. Молитвы первой группы — в силу их всеобщей известности — имели более или менее широкое распространение в рукописной традиции, так что нередко можно встретить разные списки одного и того же перевода. Молитвы второй группы переписывались в неизменном виде значительно реже. Поэтому обнаружение двух списков текстов подобного рода в разных рукописях обычно свидетельствует о близком родстве соответствующих сборников. При этом состав молитвенников никогда не повторяется полностью (см. подробнее: [6, с. 379–386; 16; 20]).

Особенности языка молитвенной литературы Эльзаса мы рассмотрим на материале молитвенника, хранящегося под шифром Нем. I. O. 87 в рукописном собрании Российской Национальной библиотеки. Разнообразный состав этого сборника (301 лист формата 131 × 97 мм) позволяет проследить графико-орфографическое варьирование в текстах, происходящих из общего нижнеалеманнского диалектного ареала Эльзаса, однако написанных в разное время, начиная с первой трети XV в. и вплоть до конца XVI в. Эти католические молитвы сестер доминиканского ордена переписывались

и использовались также и в ситуации конфессиональной борьбы, разворачивавшейся в Страсбурге особенно драматично.

Рукопись была приобретена лично хранителем Императорской Публичной библиотеки Р. Минцловым в начале 1850-х годов. В 1853 г. он опубликовал краткое описание кодекса и тексты нескольких молитв в числе прочих материалов из собрания немецкоязычных рукописей [22, с. 59–64]. Локализация и датировка Минцлова оказались ошибочными, а из-за отсутствия писцовых помет и колофонов, которые указывали бы на место создания рукописи, ее владельцев или переписчиков, потребовалось проведение комплексного кодикологического, палеографического и историко-лингвистического анализа. Его результаты представлены в недавно опубликованной работе Н. А. Бондарко и Н. Палмера [11, с. 172–189], поэтому в настоящей статье мы ограничимся изложением лишь самых необходимых сведений о структуре рукописи Нем. О. I. 87 и затем перейдем к рассмотрению особенностей ее языка.

Кодекс представляет собой конволют из 18 блоков разного происхождения, из которых 17 принадлежат к самостоятельным рукописям. При этом всего в рукописи представлены почерки 27 разных переписчиков («рук», *Schreiberhände*), письмо которых относится к разным типам бастарды XV и XVI вв. (как с петлями в верхних и нижних выносных элементах, так и без них). Данные кодикологического и палеографического анализа позволяют выделить в хронологическом отношении две группы блоков и почерков: конца XV в. — начала XVI в. (блоки *II–IX, XI, XIII, XVI, XVII*) и последней четверти XVI в. (блоки *I, X, XIV, XV, XVIII*); самый ранний блок (*XII*) датируется по филиграммам первой четвертью XV в. Некоторые тексты и рубрики кодекса содержат свидетельства в пользу того, что, по крайней мере, соответствующий блок (прежде всего *V*) был написан в одном из доминиканских женских монастырей.

Основой и ядром кодекса является блок *II*, заполненный одной рукой конца XV в. (№ 2, л. 30r–148v). К нему было добавлено еще 17 блоков (из них 13 состоят всего лишь из одной тетради каждый), созданные в разное время и, скорее всего, в разных монастырях Эльзаса. Лишь блоки *I* (№ 1, л. 1r–29v) и *II* образуют содержательное единство: в них представлены медитативные молитвы, связанные с церковным календарем — от Адвента до Преображения Господня; центральное место занимают молитвы Рождественского цикла, обращенные к Младенцу Христу и Деве Марии. Можно заметить

также влияние книги видений Мехтильды Хакеборнской «Книга особой благодати» (“*Liber specialis gratiae*”).

О том, что весь кодекс был собран и переплетен в конце XVI в., свидетельствуют дополнения на свободных листах ранних блоков, сделанные переписчицами более позднего времени (особенно выделяется рука № 13, появляющаяся в трех разных блоках). Таким образом, число возможных женских доминиканских монастырей как места создания кодекса уменьшается, ибо лишь немногие из них пережили политические изменения, связанные с Реформацией. Судя по многочисленным текстовым параллелям с другими страсбургскими рукописями XVI в. (в первую очередь, Sgm 856 Государственной Баварской библиотеки Мюнхена), наиболее вероятным местом составления сборника является монастырь свв. Маргариты и Агнессы в Страсбурге (см.: подробнее: [11, с. 189–198]).

Основная часть самого раннего блока XII (л. 236–243) написана рукой № 19 (л. 236r–242r), текст на л. 242v добавлен рукой № 20. В обоих случаях тип письма — готический текстуалис (в отличие от всех остальных блоков, написанных разными типами поздней бастарды), однако почерк основной руки — более тщательный. В языковом отношении различия между двумя частями текста несущественны. В частности, для обозначения умлаута в фонемах /ü/, /ü:/ используются разные диакритические знаки: <Û>, <ü>, <> (№ 19) vs. <> (№ 20). Язык имеет ярко выраженные черты нижнеалеманнского диалекта, и, за исключением удвоения некоторых согласных графем (как, например, в слове *vatter*), влияние юго-восточного («общенемецкого») узуса не прослеживается. Дифтонгизация отсутствует (*zit* 236r, *daz liden* 240v; *lüte*, сущ. мн. ч., 241v; *vsserlichen* 241r). Свн. /a:/ передается на письме как <o>: *geton* — причастие II, 236r; *gost* (2 л. ед. ч. индикатива, 240v). В XIV–XVI вв. это явление широко распространено в нижнеалеманнском ареале, и «лишь к концу XVI в. написания с <o> ограничиваются позицией перед носовым» [12, с. 54] (ср. [23, с. 143]; о развитии сужения /a:/ с лабиализацией — *Verdumpfung* — в алеманнском, начиная с рубежа XIII–XIV вв., см.: [21, с. 304–308]). Что касается форм *gon* вместо свн. *gân* и, соответственно, *ston* вместо *stân* / *stên*, то в юго-западном ареале они имели повсеместное распространение с XV в. [12, с. 307–308] (об их географическом распределении см.: [9, с. 82–86, карты 4–6]). В Эльзасе *gon* преобладало до рубежа XV–XVI вв. (см.: [21, с. 310], специально о форме *gon*: с. 314) — соответственно, во всех поздних

блоках рукописи Нем. О. I. 87 представлены только формы с долгим /a:/ (например, *gang, stant*). Далее сохраняют качество свн. дифтонги /ou/ (*ouch* 238v, *frowe[n]* 240v; *berlöffen* 240v), /öu/ (*frude* 239v) и /ei/ (см.: [23, с.173]), не монофтонгизируется /uo/ (*getûn* 240v, *brüd[er]schaft*). Написание корневого гласного <ü> в форме мн. ч. *brüder* (241v) можно интерпретировать также как дифтонгическое (/üe/), учитывая многозначность тремы над *u* в юго-западном письменном узусе. Отсутствует характерное для средненемецких диалектов расширение /u/ > /o/ (*sunderlich* 238v). Передвижение глухих смычных проведено полностью. Консервативность письменного языка проявляется и в сохранении нередуцированного /ü:/ в форме личного местоимения ж. р. в ед. ч. им. и вин. падежей — *sü*, а также в стяженной форме *eime* (236r). Характерна для алеманнского диалектного ареала форма отрицательной частицы *nit* (240v) и окончание *-nt* в 3 л. ед. ч. претерита слабых глаголов.

Приведем в качестве примера отрывок монашеской молитвы за всех христиан:

Vnd bitte dich ouch für alle die · die sich mir ie befulhent oder mir ie beuolhen wurdent · Vnd für alle die ich begere · Vñ die ie begertent daz ich ir gedehete · Vnd für alle die der almüsen ich enpfangen habe · Vñ sunderlich die in mîre süderē meinunge sint · Vnd für all die mir ie leit getotet das du in dz v̄zihest lieb^s h^sre daz bitte ich dich Vñ für alle die in d^s brūd^s schaft ich bin · vñ für mine biht^s · dz du in gebest ein güt leben · Vnd ein heilig vollekomen ende · Vñ für dis closter · waz vns nütze vnd güt ist geistlich vnd liplich · vñ dir löbelich · dz du dz fügest · (л. 239r-238v).

Близкая языковая картина наблюдается в тексте, написанном рукой № 20. Его особенность заключается в наличии делабиализации /ü > i/: *vir* (вместо свн. *viür*).

Нижнеалеманнский письменный узус конца XV в. целесообразно рассматривать на обширном материале основного блока рукописи (II, рука № 2). К особенностям орфографической системы относится прежде всего слабая дифференциация диакритики в обозначениях и-умлаута: *ü* / *û* (при этом известно, что в других страсбургских рукописях трема — двоеточие со смещением верхней точки вправо — над *u* может обозначать не только умлаут, но и дифтонг — см.: [29, с. 137]). Умлаут, однако, может и не маркироваться: *wusti* (“Wüste”) (123r) / *wust* (123r) / *wüst* (125v). На л. 145v

происходит смена дукта и появляется четкое разграничение между неумлаутированным и умлаутированным *u* — соответственно <û> vs. <ü> (с тремой); кроме того, добавляется новый графический вариант <ú> для обозначения /ü, ü:/ (*frúntlich*). Общей чертой рнвн. письменного узуса является удвоение консонантных графем — например: *vernunfft* (30r), *worttes* (32r), *eltern* (76v), *zerttenten* (37r), *touff* (80v, 105r).

Многие особенности вокализма в языке руки № 2 реализуются нестабильно, что, однако, характерно для письменного узуса нижнеалеманнского ареала, открытого для инодиалектных влияний. Отметим следующие доминантные признаки:

- 1) отсутствие следов рнвн. дифтонгизации: *verswigen* (30r), *wißheit* (36v), *schin* (37v), *myner* (88v), *kindelin* (41v), *lycht* ('leicht') (88v), *lutterkeit* (68r), *getruwen* (89r), *vngetruwelich* (95v), *huß* (95r), *nuwes* (104v), *Crütz* (88v), *tüffels* (148v);
- 2) передача свн. /ei/ как <ey, ei>: *zeyget* (3 л. ед. ч.) (88r), *heilge* (105v);
- 3) диграфное написание старых дифтонгов, которое можно интерпретировать как признак отсутствия рнвн. монофтонгизации, не характерной для южнонемецких диалектов: *nyeman* (104v), *hüp* (свн. *huop*) (88r) / *hüb* (131v), *vnümüß* (88v), *liechtes* (104v);
- 4) написание <o> для свн. /a:/: *worheit* (31r), *on vnderloß* (32r), *vß gon* (90r), *clor* (125v), *volbrocht* (прич. II, 106v), *sloff* ('Schlaf', 110r, 112v), *vohe an* (императив, 41v), *jor* (66v), *aploß* (88v), *dor vmb* (103v), *vnderton* (116v);
- 5) сохранение свн. /ou/: *ougen* (41v), *touff* (80v, 105r), *ouch* (119r);
- 6) передача свн. /öu/ как <öi, u>: *vnglöibiglich* (89r), *gettiffet* (105r) / *getiffet* (123r); *erzöigest* (88v) / *erzugt* (прич. II, 103v) / *erziget* (прич. II: 103v; 1-е л. ед. ч. презенса, 128v) (данные о географическом распределении этих написаний см. в: [17, I, с. 174; II, карта 81]; оба графических варианта данного дифтонга были распространены не только в Страсбурге, но и в рукописях всего алеманнского ареала (ср. [23, с. 38]);
- 7) написание <ow>, сохраняющее свн. сочетание /ouw/, /öuw/: *geschowet* (39v), *frow* (37v), *jungfrow* (53r), *frowe dich* (50v), *erfrowt* (71v) / *erfrowet* (88v);
- 8) лабиализация /e/ > /ö/, /i/ > /ü/; а) наблюдается варьирование лабиализованного и нелабиализованного вариантов <e ~ ö>:

mnscheit (50v) / *menscheit* (95v), *frmden* (95r) (о лабиализации /e/ > /ö/ в алеманнском и швабском как об очень частом явлении пишет В. Мозер: [23, с. 106 и сл.]; ср. [12, с. 75–77]; Фр. Маурер использует термин “Überrundung” и иллюстрирует данное явление примерами из страсбургского материала — [21, с. 313]; о территориальном распределении варианта *frömd*, чрезвычайно характерного для алеманнского ареала, см.: [9, с. 98–100, карта 13]); б) /i/ > /ü/: *hülff* (89r) (см.: [23, с. 109–112]);

- 9) нестабильное отражение делабиализации на письме: а) <i ~ ü> для передачи свн. /ü, ü:/: *künige* (37r), *künig* (Sg., 90r) / *kinnig* (37v), *kinigen* (54r); *frünt* (103v) / *frintlichsten* (45r); *für* (88v) / *vir* (80v) (о варьировании лабиализованных и нелабиализованных гласных и соответствующих написаниях в нижеалеманнском см.: [23, с. 103 и сл.]); б) <ei> для передачи свн. /öu/: *freid* (88v);
- 10) колебания в расширении /u/ > /o/, /ü/ > /ö/ (см.: [12, с. 70]): *stonde* (свн. *stunde*) (41v), *vllle* (80v), *vrchten* (3 л. мн. ч. презенса) (119r); однако встречаются и традиционные алеманнские узкие варианты: *sunnentag* (88r); эта полная форма композита со связующим генетивным элементом *-en* сохранялась, согласно В. Бешу, только в алеманнском и нижефранкском диалектах (см.: [9, с. 215–217, карта 63]); *künig* (90r; см.: [9, с. 104, карта 16); *kundestu* (88v).

В области консонантизма характерны следующие признаки:

- 1) передвижение /p/, /pp/ > /pf/ проведено полностью, включая интервокальную позицию: *pfant* (104r), *kripfen* (68v), *geschppffede* (37v); при этом наблюдаются характерные для нижеалеманнского диалекта колебания в реализации перехода /d/ > /t/ во всех позициях: *tod* (32r) / *dodes* (37r, 37v) / *dtten* (110r) / *dt* (“tötet”) / *getdet* (68r) / *dod* (148r); *dete* (35v) / *ted* (89r) / *detttest* (148v), *düst* (37v) / *tüst* (88r);
- 2) наличие *g* после /i:/, /ü:/ (в позиции конца слова или при «зиянии»): *sige* / *sig* (40r), *vigenden* (148v), *blügender* (53r); это написание, используемое также для обозначения палатального интервокального *j*, встречается в нижеалеманнских источниках особенно часто (ср.: [12, с. 99; 23, с. 62; 28, с. 350 и сл.]; DWb 16: 232, 239, s. v. *sein*).

Кроме того, наблюдается ряд фономорфологических явлений и форм, характерных для описываемого ареала:

- суффикс *-nis* (см.: [9, с. 224–228, карты 66–68]); *knuwende* (42r), *kniwen* (сущ., 126r; эта форма распространена в Эльзасе особенно широко — см.: DWb 11, значение Ic: 1422, s. v. Knie.);
- форма императива ед. ч. от глагола *sin: biß* (106r); в XV в. она была более распространена в южнонемецких диалектах, чем *sei* (см.: [9, с. 309–310]; [21, с. 313]; DWb 16, значение 11a: 242); впрочем, в описываемом материале гораздо чаще употребляется форма 2 л. ед. ч. конъюнктива: *sigestu*;
- метатеза *r*, реализующаяся непоследовательно: *dirten* (42v) / *ein dryt* (88v), *sparch* (107r) / *sprach* (более частотный вариант), *bürnenden* (37r) (о метатезе *r* в эльзасском диалекте см.: [12, с. 151]; [21, с. 308 и сл., 313]);
- написание *dz* (103v, 119v) / *das* (“dass” в роли союза и указательного местоимения);
- форма *kilch* (105v, 107v): для Страсбурга и окрестностей характерно варьирование вариантов *kilch[e]* и *kirch[e]*, причем не только в позднем средневековье, но и в настоящее время (см.: [9, с. 180–182, карта 49]; [17, I, с. 213–218; 17, II, карта 114] — впрочем, с абсолютным преобладанием варианта *kirche*);
- форма мужского рода существительного *touff* (106r), характерная для немецкого юго-запада в XV в. (см.: [9, с. 250–252, карта 77]);
- чередование *vntz* (116v) / *biß* (148r); по данным В. Беша, более древняя форма *unz* в настоящее время сохраняется только в южнонемецких диалектах, за исключением швабского; в XV в. Страсбург относился к зоне смешанного употребления *unz* и *bis*, а самый поздний случай использования *unz* в материале Беша датируется 1524 г. (см.: [9, с. 145–147, карта 35]);
- лексический вариант *vrstend* («воскресение») (107r; см.: [9, с. 220–223, карта 65]).

В качестве примера приведем отрывок из парафраза «Откровений» Мехтильды Хакеборнской (кн. I, гл. 11), в котором речь идет о душевной пользе, получаемой человеком от поклонения телу Христову.

Von dem nutz so der mesch entfohet der dz antlit Jhu xp̄i eret .

(88r) [O]mnis terra an dem selben sunnētāg do begerte Sant methylt dz sy dz antlit vn̄sers heren sehen solt dz man des tages zū Rom Allen den zeyget die sich dar gegen bereitten mit bicht v̄n̄ mit ruwen v̄n̄ do viel sy nyder zū den füßē des süßen herren v̄n̄ begerte abloß Aller ir sünden V̄n̄ do hüp Jhs xp̄s vff sin hant v̄n̄ gab ir mit dissen wortten sinen götlichen segē Jch vergibe dir Alle din sünd von dem jn̄nerē myner verdienten mil̄tikeit v̄n̄ do sprach er zū ir zū einer besserung Aller sünden soltu die büß leisten dz du das gantze Jor alle tag teglich etwas güttes tüst jn̄ der meinung dz ich dir din sünd vergeben han Do sprach sy lieber her (88v) wen ich von sunder v̄nmüß geirret wurde wie sol ich deñ tün Do sprach er wie kundestu an dem geirret werden dz du Also lycht volbryngest wen von myner mil̄tikeit wil ich für güt han wen du jn̄ der meinung nuwen ein dryt hinder dich x̄ oder für dich tüst x̄ oder nuwen ein halm von der erden vff gebest oder ein wort von mir redest oder dz du mir nuwen ein früntlich antwort oder geberde erzöigest oder sprich ein Requiem eternā oder bette etwas für die sünd^s oder für die gerechten von disen dingen wart sy erfrowet mit grosser vn̄seglicher freid v̄n̄ do begerte sy von jm dz er iren besunderen gütten fründen den aploß ouch mitteilet des gewert sy der he v̄n̄ sprach also Alle die / die vorenante büß wellent leisten den wil ich geben den abloß v̄n̄ mynēsegen do macht er ein langes Crütz v̄n̄ gab allen den sinen segē die / die vorder büß leisten wolten v̄n̄ do sprach er O wie begirlich wolte ich den menschen entfohē der ber ein Jor zū mir kem v̄n̄ mir die frucht brecht dz er es durch mynes anlytes ere ein Jor geton hette wan die selben gütten werck bertreffen (89r) Alle die sünd die den mensch das gantze Jor geton het do sparch s̄y rech (*sic!*) als ob sy dor an zwiuelte (l. 88r-89r).

Среди поздних текстов Санкт-Петербургского молитвенника, написанных ближе к концу XVI в., особый интерес представляют молитвы блока VIII. Бумага этой части кодекса идентична бумаге блока II, причем текст на л. 204r написан той же рукой № 2. Листы, которые первоначально (в рукописи, использованной для создания исследуемого кодекса и сохранившейся лишь частично) оставались пустыми, были заполнены тремя разными переписчицами около ста лет спустя (руки № 11, 12, 13). Общий для них тип письма — характерная поздняя готическая бастарда без петель в выносных элементах. Рука № 13 играет особенно важную роль в создании

рукописи: ею же записаны молитвы к Деве Марии в конце блока XIII (л. 246r–247v) и все листы блока XV (л. 266r–271r), кроме л. 271v, оставленного пустым. Рука № 12 (л. 206r–208v) также встречается не единожды, появляясь в конце блока VIII на л. 215v. Язык всех трех переписчиц обнаруживает серьезные различия и разную степень влияния общенемецкого предстандарта.

Для письменного узуса руки № 11 (л. 204v–205v) характерно традиционное отсутствие рнвн. дифтонгизации (*cluβnerin* 204v, *vβ gon* 204v, *dinen* 204v, *Crütz* 204v, *lüttere bicht* 205r), а также диграфное написание свн. дифтонгов (*behüetest* 205r, *thün* 205r). Сохраняется передача свн. /a:/ через <o> (*apploß* 204v, *genod* 205r), узкая форма свн. дифтонга /ou/ (*glouben* 205r) и отсутствие расширения /u/ > /o/ перед сонантами (*Sunderlich* 204v). Употребляется алеманнский вариант корневого гласного в формах глагола *gehen* (*gang* — *императив*, 204v). Вместе с тем встречаются и примеры с дифтонгизацией свн. /i:/: *Leib* (204v), *dein* (204v). В качестве образца текста приведем молитву «одной затворницы» (*ein cluβnerin*):

Es was ein cluβnerin vß gon noch apploß do erschein ir der herr jhs vnd sprach zû ir war wiltu sy sprach ich will gon apploß holen do sprach er zû ir gang heym vnd Ermane mich dißer iiii ding mit einē pr nr vnd aue maria vnd biß hellen vnd fegfürs ledig für wor.

O herr ich Ermane dich des vß fluss von deinen helligen wunden vnd vß allem deinē heiligem Leib vnd vß allen dinen heilligen odern geflossen Sunderlich An dem heilligen Crütz auch vß allen wundē entpfangen das du mir dein gotliche liebe senckest in mein hercz vnd sel das ich Erwerb das ich hellen vnd fegfürs überhaben wer Amen (л. 204v–205r).

Письменный язык руки № 12 (л. 206r–208v, 215v) обнаруживает наибольшую степень внешнего влияния и сохранил меньше алеманских черт. Об этом прежде всего свидетельствует реализованная рнвн. дифтонгизация: *leiden* (206r), *dein* (206r), *creüz* (207v), хотя есть и исключения: *pin* (“Pein”, 207v). Колебания наблюдаются в формах ед. ч. презенса конъюнктива глагола *sein*: *seÿestû*, *seÿ* — но также: *sÿg* (208r); впрочем, формы без *g* в «зиянии» преобладают. Средненемецкое расширение /u/ > /o/ перед сонантами прослеживается в написаниях *son* (206r), *könig* (208v). Традиционный алеманнский узкий дифтонг /ou/ заменяется новонемецким вариантом /au/: *haüpt* (215v). Вместе с тем сохраняется написание <o>

вместо свн. /a:/: *genod* (207v) / *gnod* (208r), *klorheit* (208r); диграфное написание свн. дифтонгов /üe/, /uo/: *behüet* (208r), *trügest* (215v); лабиализация /e/ > /ö/: *mnschen* (215v). К числу орфографических особенностей руки № 12 относится передача долгого /i:/ с помощью удвоения: <ii>. Примером могут служить следующие молитвенные тексты:

Uatter vnser der dū bist in den h̄yeln̄ jch opffer dir̄ Alles das wehe v̄n leiden das dein herz lieber son Jhs̄ xp̄s̄ ye geleid̄t vnd seinen biittern doth für Alle meine sündt wir Anr̄ueffen dich vnd Anbetten dich vnd loben sich O hllige triiualtigkeit Erleücht vns A (206r).

Gegrüesset seÿestū Maria voll gnoden wir bitten sich das dū vns Allen gnod vnd tügent Erwerberst vmb deinen herzlieben son Jhm̄ xp̄m̄ Der herr ist mit dir ... (208r).

Письменный узус руки № 13 (л. 246r–247v) более консервативен. Это выражается, главным образом, в сохранении старых монофтонгов: *sine[n]* *lide[n]* (208v), *dine* (211v); *getruwes* (209r); *fegvür* (211v); *crüzes* (215v), хотя встречается и исключение: *schrey* (208v). Характерными традиционными чертами являются также формы с <o> вместо свн. /a:/ (*gor* 214, *worem* 210v), а также лексема *erbermd* (214r) (см.: [9, с. 158–161, карта 40]). Вместе с тем наблюдается проникновение вариантов с расширением /u/ > /o/: *sonderlich* (208v), чередующихся с узкими вариантами (*kumen* 211v). Вместо свн. дифтонга /ou/ используется новый широкий вариант /au/: *glauben* (210v, 211r):

Diß gebett sprich mit iij̄ pr̄ nr̄ v̄n beuilh̄ dinen glauben in disser wis gott dz du gesterckt werdest Ann) dinem End in rechtē worem glauben pr̄

He'r̄ jhū xpe jch beu l dir minē nr̄ glauben jn die allmechtikeit gott des vatters̄ v̄n beger daß du minen glauben jn der krafft also sterckest daß jch nimer me von rechtem glaubē werde gezogen pr̄ nr̄ (210v–211r).

В настоящей статье были продемонстрированы примеры лишь из небольшой части богатого материала молитвенника Нем. О. I. 87. Тем не менее они отражают общую тенденцию языкового варьирования в языке этого сборника, разные части которого создавались в период, охватывающий около 170 лет. Главный вывод заключается в том, что язык всех писцов (переписчиц) в целом однороден и не выходит за рамки нижнеалеманнского диалекта. При этом

характер графико-фонетического варьирования не дает возможности установить конкретные писцовые центры, в которых могли быть созданы исходные рукописи, послужившие материалом для кодекса, — для подобной атрибуции в настоящее время не хватает системных исследований языка рукописей из эльзасских скрипториев XV–XVI вв. Предположение о том, что завершение создания кодекса происходило в Страсбурге, основывается в большей мере на анализе содержания рукописи (см.: [11, с. 189–198]). Косвенным подтверждением того, что язык всех блоков воспринимался в конце XVI в. как общий, является и тот факт, что составительницы молитвенника посчитали возможным объединить все эти части в сборник, предназначенный для каждодневного чтения (особенно показательным включение наиболее архаичного в языковом отношении и своеобразного по содержанию блока XII — см. подробнее: [11, с. 187]).

Самыми очевидными константными признаками, характеризующими письменный узус всех писцовых рук XV — начала XVI в. и большинства рук конца XVI в., являются следующие: отсутствие либо весьма незначительное число примеров рнвн. дифтонгизации, сужение /a:/ > /o:/, написания <eu, ei> для передачи старого дифтонга /ei/, лабиализация /e/ > /ö/, неполное передвижение /d/ > /t/ и формы конъюнктива глагола *sin* с *g* в интервокальной позиции или в «зиянии» (*sigē* и т. д.). В поздних блоках кодекса влияние общенемецкого узуса, проникающее в эльзасские монастырские скриптории с юго-востока и из средненемецких диалектов, а также, возможно, через печатную литературу, изданную уже на языке общенемецкого предстандарта, проявляется отчасти в написаниях, отражающих новые дифтонги. Наименее устойчивой алеманнской чертой (признаком) оказывается узкий дифтонг /ou/, который чаще всего уступает место широкому варианту <au>. Активно конкурируют <u> и <o> перед сонантами, что объясняется влиянием не только общезыкового узуса, но и непосредственным давлением соседних центральнофранкских диалектов. Поскольку описываемые изменения усиливаются, хотя и неравномерно, в поздних частях рукописи, нарастание удельного веса внешних воздействий может отчасти служить датирующим фактором. Правда, этот вывод справедлив лишь для двух ситуаций: 1) усиление рнвн. орфографических черт в текстах конца XV в. (блок II), по сравнению с текстами начала XV в. (блок XII); 2) наличие внешних влияний

в текстах XVI в., резко отличающих их от письменного узуса XV в. В тех же случаях, когда монахини конца XVI в. следуют традиционным местным орфографическим навыкам, их язык не может служить основанием для более ранней датировки, и тогда решающее значение приобретают палеографические характеристики письма, типы филиграней и содержание текста. В целом следует констатировать, что в рукописях женских доминиканских монастырей Страсбурга переход на общенациональный литературный предстандарт к концу XVI в. так и не состоялся.

Источники

Российская национальная библиотека: ркп. Нем. О. I. 87.

Издания текстов

- ElsLA — Die 'Elsässische Legenda Aurea'. Bd. 1. Das Normalcorpus / Hrsg. v. U. Williams, W. Williams-Krapp (Texte und Textgeschichte 3). Tübingen: Max Niemeyer, 1980; Bd. 2. Das Sondergut / Hrsg. v. K. Kunze (Texte und Textgeschichte 10). Tübingen: Max Niemeyer, 1983; Bd. 3. Die lexikalische Überlieferungsvarianz, Register, Indices / Hrsg. U. Williams (Texte und Textgeschichte 21). Tübingen: Max Niemeyer, 1990.
- NvW — Niklas von Wyle. Translationen. Esslingen: Konrad Fyner, nach 5.4.1478. (GW M51838).

Словари

- DWb — Deutsches Wörterbuch von Jacob und Wilhelm Grimm. 16 Bde in 32 Teilbden. Leipzig, 1854–1961. Quellenverzeichnis: Leipzig: Verlag von S. Hirzel, 1971. [<http://woerterbuchnetz.de/DWB/>].

Литература

1. Гухман, М. М. От языка немецкой народности к немецкому национальному языку. Ч. 2. М.: АН СССР, 1959. 204 с.
2. Гухман, М. М. Язык немецкой политической литературы эпохи Реформации и Крестьянской войны. М.: Наука, 1970. 276 с.
3. Гухман, М. М. Соотношение социальной дифференциации и других типов варьирования литературного языка // Социальная и функциональная дифференциация литературных языков. М.: Наука, 1977. С. 41–60.
4. Дубинин, С. И. Немецкий литературный язык позднего средневековья: юго-западный ареал. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2000. 199 с.
5. Жирмунский, В. М. Немецкая диалектология. М.; Л.: АН СССР, 1956. 956 с.

6. *Логутова, М. Г.* Опыт исследования позднесредневековой религиозности на примере немецких рукописных молитвенников из собрания Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге // Символ. Журнал христианской культуры, основанный Славянской библиотекой в Париже. № 51. Париж; М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2007. С. 379–416.

7. *Bahder, K. von.* Grundlagen des neuhochdeutschen Lautsystems. Beiträge zur Geschichte der deutschen Schriftsprache im 15. und 16. Jahrhundert. Straßburg: Verlag v. Karl J. Trübner, 1890. 367 S.

8. *Bauer, G.* Johann von Kaysersberg als Objekt und Grundlage der Erforschung der Straßburger Stadtsprache // Stadtsprachenforschung unter besonderer Berücksichtigung der Verhältnisse der Stadt Straßburg in Spätmittelalter und früher Neuzeit: Vorträge des Symposiums vom 30. März bis 3. April 1987 an der Universität Mannheim / Hrsg. v. G. Bauer. Göppingen: Kümmerle, 1988. S. 439–464.

9. *Besch, W.* Sprachlandschaften und Sprachausgleich im 15. Jahrhundert. Studien zur Erforschung der spätmittelhochdeutschen Schreibdialekte und zur Entstehung der neuhochdeutschen Schriftsprache. München: Francke, 1967. 426 S.

10. *Besch, W.* Dialekt, Schreibdialekt, Schriftsprache, Standardsprache: Exemplarische Skizze ihrer historischen Ausprägung im Deutschen // Dialektologie. Ein Handbuch / Hrsg. v. W. Besch u.a. Halbbd. 2. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 1983. S. 961–990.

11. *Bondarko, N., Palmer, N. F.* Ein elsässisches Gebetbuch in der Russischen Nationalbibliothek zu St. Petersburg: Befund und Deutung // Von mittelalterlichen und neuzeitlichen Beständen in russischen Bibliotheken und Archiven: Ergebnisse der Tagungen des deutsch-russischen Arbeitskreises an der Philipps-Universität Marburg (2012) und an der Lomonossov-Universität Moskau (2013) / Hrsg. v. N. Ganina u.a. (Akademie gemeinnütziger Wissenschaften zu Erfurt, Sonderschr. 47; Deutsch-russische Forschungen zur Buchgeschichte 3). Erfurt: Verlag der Akademie Gemeinnütziger Wissenschaften zu Erfurt, 2016. S. 171–198.

12. *Ebert, R. P., Reichmann, O., Solms, H.-S., Wegera, K.-P.* Frühneuhochdeutsche Grammatik. Tübingen: Max Niemeyer, 1993 (Sammlung kurzer Grammatiken germanischer Dialekte. A. Hauptreihe, Nr. 12).

13. *Frings, Th.* Sprache und Geschichte. Bd. I. (Mitteldeutsche Studien 16). Halle (Saale): Max Niemeyer, 1956. 156 S.

14. *Frings, Th.* Grundlegung einer Geschichte der deutschen Sprache. 3. erweit. Aufl. Halle (Saale): Max Niemeyer, 1957. 174 S.

15. *Grosse, R.* Dialektologie und Soziolinguistik in der Theorie des Sprachwandels // Sprache in der sozialen und kulturellen Entwicklung: Beiträge eines Kolloquiums zu Ehren von Theodor Frings (1886–1968) / Hrsg. R. Grosse. Berlin: Akademie-Verlag Berlin, 1990. S. 27–38.

16. *Haimel, Fr. X.* Mittelalterliche Frömmigkeit im Spiegel der Gebetbuchliteratur Süddeutschlands. (Münchener theologische Studien 1,4). München: Karl Zink Verlag, 1952. 185 S.

17. *Kleiber, W., Kunze, K., Löffler, H.* Historischer Südwestdeutscher Sprachatlas. Aufgründ von Urbaren des 13. bis 15. Jahrhunderts. Bd. I. Text. Einleitung, Kommentare und Dokumentationen. Bd. II. Karten. Einführung, Haupttonvokalismus, Nebentonvokalismus, Konsonantismus. (Bibliotheca Germanica. 22A/22B). Bern; München: Francke Verlag, 1979.

18. *Kunze, K.* Neue Ansätze zur Erfassung spätmittelalterlicher Sprachvarianz // Überlieferungsgeschichtliche Prosaforschung: Beiträge der Würzburger Forschergruppe zur Methode und Auswertung / Hrsg. K. Ruh (TTG 19). Tübingen: Max Niemeyer, 1985. S. 157–200.

19. *Kunze, K.* Aspekte einer Sprachgeschichte des Oberrheingebietes bis zum 16. Jahrhundert // Sprachgeschichte: Ein Handbuch zur Geschichte der deutschen Sprache und ihrer Erforschung / Hrsg. W. Besch u. a. 2., vollst. neu bearb. und erweitert. Aufl. Teilbd. 3. (Handbücher zur Sprach- und Kommunikationswissenschaft 2). Berlin; New York: Walter de Gruyter, 2003. S. 2810–2825.

20. *Lentes, Th.* Gebetbuch und Gebärde. Religiöses Ausdrucksverhalten in Gebetbüchern aus dem Dominikanerinnen-Kloster St. Nikolaus in undis zu Straßburg (1350–1550): Diss. Münster, 1996. 410 S.

21. *Maurer, Fr.* Zur Sprachgeschichte des deutschen Südwestens // Oberrheiner, Schwaben, Südalemannen: Räume und Kräfte im geschichtlichen Aufbau des deutschen Südwestens / Hrsg. Fr. Maurer. Straßburg: Hünenburg-Verlag, 1942 (Arbeiten vom Oberrhein 2). S. 167–336.

22. *Minzloff, R.* Weihnachtsgebete aus einem Nonnenkloster (Papierhandschrift des XIV Jahrhunderts) // Minzloff, R. Die altdeutschen Handschriften der Kaiserlichen Öffentlichen Bibliothek zu St. Petersburg. St. Petersburg: Buchdruckerei der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, 1853. S. 59–64.

23. *Moser, V.* Frühneuhochdeutsche Grammatik. Bd. 1. Lautlehre. 1. Hälfte: Orthographie, Betonung, Stammsilbenvokale. Heidelberg: Carl Winter Verlag, 1929. 358 S.

24. *Reichmann, O.* Die Diagonalgliederung des Frühneuhochdeutschen // Sprachgeschichte: Ein Handbuch zur Geschichte der deutschen Sprache und ihrer Erforschung. 2., vollständig neu bearb. und erweitert. Aufl. / Hrsg. W. Besch, A. Betten, O. Reichmann, S. Sonderegger. Teilband. 2. (Handbücher zur Sprach- und Kommunikationswissenschaft 2). Berlin; New York: Walter de Gruyter, 2003. S. 1623–1646.

25. *Socin, A.* Schriftsprache und Dialekte im Deutschen nach Zeugnissen alter und neuer Zeit. Heilbronn: Henninger, 1888. 545 S.

26. *Sonderegger, S.* Leistung und Aufgabe der Dialektologie im Rahmen der Sprachgeschichtsschreibung im Deutschen // Dialektologie: Ein Handbuch / Hrsg. W. Besch. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 1983. Halbbd. 2. S. 1526–1558.

27. *Stöckicht, O.* Sprache, Landschaft und Geschichte des Elsaß. Marburg: Elwert'sche Verlagsbuchhandlung, 1942. 252 S.

28. *Weinhold, K.* Alemannische Grammatik. Berlin: Dümmler, 1863. (Neudruck Amsterdam, 1967). 480 S.

29. *Wolf, N. R.* Phonetik und Phonologie, Graphetik und Graphematik des Früh-

neuhochdeutschen // Sprachgeschichte: Ein Handbuch zur Geschichte der deutschen Sprache und ihrer Erforschung. 2., vollständ. neu bearb. und erweit. Aufl. / Hrsg. W. Besch, A. Betten, O. Reichmann, S. Sonderegger. Teilband. 2. (Handbücher zur Sprach- und Kommunikationswissenschaft 2). Berlin; New York: Walter de Gruyter, 2003. S. 1527–1542.

30. Young, Chr., *Gloning, Th.* A history of the German language through texts. London; New York: Routledge, 2004.

References

1. Guhman, M.M. *Ot iazyka nemetskoj narodnosti k nemetskomu natsional'nomu iazyku* [From the language of German ethnos towards the German national language]. Moscow, AN SSSR, 1959. Part 2. 204 p. (In Russian)

2. Guhman, M.M. *Iazyk nemetskoj politicheskoj literatury epokhi Reformatsii i Krest'ianskoj voiny* [The language of German political literature of the Reformation and Peasant's War]. Moscow, Nauka Publ., 1970. 276 p. (In Russian)

3. Guhman, M.M. [The correlation of the social differentiation and other variation types of literary language]. *Sotsial'naja i funktsional'naja differentsiatsiia literaturnykh iazykov*. Moscow, Nauka Publ., 1977, pp. 41–60. (In Russian)

4. Dubinin, S.I. *Nemetskii literaturnyi iazyk pozdnego srednevekov'ia: iugo-zapadnyi areal* [German literary language of the Late Middle Ages: Southwestern areal]. Samara, Samarskii universitet Publ., 2000. 199 p. (In Russian)

5. Zhirmunskij, V.M. *Nemetskaia dialektologija* [German dialectology]. Moscow, Leningrad, AN SSSR, 1956. 956 p. (In Russian)

6. Logutova, M.G. *Opyt issledovaniia pozdnesrednevekovoi religioznosti na primere nemetskikh rukopisnykh molitvennikov iz sobraniia Rossiiskoi natsional'noi biblioteki v Sankt-Peterburge* [An experience of the research of late medieval religiosity on the example of German handwritten prayer books from the collection of the National Library of Russia in St. Petersburg]. *Simvol. Zhurnal khristianskoj kul'tury, osnovannyi Slavianskoj bibliotekoi v Parizhe*. no. 51. Paris, Moscow, Institut filosofii, teologii i istorii sv. Fomy, 2007, pp. 379–416. (In Russian)

7. Bahder, K., von. *Grundlagen des neuhochdeutschen Lautsystems. Beiträge zur Geschichte der deutschen Schriftsprache im 15. und 16. Jahrhundert*. Straßburg, Verlag von Karl J. Trübner, 1890. 367 p.

8. Bauer, G. *Johann von Kaysersberg als Objekt und Grundlage der Erforschung der Straßburger Stadtsprache. Stadtsprachenforschung unter besonderer Berücksichtigung der Verhältnisse der Stadt Straßburg in Spätmittelalter und früherer Neuzeit. Vorträge des Symposiums von 30. März bis 3. April 1987 an der Universität Mannheim*. Hrsg. von G. Bauer. Göppingen, Kümmerle, 1988, pp. 439–464.

9. Besch, W. *Sprachlandschaften und Sprachausgleich im 15. Jahrhundert. Studien zur Erforschung der spätmittelhochdeutschen Schreibdialekte und zur Entstehung der neuhochdeutschen Schriftsprache*. München, Francke, 1967. 426 p.

10. Besch, W. *Dialekt, Schreibdialekt, Schriftsprache, Standardsprache. Exem-*

parische Skizze ihrer historischen Ausprägung im Deutschen. *Dialektologie. Ein Handbuch*. Hrsg. von W. Besch u.a. Halbbd. 2. Berlin, New York, Walter de Gruyter, 1983, pp. 961–990.

11. Bondarko, N., Palmer, N.F. Ein elsässisches Gebetbuch in der Russischen Nationalbibliothek zu St. Petersburg: Befund und Deutung. *Von mittelalterlichen und neuzeitlichen Beständen in russischen Bibliotheken und Archiven. Ergebnisse der Tagungen des deutsch-russischen Arbeitskreises an der Philipps-Universität Marburg (2012) und an der Lomonossov-Universität Moskau (2013)*. Hrsg. N. Ganina u.a. (Akademie gemeinnütziger Wissenschaften zu Erfurt, Sonderschr. 47; Deutsch-russische Forschungen zur Buchgeschichte 3). Erfurt, Verlag der Akademie Gemeinnütziger Wissenschaften zu Erfurt, 2016, pp. 171–198.

12. Ebert, R. P., Reichmann, O., Solms, H.-S., Wegera, K.-P. *Frühneuhochdeutsche Grammatik*. Tübingen, Max Niemeyer, 1993 (Sammlung kurzer Grammatiken germanischer Dialekte, A. Hauptreihe, Nr. 12).

13. Frings, Th. *Sprache und Geschichte*. Bd. I. (Mitteldeutsche Studien 16). Halle (Saale), Max Niemeyer, 1956. 156 p.

14. Frings, Th. *Grundlegung einer Geschichte der deutschen Sprache*. 3. erweit. Aufl. Halle (Saale), Max Niemeyer, 1957. 174 p.

15. Grosse, R. Dialektologie und Soziolinguistik in der Theorie des Sprachwandels. *Sprache in der sozialen und kulturellen Entwicklung. Beiträge eines Kolloquiums zu Ehren von Theodor Frings (1886–1968)*. Hrsg. R. Grosse. Berlin: Akademie-Verlag Berlin, 1990, pp. 27–38.

16. Haimel, Fr. X. *Mittelalterliche Frömmigkeit im Spiegel der Gebetbuchliteratur Süddeutschlands*. (Münchener theologische Studien I,4). München, Karl Zink Verlag, 1952. 185 p.

17. Kleiber, W., Kunze, K., Löffler, H. *Historischer Südwestdeutscher Sprachatlas*. Aufgrund von Urbaren des 13. bis 15. Jahrhunderts. Bd. I. Text. Einleitung, Kommentare und Dokumentationen; Bd. II. Karten. Einführung, Haupttonvokalismus, Nebentonvokalismus, Konsonantismus. (Bibliotheca Germanica 22A/22B). Bern, München, Francke Verlag, 1979.

18. Kunze, K. Neue Ansätze zur Erfassung spätmittelalterlicher Sprachvarianz. *Überlieferungsgeschichtliche Prosaforschung: Beiträge der Würzburger Forschergruppe zur Methode und Auswertung*. Hrsg. K. Ruh (TTG 19). Tübingen, Max Niemeyer, 1985, pp. 157–200.

19. Kunze K. Aspekte einer Sprachgeschichte des Oberrheingebietes bis zum 16. Jahrhundert. *Sprachgeschichte. Ein Handbuch zur Geschichte der deutschen Sprache und ihrer Erforschung*. 2., vollständig neu bearb. und erweit. Aufl. Teilband. 3. Hrsg. W. Besch u. a. Berlin, New York, Walter de Gruyter, 2003, pp. 2810–2825. (Handbücher zur Sprach- und Kommunikationswissenschaft 2.)

20. Lentès, Th. *Gebetbuch und Gebärde: Religiöses Ausdrucksverhalten in Gebetbüchern aus dem Dominikanerinnen-Kloster St. Nikolaus in undis zu Straßburg (1350–1550)*: Diss. Münster, 1996. 410 p.

21. Maurer, Fr. Zur Sprachgeschichte des deutschen Südwestens. *Oberrheiner*,

Schwaben, Südalemannen. Räume und Kräfte im geschichtlichen Aufbau des deutschen Südwestens. Hrsg. Fr. Maurer. Straßburg, Hünenburg-Verlag, 1942, pp. 167–336. (Arbeiten vom Oberrhein 2.)

22. Minzloff, R. Weihnachtsgebete aus einem Nonnenkloster (Papierhandschrift des XIV Jahrhunderts). Minzloff R. *Die altdeutschen Handschriften der Kaiserlichen Öffentlichen Bibliothek zu St. Petersburg.* St. Petersburg, Buchdruckerei der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, 1853, pp. 59–64.

23. Moser, V. *Frühneuhochdeutsche Grammatik.* Bd. 1. Lautlehre. 1. Hälfte: Orthographie, Betonung, Stammsilbenvokale. Heidelberg, Carl Winter Verlag, 1929. 358 p.

24. Reichmann, O. Die Diagliederung des Frühneuhochdeutschen. *Sprachgeschichte: Ein Handbuch zur Geschichte der deutschen Sprache und ihrer Erforschung.* 2., vollständ. neu bearb. und erweit. Aufl. Hrsg. W. Besch, A. Betten, O. Reichmann, S. Sonderegger. Teilband. 2. Berlin, New York, Walter de Gruyter, 2003, pp. 623–1646. (Handbücher zur Sprach- und Kommunikationswissenschaft 2.)

25. Socin, A. *Schriftsprache und Dialekte im Deutschen nach Zeugnissen alter und neuer Zeit.* Heilbronn, Henninger, 1888. 545 p.

26. Sonderegger, S. Leistung und Aufgabe der Dialektologie im Rahmen der Sprachgeschichtsschreibung im Deutschen. *Dialektologie: Ein Handbuch.* Hrsg. W. Besch. Berlin, New York, Walter de Gruyter, 1983. Halbbd. 2, pp. 1526–1558.

27. Stöckicht, O. *Sprache, Landschaft und Geschichte des Elsaß.* Marburg, Elwert'sche Verlagsbuchhandlung, 1942. 252 p.

28. Weinhold, K. *Alemannische Grammatik.* Berlin, Dümmler, 1863. 480 p. (Neudruck, Amsterdam, 1967)

29. Wolf, N.R. Phonetik und Phonologie, Graphetik und Graphemik des Frühneuhochdeutschen. *Sprachgeschichte: Ein Handbuch zur Geschichte der deutschen Sprache und ihrer Erforschung.* 2., vollständ. neu bearb. und erweit. Aufl. Hrsg. W. Besch, A. Betten, O. Reichmann, S. Sonderegger. Teilband. 2. Berlin, New York, de Gruyter, 2003, pp. 1527–1542. (Handbücher zur Sprach- und Kommunikationswissenschaft 2.)

30. Young, Chr., Gloning, Th. *A history of the German language through texts.* London, New York, Routledge, 2004.

Бондарко Николай Александрович

доктор филологических наук, старший научный сотрудник

Института лингвистических исследований РАН

Адрес: Российская Федерация, 199053, Санкт-Петербург, Тучков пер., 9.

Nikolaj A. Bondarko

Doctor of Philological Sciences, Senior researcher of Institute for Linguistic Studies,

Russian Academy of Sciences

Address: 9, Tuchkov per., St. Petersburg, 199053, Russian Federation.

E-mail: n-bond@yandex.ru

**ИНОСТРАННОЕ СЛОВО КАК ЯЗЫКОВАЯ КОНСТАНТА
С ПЕРЕМЕННЫМИ ФУНКЦИЯМИ
(НА МАТЕРИАЛЕ КНИГИ КАТИ ПЕТРОВСКОЙ «ВОЗМОЖНО, ЭСТЕР»)**

Ключевые слова: иностранные слова, язык литературы мигрантов, русские фразеологизмы в немецком тексте, язык автобиографической прозы, реалии.

В статье рассмотрена функция иностранных слов в книге немецкоязычной писательницы украинского происхождения Кати Петровской «Возможно, Эстер» („Vielleicht Esther“, 2014). В этом тексте обращает на себя внимание частое употребление иностранных слов, а также идиоматических выражений, происходящих из русского, польского языков, а также идиша. Методологически исследование опирается как на теорию феномена иностранного слова, так и на принципы структурного анализа текста, предполагающие рассмотрение отдельных элементов системы в их взаимосвязи с целым. В статье проанализирована роль иностранных слов из разных языков в порождении смыслов текста, относящегося к такому достаточно новому и интенсивно развивающемуся явлению как «литература мигрантов».

A. V. ELISEEVA

St. Petersburg State University

**FOREIGN WORD AS A LANGUAGE CONSTANT WITH
CHANGING FUNCTIONS
(A CASE STUDY OF KATJA PETROWSKAJA'S BOOK "MAYBE ESTHER")**

Keywords: foreign word, migrant literature, Russian phraseologisms in the German text, autobiographical prose, realia.

In the article the use and functions of foreign words in the book “Maybe Esther” („Vielleicht Esther“, 2014) of the in German writing Ukrainian-born author Katja Petrowskaja are discussed. The text contains many words and idiomatical expressions from Russian, English, Polish, Yiddish, Hebrew, French and Italian. The methods used for the investigation are the linguistic theory of foreign word and the structural approach to the text, it means that all the system elements are considered in their connection with the whole. As the result the numerous Russisms are found out. The Polish, Yiddish, Hebrew and English words also are of great importance. The role of the foreign words in the generation of text meanings is analyzed, their connection with the identity construction and memoria problem.

С конца XX в. всё большее внимание исследователей привлекает к себе феномен «литературы мигрантов», формирующийся, в том числе в немецкоязычном пространстве: в условиях возрос-

шей мобильности и интенсивных процессов глобализации авторы, начальная социализация которых прошла в других государственных объединениях, создают произведения на немецком языке, нередко выученном ими уже во взрослом возрасте. Значительную роль в литературной жизни Германии играют выходцы из республик бывшего Советского Союза. Неслучайно наряду с турецко-немецкой, румынско-немецкой выделяют также русско-немецкую и украинско-немецкую литературу [6, с. 63–155]. Ряду авторов, родившихся на территории бывшего СССР, удалось стать заметными фигурами современной художественной жизни ФРГ, в том числе завоевать коммерческий успех (Владимир Каминер), получить почётные литературные премии (Ольга Грязнова, Лена Горелик, Ольга Мартынова и др.). Ярким событием 2013 г. стало присуждение премии имени Ингеборг Бахман Кате Петровской (Katja Petrowskaja, Катерина Миронівна Петровська), родившейся в 1970 г. в Киеве и ныне живущей в Берлине. Награды был удостоен фрагмент книги Кати Петровской «Возможно, Эстер», полный текст произведения опубликован в 2014 г. (Vielleicht Esther. Geschichten. Berlin: Suhrkamp, 2014). В книге «Возможно, Эстер» автобиографическая повествовательница делает попытку воссоздать историю своих предков, поиски их следов ведут её в разные страны, например, на территорию современных государств — Польши, России, Австрии, Украины. Воссоздание семейной хроники тесно связано с европейской (а также всемирной) историей. Так, некоторые родственники рассказчицы стали жертвами Холокоста и погибли в Киеве в Бабьем Яре. Началось также научное исследование этого текста (например, в докладах доктора Анны Каролины Артвиньской из Гамбурга, доктора Иулии-Карин Патрут из Фленсбурга и т. д.). Произведение интерпретируют как образец автобиографической прозы, говорят о его связи с жанром семейной хроники. Текст, несомненно, также подвергает сомнению конструкты идентичности, в том числе национальной, подвергает сомнению возможность достоверного и однозначного воссоздания прошлого, т. е. обращается к проблематике *metoia*, актуальной для современного культурологического дискурса.

В данной статье предпринята попытка интерпретации книги Кати Петровской через феномен иностранного слова. Стоит сказать, что тема языка занимает существенное место в тексте, неслучайно постоянно идёт речь о том, что многие предки рассказчицы

по семейной традиции работали в школах для глухонемых детей. Уже при поверхностном ознакомлении с произведением обращает на себя внимание частое употребление иностранных слов. Задача исследования состоит в том, чтобы проанализировать происхождение и семантику иностранных вкраплений в текст книги, а также рассмотреть их функцию в художественном произведении. В то же время употребление иностранных слов в тексте писательницы, осмысляющей свою гибридную культурную принадлежность, может пролить свет на меняющуюся прагматику такой языковой константы, как иностранное слово.

В лингвистической теории понятие «иностранное слово» сложилось во многом в процессе его отмежевания от феномена лексического заимствования. Существует точка зрения, что в российской лингвистике категория «иностранное слово» появилась достаточно поздно. Историю формирования этого понятия, начиная с 1960-х годов, изменения его семантического объёма прослеживает, например, Е. В. Маринова [3]. По распространённому мнению, в отличие от заимствования, которое служит для обозначения «неисконного слова, полностью освоенного языком-реципиентом и утратившего признаки иноязычности», иностранное слово «заметно отличается своим внешним видом, грамматическими и/или семантическими особенностями от слов исконной лексики» [3, с. 114]. Сходная интерпретация термина «иностранное слово» (Fremdwort) существует и в норманнской германистике, где выделяются такие критерии явления, как присутствие чужеродных словообразовательных компонентов, например, префиксов, суффиксов, орфографические признаки, фонетический облик слова, его редкое употребление в языке-реципиенте. С другой стороны, многие современные лингвисты подчёркивают зыбкость и подвижность границ между феноменами иностранного слова и заимствования [5, 7]. Стоит сказать, что для данного исследования дискуссия о границах заимствования и иностранного слова не имеет существенного значения, поскольку лексемы, о которых пойдёт речь, часто явственно маркированы в тексте как иностранные — они отсутствуют в немецких словарях, непонятны без комментариев реципиенту, не знающему соответствующего языка, нередко, о чём ещё будет сказано впоследствии, они сохраняют иноязычное написание, например кириллическое письмо или диакритические знаки языка-донора. Иногда иностранные слова также выделены

курсивом (в дальнейшем при цитировании сохраняется курсив автора). Необычное, единичное использование иностранных слов в книге «Возможно, Эстер» позволяет предположить, что иноязычные включения в тексте Кати Петровской относятся в основном к типу, который обозначается терминами «нерегулярное (неузальное, окказиональное) иноязычное вкрапление» [3, с. 112–114]. При этом отнесение некоторых слов к иностранным, а не к заимствованиям, всё-таки представляется проблематичным, например, в случае со словом *koscher* [8, S. 103], содержащимся в немецких словарях, но выделенным в книге курсивом.

Статистически в книге явно преобладают иностранные слова, взятые из русского языка (русизмы), что в контексте произведения явно мотивировано детством рассказчицы, проведённым в Киеве, где доминирующим языком был русский. Среди русизмов можно выделить несколько семантических групп. К наиболее частотным иностранным словам текста относятся обозначения родственников: *Babuschka* и *Deduschka*. Иногда эти слова несколько раз повторяются на одной странице, употребляется также форма множественного числа: „*Meine beiden Babuschkas wohnten bei uns*“ [8, S. 20].

Вторую значительную по объёму группу составляют реалии. Примечательно, что часто эти реалии связаны с едой и её приготовлением. Использовано слово *Piroschki* [8, S. 21, 104], упомянута трёхлитровая банка, покрываемая марлей, атрибут кухни из детства повествовательницы: „*Das Dreiliterglas, trjochlitrowaja banka*“ [8, S. 33], служившая для хранения и процеживания бульона. Возникает слово „*ein Lutschbonbon, ein ledenets*“ [8, S. 76]. Некоторые реалии, связанные с едой и напитками, рассказчица знает только в сокращении, так она цитирует название старого семейного рецепта ЕВР.КВАС и размышляет над его значением, приводя как русские, написанные кириллицей слова, так и немецкие: „*ich startte auf dieses EBP, denn die kyrillische Abkürzung hätte genauso gut als EBPopejskij, JEWropejskij, europäischer, wie das EBPеjskij, JEWrejskij, jüdischer Kwas verstanden werden können*“ [8, S. 31]. В этом отрывке на стыке значений немецких и русских слов, данных в кириллическом написании и в латинской транскрипции, возникает многозначность толкования.

В связи с детством рассказчицы и с судьбой её предков в книге появляются также другие реалии: например, *Uliza*, так не раз упомянуто *Uliza Florenzii*, где жила семья. Как иностранные сло-

ва воспринимаются в книге уменьшительно-ласкательная форма имени матери повествовательницы: Swetotschka [8, S. 86] или её собственного Katenka [8, S. 113], а также русскоязычное название страны Polescha [8, S. 91]. Возникают аббревиатуры советского времени: Sowmin-Haus, причем этой лексеме предшествует перевод на немецкий язык (Sowjetministerium) [Там же, S. 40]. Упомянут дядя, получивший имя Гертруд (Gertrud) от словосочетания Geroj truda [8, S. 18]. Реалии советской жизни отражены также в аббревиатуре „Molokokoopsojus, dem Milch-Coop-Verein“ [8, S. 68], в таких сокращениях как TscheKA, GPU, NKWD, KGB, FSB [8, S. 148], в понятиях Organy [8, S. 149], Intelligenzija [8, S. 175]. Реалией времени является название газеты „Proletarskaja Prawda“ [8, S. 98]. Как реалия тяжёлого времени появляется и слово distrofiki [8, S. 70] по отношению к детям, вывезенным из блокадного Ленинграда. Рассказчица сообщает, что её немногословный дед только изредка говорил слова *da* или *choroscho* [8, S. 229]. Иногда русскоязычные включения служат для размышлений об этимологии, например, о происхождении слова «немец», что повествовательница связывает и со своим личным восприятием немецкого языка: „Ich begab mich ins Deutsche, als würde der Kampf gegen die Stummheit weitergehen, denn Deutsch, *nemeckij*, ist im Ruischen die Sprache der Stummen, die Deutschen sind für uns die Stummen, *nemoj nemes*, der Deutsche kann doch gar nicht sprechen“ [8, S. 79]. Изучение немецкого языка сближает персонажа с предками, которые веками работали с глухонемыми детьми. Рассказчица сообщает о созвучии русских слов *Gimnastika* и *Gimm* и о своих этимологических соображениях по этому поводу: „Ich dachte immer, das Wort Gymnastik sei aus dem Wort Hymne entstanden, auf Russisch fängt beides mit G an“ [8, S. 22].

Ещё один пласт лексем русского происхождения представляю собой фразеологизмы. Их значение передаётся, как правило, пояснениями на немецком языке, включёнными в текст книги, т. е. используется метод, часто применяемый при передаче реалий другого языка в переводе [2]. Так, сначала сказано, что вязание носков представляет собой „Kunstflug des Strickens“, потом дан русский фразеологизм „*vysschij pilotasch*“ [8, S. 21]. Упомянут также фразеологизм *kozyrnaja karta*, ему предпослано пояснение *der Trumpf* [Там же, S. 115]. В начале книги содержится аллюзия на русский фразеологизм «стрелочник виноват», причём слово «стрелочник» дано в русском написании, в транслитерации и в немецком переводе:

„vielleicht bin ich стрелочник, *strelotschnik*, ein Weichensteller, und immer ist der Weichensteller schuld, aber nur auf Russisch, dachte ich...“ [8, S. 8]. Примечательно, что тут подчеркнута безэквивалентность русского фразеологизма, в частности его непереводаемость на немецкий язык. В некоторых случаях рассказчица не транслитерирует русский фразеологизм, а только даёт его дословный перевод на немецкий язык в сопоставлении с немецким выражением: „Sie hatten nicht alle Tassen im Schrank, obwohl man auf Russisch nicht alle Tassen sagt, sondern Hast du nicht alle zu Hause? Ich hatte Angst vor dieser Frage, obwohl meine Babuschkas fast immer zu Hause waren...“ [8, S. 21]. В этом пассаже обыгрывается семантика русского фразеологизма со значением «быть странным», хотя само выражение приводится только в дословном переводе на немецкий язык. В другом месте содержится отсылка к русскому фразеологизму «душа ушла в пятки»: „Ich erinnere mich daran, wie mich an dieser Stelle die Angst jedesmal so packte, dass meine Seele in die Fersen rutschte, wie man auf Russisch sagt, wenn man von Furcht ergriffen wird, vielleicht ist es sicherer für die Seele, wenn sie sich in die Fersen zurückzieht und dort bleibt, bis die Gefahr vorbei ist“ [8, S. 215]. Интересно, что русский фразеологизм упомянут в связи с историей Ахиллесовой пяты из античной мифологии. В этом же фрагменте назван и сказочный герой Кощей Бессмертный, имя, которое тоже стало в русском языке фразеологическим выражением: „Ich dachte auch an den bösen Zauberer aus dem Märchen, Кощей Бессмертный, Kotschej Bessmertnyj, Kotschej der Unsterbliche“ [8, S. 215]. Вариант обращения к русской фразеологии в книге представляет собой также перевод на немецкий язык крылатого выражения, созданного Ольгой Берггольц: „niemand vergessen und nichts vergessen“ [8, S. 40]. Также в переводе даны ставшие крылатыми слова военного времени: „*Kein Schritt zurück! Hinter uns ist Moskau! [...] sonst Erschießung!*“ [8, S. 70]. Эти переводы крылатых слов уже выходят за узкие рамки феномена «иностранный слог» и сближаются структурно с переводами отрывков из русской литературы, часто присутствующими в книге, например, фрагментами стихотворения И. С. Тургенева «Русский язык», поэмы Е. А. Евтушенко «Бабий яр», стихотворением А. А. Блока «Ночь, улица, фонарь, аптека...». Только цитата из стихотворения М. Ю. Лермонтова дана по-русски в немецкой транслитерации, затем в дословном переводе: „*Vy-cho-shu-o-din-ja-na-do-rogu / Einsam geh' ich auf dem Weg*“ [8, S. 243].

Немаловажную роль как топос повествования играет в книге пространство Польши, с которым были связаны судьбы некоторых предков рассказчицы. Так, в описании поездки по Польше повторяется слово *kościół*, обозначающее в тексте здание католического храма. Упомянуто польское название пластинки с песнями: „*żydowskie piosenki wschodniej Europy*“ [8, S.75], название гимна Польши „*Jeszcze Polska nie zginęła*“ [8, S.91], а также название организации *Żydowski Instytut Historyczny* [8, S.108]. Используются также реалия *Solidarność*, слово *ulica*, словосочетание *Stara Warszawa* [8, S.108]. Повествовательница вспоминает слово *sacki*, которым её бабушка называла ненужные вещи [8, S.76], и интерпретирует его как польское, что представляется, однако, сомнительным, поскольку русские словари трактуют это слово как исконно русское [4]. Иногда рассказчица сопоставляет польские и русские слова: „*überall webten Frauen Spitzen, koronka auf Polnisch, kruschewo auf Russisch*“ [8, S.129].

Другим источником иностранных слов, включённых в текст книги, является идиш, что связано с еврейской идентичностью предков рассказчицы. Как и в случае с русскими реалиями, упомянуты названия еды: *gefilte Fisch*, *Vorschmack*, причём контекст их употребления иронически размывает конструкт идентичности, указывая на то, что для персонажа эти реалии были элементами украинской кухни: „*Nun gehörten gefilte Fisch, Strudel, Vorschmack für Lida zu ihrer ukrainischen Küche*“ [8, S.32]. Как обозначение феномена, до конца не понятного рассказчице, появляется идишское слово *Shtetl* [8, S.101]. Повествовательница констатирует факт, что единственным словом, оставшимся в её нынешней семье из идиша, является *Meschuggener*: „*Das Wort Meschuggener ist das einzige jiddische Wort, das meiner Familie geblieben war. Ist die Verrücktheit meine letzte Verbindung mit dem Judentum?*“ [8, S.145]. Немногие слова из иврита связаны в контексте книги с религиозной традицией, например название молитвы „*Sch'ma Israel*“ [8, S.55], или с символикой (*Mogendovid*), с памятью о Холокосте (*shoa*), а также с обыгрыванием слова „*Polania*“, одного из названий Польши, в котором рассказчица находит три слова из иврита „*po-lan-ja, hier-wohnt-Gott*“ [8, S.55].

Помимо русских слов и лексем из идиша, иврита и польского языка в книге присутствуют другие иностранные слова. К иностранным словам, включённым в книгу, относятся, например, до-

вольно многочисленные английские фразы, произнесённые собеседниками рассказчицы и ею самой в разных странах, например: „my name is Samual, Sam“ [8, S. 8], цитата из Джеймса Джойса [8, S. 91], название организации: Jewish Genealogy & Family Heritage [8, S. 106], выражение Related through Adam [8, S. 122], название мюзикла: Fiddler on the Roof, Anatevka, слова Life Records, Death, Testimony, my relative [8, S. 118–119] и др. Возникают также французское название мюзикла Les Misérables, французский фразеологизм *À la guerre comme à la guerre*. В связи с музыкальными увлечениями бабушки Розы появляется итальянская цитата из «Травиаты» Верди: „L'amore d'Alfredo perfino mi manca“ [8, S. 66], рассказчица упоминает сочинение Гайдна „Il ritorno di Tobia“ [8, S. 107]. Интересно, что в приведённых в тексте записях из книги посетителей мемориала «Русское кладбище» под Зальцбургом содержатся фразы на самых разных языках: немецком, русском, английском, французском и др.

Присутствие многочисленных иностранных слов сочетается в книге Кати Петровской с размышлениями о различии языков, о непереводаемом в них, так, она не находит в русском языке эквивалента немецкому понятию *wandern*: „Ich war noch nie richtig wandern, in meiner Muttersprache gibt es dafür nicht einmal ein passendes Wort, auf Russisch können wir nur pilgern oder wandeln“ [8, S. 255]. Наряду с пришедшим из французского языка в немецкий словосочетанием *Crêpe de Chine* в книге приводится транслитерированное русское обозначение этого материала *krepdyschin* как реалия времени. Не только лексический состав служит материалом размышления, но и грамматические структуры, например, отсутствие артикля в русском языке.

Таким образом, можно говорить о таком существенном структурном элементе книги «Возможно, Эстер» Кати Петровской, как интенсивное использование иностранных слов. При этом доминируют слова из русского языка, значительный процент составляют также английские включения. Выделяются польские слова и лексемы из идиша и иврита. На периферии текста находятся французские лексемы (в основном это названия произведений и фразеологизмы), а также итальянские вкрапления (в связи с музыкальными произведениями). Особое значение русского языка для произведения проявляется в том, что многие слова и выражения даны в нескольких вариантах: в кириллическом написании, также в транслитерации немецкими буквами и в переводе. Часто русскоязычные

слова и выражения служат объектом размышления и сопоставления с другими языками (прежде всего, с немецким словарным составом). Примечательно, что по отношению к англоязычным словам и фразам, часто присутствующим в книге, такой стратегии не наблюдается.

Внимания заслуживает также почти полное отсутствие украинских слов в тексте книги, несмотря на то, что упомянуто отделение Украины от России и идёт речь об украинских корнях семьи (единственным украинцем в семье был дедушка рассказчицы). Исключением являются, пожалуй, размышления о нейтральном характере польского и западноукраинского слова *żyd*, в отличие от русского языка [8, S. 214]. Можно предположить, что отсутствие украинских слов в книге «Возможно, Эстер» отражает статус этого языка в советское время, на которое пришлось детство рассказчицы, проведённое в Киеве. Колонизаторская политика России отразилась в тексте книги Кати Петровской как в отсутствии украинских лексических включений, так и в недостатке интереса к украинской идентичности, в отличие от внимания к еврейской, советской, польской традициям.

Представляется, что активное обращение рассказчицы к иностранным словам моделирует на языковом уровне её двойственную позицию по отношению к разным культурным традициям, идентичностям, соединявшимся в истории её семьи: включённость в них и дистанцию. Эта двойственность положения повествовательницы нередко становится предметом её размышления: „Ich fuhr als Russin aus Deutschland in das jüdische Warschau meiner Verwandten, nach Polen, nach Poleska, es schien mir, als machten mich meine beiden Sprachen zu einer Vertreterin der Besatzungsmächte. Als Nachkommin der Kämpfer gegen die Stummheit war ich einsatzbereit, aber sprachlos, ich beherrschte keine der Sprachen meiner Vorfahren, kein Polnisch, kein Jiddisch, kein Hebräisch, keine Gebärdensprache“ [8, S. 101].

В других частях книги рассказчица пишет об условности конструкта национальной идентичности и частой произвольности её определения: „immer gab es die anderen, egal, woher man kam, Polen und Juden, Juden und Polen, und wenn sie in Katyń umgekommen waren, durften sie Polen sein, aber ihre Frauen und Kinder blieben Juden und lebten im Ghetto“ [8, S. 105]. Эти размышления и присутствие иностранных слов маркируют в книге осознание гибридной куль-

турной идентичности, отличающее многие произведения авторов-мигрантов. Обращение к другим языкам соотносится с попыткой рассказчицы воссоздать историю своей семьи и с осознанием границ этого проекта. Подобно тому, как повествовательница понимает невозможность полной и бесспорной реконструкции прошлого, она переживает и свой отрыв от языков, на которых говорили её предки. Фрагментарность языковых познаний персонажа коррелирует с обрывочностью сведений об умерших или погибших родственниках. Как единственный язык предков, к которому рассказчица имеет полный доступ, представлен русский, язык её первоначальной социализации. Русизмы служат в книге материалом для демонстрации непереводаемого, «неконвертируемого» в другую культуру, на другом языке. Неслучайно, как было показано, многие русизмы связаны с изначальным, телесным опытом (еда, напитки), а также картиной мира, запечатленной во фразеологии. Не поддающейся до конца переводу представлена и история страны, как политическая, так и повседневная, нашедшая отражение в многочисленных реалиях. Иностранное слово является, таким образом, способом передачи культурных границ, а также границ познания. Как некоторое соответствие многоязычию книги можно интерпретировать и её мультимедийный характер: в издание включены старые фотографии, изображающие людей или здания. Интересным представляется в связи с этим, что Катя Петровская выступает против перевода своей книги на русский язык: «Совершенно не знаю, что делать с переводом книги. Книгу будут переводить на разные языки, но из русского я ее “вынула”. Надо писать другую книгу» [1]. Причины отказа от перевода на русский язык можно увидеть как раз в осознании потери тех смыслов, о которых шла речь.

В заключение хотелось бы добавить, что анализ использованных иностранных слов несомненно обогатил бы восприятие произведений и других многочисленных авторов-мигрантов, пишущих на немецком языке.

Литература

1. Буцко, А. Катя Петровская: «В этой книжке все правда — кроме немецкого языка». Анастасия Буцко поговорила с автором, чья первая, написанная по-немецки, книга стала бестселлером. URL: <http://www.colta.ru/articles/literature/3067> (дата обращения: 10.01.2016).

2. Влахов, С., Флорин, С. Непереваемое в переводе. М.: Высшая школа, 1986. 342 с.
3. Маринова, Е. В. Теория заимствования в основных понятиях и терминах: Словарь-справочник. 2-е изд. М.: Флинта, 2014. 240 с.
4. Этимологический словарь русского языка. URL: <http://etymological.academic.ru/5846> (дата обращения: 10.01.2016).
5. Best, K.-H. Ein Beitrag zur Fremdwortdiskussion // Die deutsche Sprache in der Gegenwart. Festschrift f. Dieter Cherubim zum 60. Geburtstag / Hrsg. St. Schierholz in Zusammenarb. mit E. Fobbe, St. Goes, R. J. Knirsch. Frankfurt/M. u. a.: Peter Lang, 2001. S. 263–270.
6. Hofmann, M., Patrut, Iu.-K. Einführung in die interkulturelle Literatur. Darmstadt: WBG, 2015. 168 S.
7. Das Fremdwort — Lesenswertes und Interessantes // Duden — Das Fremdwörterbuch. Duden-Redaktion. URL: http://www.duden.de/sites/default/files/downloads/Duden_Das_Fremdwort_Lesenswertes_und_Interessantes (дата обращения: 10.01.2016).
8. Petrowskaja K. Vielleicht Esther. Geschichten. Berlin: Suhrkamp, 2014. 285 S.

References

1. Bucko, A. *Katia Petrovskaia: «V etoi knizhke vse pravda — krome nemetskogo iazyka»*. *Anastasiia Butsko pogovorila s avtorom, ch'ia pervaja, napisannaia po-nemetski, kniga stala bestsellerom* [Anastasiya Bucko had a talk with the author whose first german book had become a bestseller]. Available at: <http://www.colta.ru/articles/literature/3067> (accessed: date: 10.01.2016). (In Russian)
2. Vlahov, S., Florin, S. *Neperevodimoe v perevode* [Untranslatable in translation]. Moscow, Vysshiaia shkola Publ., 1986. 342 p. (In Russian)
3. Marina E. V. *Teoriia zaimstvovaniia v osnovnykh poniatiiakh i terminakh: Slovar'-spravochnik* [Theory borrowing in basic concepts and terms]. 2nd ed. Moscow, Flinta Publ., 2014. 240 p. (In Russian)
4. *Etimologicheskii slovar' russkogo iazyka* [Etymological dictionary of the Russian language]. Available at: <http://etymological.academic.ru/5846> (accessed: 10.01.2016). (In Russian)
5. Best, K.-H. Ein Beitrag zur Fremdwortdiskussion. *Die deutsche Sprache in der Gegenwart. Festschrift f. Dieter Cherubim zum 60. Geburtstag*. Hrsg. St. Schierholz in Zusammenarb. mit E. Fobbe, St. Goes, R. J. Knirsch. Frankfurt/M. u. a.: Peter Lang, 2001, pp. 263–270.
6. Hofmann, M., Patrut, Iu.-K. *Einführung in die interkulturelle Literatur*. Darmstadt, WBG, 2015. 168 p.
7. Das Fremdwort — Lesenswertes und Interessantes. *Duden — Das Fremdwörterbuch*. Duden-Redaktion. Available at: <http://www.duden.de/sites/default/>

files/downloads/Duden_Das_Fremdwort_Lesenswertes_und_Interessantes (accessed: 10.01.2016).

8. Petrowskaja, K. *Vielleicht Esther. Geschichten*. Berlin, Suhrkamp, 2014. 285 p.

Елисеева Александра Владимировна

кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии СПбГУ
Адрес: Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9.

Alexandra V. Eliseeva

Doctor of Philological Sciences (PhD), Associate Professor of German Philology
Department, St. Petersburg State University

Address: 7–9, Universitetskaya emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation.

E-mail: eliseeva_alexan@mail.ru

ИСТОРИЧЕСКАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ НАИМЕНОВАНИЯ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ В СФЕРЕ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ТРАНСПОРТА

Ключевые слова: заимствование, развитие терминосистемы немецкого языка, историческая вариативность номинации.

В середине 2013 г. концерн Deutsche Bahn AG объявил о начале замены англицизмов немецкими лексемами как на уровне внутренних документов, так и в оформлении информации для внешних пользователей. Однако анализ Интернет-сайта Deutsche Bahn AG www.bahn.de демонстрирует, что данное намерение было воплощено в жизнь лишь частично. О незавершенности данного процесса говорят и публикации в таких Интернет-изданиях, как *FAZ*, *Bild*, *Welt-Online* и ряде других Интернет-версий федеральных немецких СМИ.

Вместе с тем следует отметить, что железная дорога Германии уже в XIX в. была одним из первых ведомств Германской империи, поставившим вопрос об «очищении» немецкого языка от заимствованных и иностранных лексем и стандартизации лексики на всей территории государства. Об этом свидетельствуют двуязычные глоссарии, издаваемые ведомством для своих сотрудников и представляющие сегодня значительный интерес для исследователей.

Цель настоящей статьи состоит в доказательстве существующей вариативности номинации в сфере железнодорожного транспорта и в выявлении ее причин. Для достижения этой цели предлагается анализ экзогенных и гибридных лексем, выделенных нами в лексикографическом материале и в текстах указанного сайта, а также определение их основных функций.

T. V. PONOMARIOVA, S. A. ZHILYUK
St. Petersburg State University

NOMINATION VARIATION IN THE DEVELOPMENT OF GERMAN RAILWAYS LANGUAGE

Keywords: loan word, development of German term system, development of nomination variation in history of German.

The article analyzes variation in use of endogenous and exogenous lexemes in texts of the German Railways (DB). Since the beginning of railway construction in Germany, endogenous terms had been widely used for its description which is proved by various lexicons (1858, 1862, 1883, 1903). Even penetration of English lexemes after WWII did not influence the lexicon of DB.

The event, which opened the track for English words into German railway texts, was World Football Cup 2006 in Germany. For facilitation of transportation English was used at the railways within Germany. Since 2006 a number of lexemes has been in use in German.

The article bases on the DB website (www.bahn.de) and provides examples of exogenous lexemes in railway texts. The analysis conducted by the authors highlights the functions of the exogenous lexemes and explains causes for using them notwithstanding a new policy of DB targeting to replace English lexemes with their German synonyms.

Системность, многофункциональность, вариативность языка признаются в настоящее время его фундаментальными свойствами. Важной составляющей любого языка является словарный состав и его количественное и качественное развитие во времени и в пространстве [1, с. 5]. Известный московский германист Г. Г. Ивлева отмечает, что одни элементы лексической системы в ходе времени утрачивают свое значение и выходят из употребления, другие лексемы активизируются, появляются новые, часто заимствованные элементы. Далее она совершенно справедливо утверждает, что «языковая система едина, а ее подсистемы предстают такими частями системы, которые тоже образованы из элементов, вступающих в определенные отношения с другими частями, это системы в системе более высокого порядка» [1, с. 6]. Одной из таких подсистем является терминологическая лексика железнодорожного транспорта. Настоящая статья призвана показать, как вариативность лексики проявляется в этой относительно новой подсистеме немецкого языка в ходе нескольких столетий на территории Германии.

Первая железная дорога в Германии, созданная в 1835 г., вела из Нюрнберга в Фюрт. В 1837–1839 гг. была построена дорога из Лейпцига в Дрезден. Через 10 лет сеть железных дорог составляла 7 826 км, а в 1877 г. — уже 30 464 км. С самого начала стало очевидным объединяющее значение железнодорожной сети. Несмотря на то, что первые железные дороги в германских землях были частными, они были схожи друг с другом и по техническому оснащению, и по использованию немецкого языка. Позднее к строительству железных дорог подключились государственные ведомства германских земель. Особое значение железная дорога имела для Германского таможенного союза, так как она упрочивала связи между землями и де-факто стирала границы между ними. Таким образом, поездка из Королевства Бавария в Пруссию ничем не отличалась от путешествия по одному и тому же государству еще до официального объединения Германии в 1871 г.

В словарях того времени можно обнаружить, что большинство лексем, связанных с железной дорогой, сначала имело немецкое происхождение. Экзогенные лексемы представлены чаще всего как дополнительный вариант основного способа номинации, например, *Auftritt — Perron, Behörde — Direktion, Fahrkarte/Quittung — Billette* [9, с. 519–520; 11, с. 57; 12, с. 75].

После образования в 1871 г. Германской империи, в состав которой вошли южные, центральные и северные земли, был поднят вопрос об унификации языка. Одним из инициаторов обсуждения единой орфографии и лексики был канцлер Германской империи О. фон Бисмарк — по его инициативе в 1876 г. была создана «Первая орфографическая конференция», а в 1901 г. были опубликованы единые правила немецкой орфографии (*Deutsche Bühnensprache*). Господствующей языковой тенденцией в Германии последней четверти XIX в. явилось «очищение» языка от инородных слов. Само разделение на *deutsch/heimisch* и *fremd* возникло за полвека до этого, в 1815 г. [4, с. 295–296]. Тогда государственные ведомства были обязаны использовать в документации и коммуникации почти исключительно немецкие лексемы. К сожалению, нам не удалось найти специальные глоссарии, которые были разработаны на основе решений подобных конференций для работников железных дорог [5, с. 360–361], однако в словарях конца XIX — начала XX вв. прослеживается тенденция употребления лексемы *Abteil* вместо *Coupe* и лексемы *Fahrschein* вместо *Passagierbillet*. Название профессии *Kondukteur*, до сих пор употребительное в Австрии и Швейцарии, в немецком языке было тогда же заменено на *Schaffner*. Лексема *Waggon* сузила свое значение, теперь она обозначает не любой, а только грузовой вагон. Данное положение подтверждается отрывками из аналогичных глоссариев, подготовленных для почтового ведомства: *analog — entsprechend, formulieren — abfassen, Magazin — Lager* и т. д.

Важную роль в укреплении пуристических взглядов на язык сыграл «Всеобщий германский языковой союз» (*der Allgemeine Deutsche Sprachverein — ADSV*), просуществовавший почти до Второй мировой войны. Одному из членов этого союза Эдуарду Энгелю принадлежит высказывание, которое характеризует обстановку, сложившуюся в Германии в пору бурного развития железных дорог: „*Ich halte die Welscherei in der Tat für geistigen Landesverrat*“ [Цит. по: 8, с. 65]. Таким образом, целью языковой политики конца

XIX — первой половины XX вв. было устранение вариативности номинации, даже периферийных ее вариантов, связанной с существованием экзогенных и гибридных лексем.

Своего рода «закрытость» немецкого языка была основной тенденцией его развития до окончания Второй мировой войны, когда армии, оккупировавшие Германию, принесли с собой и свои языки. Однако неологизмы, принесенные союзниками, не проникают в достаточно консервативный язык железнодорожников. Тем большее неудовольствие у носителей немецкого языка вызвало массовое внедрение заимствований в железнодорожную лексику перед Чемпионатом мира по футболу 2006 г., проводившимся в Германии.

Почему волна заимствований из английского языка практически не затронула немецкую железнодорожную лексику? По мнению Ф.Зайлера [7, с.1–11], причины заимствований делятся на две группы: исторические (превосходство языка победителей над языком побежденных) и психологические (то, что связано с кажущимся превосходством, например, мода на определенную страну, ее культуру и язык), причем к последним относится владение иностранными языками вследствие тесного общения с представителями других народов.

Учитывая данные причины в истории Германии после 1945 г., можно сделать вывод, что заимствования не проникают в язык железных дорог благодаря следующим факторам.

Несмотря на поражение Германии во Второй мировой войне, германские железные дороги по уровню своего научно-технического развития и по оснащению не отстают, а чаще превосходят железные дороги союзников.

Европа остается континентом независимых государств, а значит, большинство клиентов германских железных дорог — это рядовые немцы, не нуждающиеся в коммуникации на других языках.

Уровень образования работников германских железных дорог после 1945 г. едва ли предполагает профессиональное владение иностранными языками.

Вместе с тем технический прогресс и политические процессы в Европе способствовали тому, что пассажиру требовалось меньше времени, чтобы добраться из одного города Европы в другой, и это открыло новые возможности более тесного сближения стран. Начавшаяся евроинтеграция (с 1950-х годов), введение в действие Шенгенского соглашения (1995 г.) и единой европейской валю-

ты (2002 г.) поставили новые задачи перед железными дорогами стран — участниц Европейского союза. Благодаря расположению Германии в центре Европейского союза выросла ее роль как важного транспортного узла — увеличились пассажиропотоки крупных аэропортов. И именно железная дорога позволяет продолжить путешествие из крупного аэропорта до необходимой точки Европы. Многие высокоскоростные поезда следуют транзитом через несколько стран, состав пассажиров становится интернациональным, что обуславливает необходимость использования *lingua franca*.

Следующим фактором является наплыв большого количества мигрантов — мигранты из разных стран, особенно из Африки и Ближнего Востока, владеют, скорее, базовыми знаниями английского, а не немецкого языка. Таким образом, использование англицизмов в информационных сообщениях и объявлениях, равно как и на сайте германских железных дорог, вписывается в концепцию политической корректности и создания равных условий для всех жителей вне зависимости от их происхождения.

Описанная интернационализация немецкой железнодорожной лексики вписывается в общий контекст интернационализации языков, обусловленной распространением новых видов СМИ и коммуникации, более интенсивного обмена мнениями между специалистами различных областей знаний. Следовательно, происходит и постепенная интернационализация профессиональных языков, что неизбежно влечет за собой возникновение лексических вариантов.

Таким образом, немецкий язык железных дорог Германии подвергается воздействию с двух сторон: внешних факторов (интернационализация перевозок, интернациональный состав пассажиров и т. п.) и внутренних факторов (интернационализация инженерной железнодорожной технической терминологии), которые, казалось бы, должны привести к появлению многочисленных заимствований из английского языка.

Наибольшее количество англицизмов использовалось концерном DB в 2006 г., когда Германия принимала Чемпионат мира по футболу, причем концерн DB выступал спонсором мероприятия. Для облегчения передвижения зарубежных болельщиков между городами, где проходили игры чемпионата, немецкие железные дороги ввели в обращение значительное количество англицизмов. Несмотря на отсутствие полных материалов, например, скриншо-

тов сайта DB 2006–2008 гг., основываясь лишь на материалах СМИ, можно сделать вывод о переизбытке англицизмов в языке немецких железных дорог. Характерно высказывание британского журналиста: „*Ich war auf einer deutschen Bahnstation. Ich sage zwar „deutsch“, aber wenn die Würstchenstände und die Bretzelbuden nicht gewesen wären, hätte ich wohl geglaubt, ich wäre bei British Rail, nicht der Deutschen Bahn*“ [14, 15]. С 2013 г. немецкие СМИ неоднократно анонсируют намерение концерна DB отказаться от употребления англицизмов, в частности, об этом сообщают *Bild* [13], *FAZ* [17]: например, предлагается отказаться от употребления таких лексем и словосочетаний как *Call a Bike, Counter, Service Point*, etc. Вместе с тем текущая версия сайта www.bahn.de по-прежнему содержит значительное количество заимствований и гибридных лексем, употребляющихся параллельно эндогенным лексемам.

При анализе рассматриваемого сайта был использован метод сплошной выборки, позволяющий охватить максимальное количество экзогенных и гибридных лексем. Всего было выявлено 37 заимствованных и гибридных лексем.

В большинстве случаев заимствованные и гибридные лексемы используются для обозначения проездных документов: *die Bahn-Card, das Länder-Ticket, das Single-Ticket, die bahn.bonus-Card, das Schöner-Tag-Ticket, RAILPLUS (Karte)*, etc. Частотность их употребления на сайте www.bahn.de выше, чем у остальных перечисленных лексем, многие из которых встречаются по одному разу: *Ski Special, Winter-Highlights, Airline*, etc. Отметим, что частотные лексемы либо достаточно прочно закрепились в немецком языке: *Ticket*, см. *Duden-Online* [18], либо созвучны немецкой лексеме, обладающей схожим значением: *Card-Karte*.

Если рассмотреть их употребление в контексте, то можно сделать вывод, что в большинстве случаев лексемы, обозначающие названия продуктов (*Card, Ticket*), служат названиями разделов сайта. Поскольку структура сайта www.bahn.de предполагает, что каждый раздел посвящен определенному продукту или услуге, предлагаемой германскими железными дорогами, наиболее часто заимствования используются в заголовках, сообщающих об определенном продукте/услуге.

Анализ сайта показывает, что лексемы *Card* и *Karte* употребляются в сходном значении — проездной с ограниченным сроком действия (ср. *BahnCard* и *Monatskarte*). То же самое можно сказать

о лексических парах *Rail & Fly/Mit dem Zug zum Flug* и *Rail&Fly-Ticket/Rail&Fly-Fahrkarte*. В каждой из этих пар лексемы/словосочетания обладают одним и тем же значением, однако нередко употребляются совместно — таким образом, немецкая лексема/словосочетание раскрывает значение экзогенного элемента, что обуславливает вариативность номинации.

Если обратиться к форме отмеченных нами лексем, то следует отметить, что большинство из них являются заимствованными лексемами/словосочетаниями: *Winter Highlights, Flyer, Servicepoint, Internet Point, etc.* Ряд лексем относится к так называемым гибридным лексемам — т. е. лексемам, образованным из эндогенных и экзогенных словообразовательных элементов, например, *stressfrei, der Flexpreis, das City-Night-Line-Streckennetz, Ski Special, Flugticket, etc.* Следует подчеркнуть также возможность вариативной номинации с использованием только экзогенных элементов: *Rail&Fly-Ticket* и экзогенных и эндогенных элементов: *Rail&Fly-Fahrkarte*. При этом не был зафиксирован исключительно эндогенный способ номинации данного продукта, который мог бы выглядеть так: *Zug-und-Flug-Karte*.

Пользовательский сайт концерна DB состоит из нескольких разделов, основными из которых являются: *Angebotsberatung, Fahrplan & Buchung, Services, BahnCard, Geschäftsreisen, Urlaub*. Еще один раздел представляет личный кабинет клиента.

Из названий разделов сайта явствует, что они созданы для рекламы определенных «специальных предложений» концерна DB. Данное обстоятельство позволяет нам обратиться к анализу сайта как к анализу рекламного текста.

Когда мы говорим о рекламе, мы обычно подразумеваем некий письменный или устный текст, рекламирующий что-либо (продукт, товар, услугу и т. п.). Цель рекламного текста заключается в том, чтобы побудить человека выполнить определенное действие [3, с. 18].

Рекламный текст состоит из нескольких элементов, основными из которых являются **заголовок**: *Schlagzeile/Headline*, **собственно текст**: *Fließtext/Textbody*, **слоган**: *Slogan/Abbinde*.

Выделяемые некоторыми исследователями элементы, такие как логотипы: *Logo*, добавления: *Adds*, вставки: *Inserts* [6, с. 85], а также наименование продукта: *Produktname*, не рассматриваются в настоящей статье, будучи неактуальными в текстах исследуемого сайта.

Предлагается сосредоточить внимание на основных элементах, указанных выше, дополнив их еще одним типичным элементом именно для Интернет-сайта — **ссылкой**: *Link*. Дело в том, что текст ссылки на главной странице сайта www.bahn.de лексически не совпадает с заголовком страницы, которая открывается при переходе по этой ссылке. Например, по ссылке *Sixt Ski Special bis zu 20% Rabatt* открывается страница с заголовком *Mit Sixt kommen Sie zum Zug. Bis zu 20 % Rabatt + 250 bahn.bonus Punkte on top für Ihren Mietwagen* — текст ссылки и заголовок страницы содержат различные лексемы.

Выше уже указывалось, что значительная часть заимствованных и гибридных лексем встречается «вне контекста» — т. е. в текстах ссылок или заголовков. Это не удивительно: С. Куппер отмечает, что язык, играющий в рекламе особенно важную роль, должен оказывать максимальное воздействие, и поэтому в него зачастую включают иностранные лексемы [6, с. 81].

О'Халлоран указывает, что нередко употребление заимствованных лексем является следствием появления на рынке новых продуктов, которые заимствуются вместе с модным наименованием [2, с. 105]. В случае концерна DB можно предполагать заимствование маркетинговых продуктов из других языков. Если техническая оснащенность немецких железных дорог позволяла не заимствовать лексику, а использовать эндогенный слой, то в области маркетинга можно предположить влияние английских и других железнодорожных предприятий — однако данная мысль применительно к сайту DB остается в рамках настоящей статьи только гипотезой.

Рассмотрение интересующего нас сайта и распределение заимствованных и гибридных лексем по элементам рекламы позволяет говорить о том, что подобные лексемы в большинстве своем служат названиями продуктов и услуг, поэтому их использование в заголовках объясняется не только расчетом на привлечение внимания адресата. Так как название продукта или услуги должно быть запоминающимся, можно сделать и другой вывод, идущий вразрез с утверждением многих сторонников пуризма: названия, в которых употребляются заимствования, положительно воспринимаются носителями немецкого языка. В то же время те заголовки, которые содержат заимствования, нацелены в основном на молодых и активных людей: *Winter-Highlights, City Night Lines, die bahn-bonus Card, etc.*

Интересно, что согласно исследованию С. Куппер [6, с. 23], функции заголовков и заимствований в рекламном тексте совпадают, что позволяет де-факто ставить функциональный знак равенства между ними. Например, повышенная убедительность и усиленное воздействие: *Flexpreis*, повышенная точность: *IC Bus* и при этом использование многозначности: *Die bahn.bonus Card* (если с элементом *Card* все более или менее понятно, то что такое *bahn.bonus* пользователь может узнать, только перейдя по соответствующей ссылке), избегание тавтологии: варьирование *Rail & Fly* и *Mit dem Zug zum Flug*. Таким образом, заимствование является оптимальным средством выражения для заголовка.

Что касается собственно рекламных текстов: *Fließtext/Textbody*, то они содержат лишь единичные случаи употребления заимствований: в данном случае употребляются только те заимствования, значение которых понятно из контекста: *Mit dem Flexpreis flexibel reisen* или которые вошли в лексику немецкого языка, например, *Bordbistro*, *Bordgastronomie*. Если задача заголовка — привлечь внимание пользователя, то задача текста заключается в описании и рекламировании того или иного продукта/услуги, поэтому в тексте используются эндогенные лексемы, понятные носителям немецкого языка вне зависимости от их происхождения, образования и пр.

Что касается слоганов, то они практически не встречаются на рассматриваемом сайте — некоторые заголовки сами по себе сформулированы как слоганы, ср.: *Ohne Stau und ohne Vignette in das Land der Berge reisen*. С другой стороны, функцию привлечения внимания пользователя берет на себя и содержание ссылки: *Mit dem IC Bus bequem und günstig ans Ziel*.

Количественно примеры заимствованных и гибридных лексем распределяются следующим образом: 7 лексем употребляются в самих текстах, 6 лексем в текстах ссылок и 24 лексемы в заголовках.

Таким образом, при ретроспективном взгляде на развитие немецкой железнодорожной лексики с точки зрения ее этимологических характеристик, напрашивается временное разделение на два неравных периода: до и после 2000–2006 гг. Вариативность номинации в железнодорожной лексике до начала XXI в. остается минимальной и отмечается на раннем этапе становления железной дороги как явления повседневной жизни. При этом вариативность номинации сохраняет «подражательный» характер: используемые заимствования типа *Perron* имеют немецкие синонимы, со вре-

менем вытесняющие экзогенные элементы из железнодорожной речи. Значительную роль в этом играет законодательная деятельность Германской империи (1871–1918 гг.) и деятельность Всеобщего германского языкового союза, выступавшего за очищение немецкого языка от всякого рода вариативности, связанной с заимствованиями.

Современный период развития немецкой железнодорожной лексики определяется Чемпионатом мира по футболу 2006 г., так как большинство используемых сейчас заимствований попадают в язык концерна DB именно по случаю проведения мундиала в Германии. При этом следует отметить, что исследователь имеет дело с уникальным в своем роде процессом — заимствованием по случаю проведения определенного спортивного события. После него англицизмы постепенно занимают свою отдельную нишу, обусловленную их функцией — привлечением внимания (потенциального) клиента к той или иной услуге. Этим объясняется существующая, на первый взгляд, вопреки языковой стратегии концерна DB вариативность номинации в текстах исследуемого сайта. Заимствования и гибридные лексемы, совпадая по характеру воздействия на пользователя сайта с элементами рекламного текста, обеспечивают выполнение рекламных функций, в то время как эндогенные элементы уравнивают количество заимствований и обеспечивают понимание текста реципиентами любого возраста.

Литература

1. *Ивлева, Г. Г.* Тенденции развития слова и словарного состава (на материале немецкого языка). М.: Наука, 1986. 135 с.
2. *O'Halloran, E.* Ist Mode englisch? Französische und englische Einflüsse auf die deutsche Mode- und Gemeinsprache im 20. Jahrhundert. Frankfurt/M.: Peter Lang, 2002. 242 S.
3. *Janich, N.* Werbesprache. Ein Arbeitsbuch. Tübingen: Gunter Narr, 2010. 324 S.
4. *Kirkness, A.* Das Phänomen des Purismus in der Geschichte des Deutschen // Sprachgeschichte. Ein Handbuch zur Geschichte der deutschen Sprache und ihrer Erforschung, 2 Bde. Handbücher zur Sprach- und Kommunikationswissenschaft / Hrsg. W. Besch, O. Reichmann, S. Sonderegger. Berlin u.a.: Walter de Gruyter, 1984. S. 290–299.
5. *Kirkness, A.* Zur Sprachreinigung im Deutschen 1789–1871. Eine historische Dokumentation, 2 Bde. Tübingen: Gunter Narr, 1975. 342 S.

6. Kupper, S. Anglizismen in deutschen und französischen Werbeanzeigen. Zum Umgang von Deutschen und Franzosen mit Anglizismen. Marburg: Tectum, 2003. 273 S.
7. Seiler, F. Die Entwicklung der deutschen Kultur im Spiegel des deutschen Lehnworts. Bd. 1. Halle: Verlag der Buchhandlung des Weißenhauses, 1914. 265 S.
8. Stringer H. Anglizismen im Deutschen. Mannheim: Grin Verlag, 2013. 94 S.
9. Brockhaus' Conversations-Lexikon. Bd. 5. Leipzig, 1883. 954 S.
10. Deutsches Wörterbuch von Jakob Grimm und Wilhelm Grimm. B. 3. Leipzig: Verlag von S. Hirzel, 1862. 221 S.
11. Meyers Großes Konversations-Lexikon. Bd. 5. Leipzig; Wien, 1903. 635 S.
12. Pierer's Universal-Lexikon. Bd. 5. Altenburg: 1858. 682 S.
13. Aus für „Service-Point“, „Call a Bike“ und „Counter“. URL: <http://www.bild.de/politik/wirtschaft/aus-fuer-service-point-und-call-a-bike-11490288.bild.html> (дата обращения: 09.01.2016).
14. Briten Lachen über unser Bahner-Englisch. URL: <http://www.tz.de/welt/deutsche-bahn-anglizismen-briten-634363.html> (дата обращения: 28.12.2015).
15. Briten verwundert über deutsches Bahner-Englisch. URL: <http://www.welt.de/vermischtes/article6435255/Briten-verwundert-ueber-deutsches-Bahner-Englisch.html> (дата обращения: 09.01.2016).
16. Deutsche Bahn. URL: www.bahn.de (дата обращения: 09.01.2016).
17. Die Deutsche Bahn spricht wieder Deutsch. URL: <http://www.faz.net/aktuell/wirtschaft/unternehmen/neue-leitlinien-die-deutsche-bahn-spricht-wieder-deutsch-12241206.html> (дата обращения: 09.01.2016).
18. Duden-Online. URL: www.duden.de (дата обращения: 28.12.2015).

References

1. Ivleva, G.G. *Tendentsii razvitiia slova i slovarnogo sostava (na materiale nemetskogo iazyka)* [Trends in the development of the word and vocabulary (on the material of German Language)]. Moscow, Nauka Publ., 1986. 135 p. (In Russian)
2. O'Halloran, E. *Ist Mode englisch? Französische und englische Einflüsse auf die deutsche Mode- und Gemeinsprache im 20. Jahrhundert*. Frankfurt/M., Peter Lang, 2002. 242 p.
3. Janich, N. *Werbesprache. Ein Arbeitsbuch*. Tübingen, Gunter Narr, 2010. 324 p.
4. Kirkness, A. Das Phänomen des Purismus in der Geschichte des Deutschen. *Sprachgeschichte. Ein Handbuch zur Geschichte der deutschen Sprache und ihrer Erforschung*. 2 Bde. Hrsg. W. Besch, O. Reichmann, S. Sonderegger. Handbücher zur Sprach- und Kommunikationswissenschaft. Berlin u.a., Walter de Gruyter, 1984. 290–299 p.
5. Kirkness, A. *Zur Sprachreinigung im Deutschen 1789–1871. Eine historische Dokumentation*. 2 Bde. Tübingen, Gunter Narr, 1975. 342 p.

6. Kupper, S. *Anglizismen in deutschen und französischen Werbeanzeigen. Zum Umgang von Deutschen und Franzosen mit Anglizismen*. Marburg, Tectum, 2003. 273 p.
7. Seiler, F. *Die Entwicklung der deutsche Kultur im Spiegel des deutschen Lehnworts*. Bd. 1. Halle, Verlag der Buchhandlung des Weißenhauses, 1914. 265 p.
8. Stringer, H. *Anglizismen im Deutschen*. Mannheim, Grin Verlag, 2013. 94 p.
9. *Brockhaus' Conversations-Lexikon*. Bd. 5. Leipzig, 1883. 954 p.
10. *Deutsches Wörterbuch von Jakob Grimm und Wilhelm Grimm*. Bd. 3. Leipzig, Verlag von S. Hirzel, 1862. 221 p.
11. *Meyers Großes Konversations-Lexikon*. Bd. 5. Leipzig, Wien, 1903. 635 p.
12. *Pierer's Universal-Lexikon*. Bd. 5. Altenburg, 1858. 682 p.
13. *Ausfür „Service-Point“, „Call a Bike“ und „Counter“*. Available at: <http://www.bild.de/politik/wirtschaft/aus-fuer-service-point-und-call-a-bike-11490288.bild.html> (accessed: 09.01.2016).
14. *Briten Lachen über unser Bahner-Englisch*. Available at: <http://www.tz.de/welt/deutsche-bahn-anglizismen-briten-634363.html> (accessed: 28.12.2015).
15. *Briten verwundert über deutsches Bahner-Englisch*. Available at: <http://www.welt.de/vermischtes/article6435255/Briten-verwundert-ueber-deutsches-Bahner-Englisch.html> (accessed: 09.01.2016).
16. *Deutsche Bahn*. Available at: www.bahn.de (accessed: 09.01.2016).
17. *Die Deutsche Bahn spricht wieder Deutsch*. Available at: <http://www.faz.net/aktuell/wirtschaft/unternehmen/neue-leitlinien-die-deutsche-bahn-spricht-wieder-deutsch-12241206.html> (accessed: 09.01.2016).
18. *Duden-Online*. Available at: www.duden.de (accessed: 28.12.2015).

Пономарева Татьяна Витальевна

кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии СПбГУ
 Адрес: Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9.

Tatyana V. Ponomarova

Doctor of Philological Sciences (PhD), Associate Professor of German Philology
 Department, St. Petersburg State University
 Address: 7–9, Universitetskaya emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation.
 E-mail: tania54@inbox.ru

Жилюк Сергей Александрович

кандидат филологических наук, ассистент кафедры немецкого языка СПбГУ
 Адрес: Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9.

Sergei A. Zhiliuk

Doctor of Philological Sciences (PhD), Assistant Professor of German Philology
 Department, St. Petersburg State University
 Address: 7–9, Universitetskaya emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation.
 E-mail: s.a.jiluck@gmail.com

КРУГОВОРОТ ЭВФЕМИЗМОВ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Ключевые слова: эвфемизм, дисфемизм, пейоративная окраска, негативная/позитивная коннотация, константная характеристика языка.

Американский психолог Стивен Пинкер (Steven Pinker) сформулировал понятие *euphemism treadmill* (dt. *Euphemismus Tretmühle*). Он исходит из того, что со временем любой эвфемизм принимает все негативные ассоциации того слова, которое он заменяет. Согласно его теории примарными являются не слова, как вариативные эвфемистические обозначения, а понятия. Если примарные понятия имеют негативные коннотации, то это переносится на вторичные обозначения. Это явление характерно и для немецкого языка. Одним из многочисленных примеров может служить цепочка эвфемизмов, обозначающих людей с физическими недостатками: *Krüppel* — *Invalide* — *Behinderter*. Лингвисты отмечают, что теперь и слово *Behinderter*, пришедшее из медицинского профессионального жаргона, воспринимается как оскорбительное.

Предлагаются новые эвфемизмы: „Mensch mit Behinderung“, „Mensch mit besonderen Bedürfnissen“. В 2013 г. „die deutsche Armutskonferenz“ опубликовала „Liste der sozialen Unwörter“ из 23 слов, нежелательных для использования. Сюда вошли даже такие слова как *alleinerziehend*, *arbeitslos*, *bildungsferne Schichten*, *illegale*, *sozial schwach*, *Wirtschaftsflüchtlinge*. Эвфемизмы в списке не предложены, но очевидно, что их круговорот продолжится.

V. P. ZEMSKOVA

St. Petersburg State University

CIRCULATION OF EUPHEMISMS IN GERMAN LANGUAGE

Keywords: euphemism, dysphemism, pejorative, negative/positive connotation, constant feature of language.

An American psychologist Steven Pinker has formulated a concept of euphemism treadmill (germ. *Euphemismus Tretmühle*). He assumes that eventually every euphemism adopts all negative associations of the word that it stands for. According to his theory the concepts themselves are primary, but not the words as variative euphemistic naming units. If primary concepts have negative connotations, they spread over secondary naming units.

This phenomenon is also typical of the German language. One of the numerous examples is a row of euphemisms regarding to people having corporal defects: *Krüppel* — *Invalide* — *Behinderter*. Linguists point that the word *Behinderter* originated from medical technical language also counts as pejorative now. New euphemisms are proposed: „Mensch mit Behinderung“, „Mensch mit besonderen Bedürfnissen“. 2013 „die deutsche Armutskonferenz“ published „Liste der sozialen Unwörter“ from 23 words unwelcomed to use in communication. Even such words as *alleinerziehend*, *arbeitslos*, *bildungsferne Schichten*, *illegale*, *sozial schwach*, *Wirtschaftsflüchtlinge* were

included. Euphemisms were not proposed in the list, but it is obvious that their circulation is going on.

Характерной чертой любого языка является наличие в нем эвфемизмов. Эвфемизмы — это эмоционально нейтральные слова или выражения, употребляемые вместо синонимичных им слов или выражений, представляющих говорящему неприличными, грубыми или нетактичными.

Эвфемизму противопоставляется дисфемизм — замена эмоционально и стилистически нейтрального слова более грубым, пренебрежительным [1].

Американский психолог Стивен Пинкер (Steven Pinker) сформулировал понятие *euphemism treadmill* (dt. *Euphemismus Tretmühle* / ступенчатое колесо эвфемизмов) [9]. Он исходит из того, что любой эвфемизм со временем принимает все негативные коннотации того слова, которое он заменяет, пока не изменится фактическое положение дел. Причиной этого является то, что в сознании человека первичным является само понятие, а вариативные эвфемистические его обозначения вторичны. В связи с этим и происходит перенос негативной коннотации с первичного (понятия) на вторичное (его обозначение). Это явление характерно и для немецкого языка, в котором эвфемизмы используются очень широко. Так, в послевоенное время в немецком языке было две волны появления огромного количества эвфемизмов. Первая была связана с поражением национал-социалистского режима и в буквальном смысле слова изгнанием из немецкого языка целого пласта лексики, которой злоупотребляли нацисты. Такие слова как *Vaterland*, *Volk* уступили место нейтральным синонимам *Heimat*, *Bevölkerung*. Отголоски этой первой волны действуют до сих пор. Так, в 1991 г. слово “*ausländerfrei*” было названо “*Unwort des Jahres*” («Антислово года») [10]. Это слово в 1991 г. правые радикалы города Хойерсверда (*Hoyerswerda*) использовали как лозунг против иностранных мигрантов, приезжающих в Германию. Хотя слово *Ausländer* и полусуффикс *-frei* никаких негативных коннотаций не имеют, но в сочетании друг с другом вызывают негативные ассоциации со словом “*judenfrei*”.

В 60-е годы прошлого века стремление к политкорректности вызвало новую волну эвфемизмов в немецком языке, которая имеет тенденцию к усилению. При Институте имени Гёте в 1991 г. было

создано специальное жюри “Unwort-Juri”, которое призывает всех говорящих на немецком языке в Германии и за границей предлагать свой вариант для выявления “Unwort des jeweiligen Jahres” («Антислово соответствующего года»). (Примечание: в современных немецко-русских словарях это слово отсутствует, но в статьях, посвященных этой теме в Яндексе, оно переводится как «слово-урод» или «антислово», немецко-русский словарь в интернете [2] переводит его как «неприемлемое слово».) Словарь Duden дает следующее толкование этого слова: Unwort: 1) schlecht, falsch gebildetes, unschönes Wort; 2) schlimmes, unangebrachtes Wort [4].

Понятие „Unwort“ — это не изобретение нашего времени. Это слово есть уже в словаре братьев Гримм, где оно датируется 1473 г. [3]. Его семантика определяется следующим образом: «böses, beleidigendes wort; ein wort, das es nicht gibt.., das es nicht geben sollte, verwerfliches wort». Однако со времен братьев Гримм и до наших дней ничего не изменилось. Такие слова есть, это константная черта любого языка, такой же константной чертой является создание эвфемизмов для замены нежелательных слов.

Зигрид Лухтенберг [7] выделяет следующие группы тематических сфер, где широко используются эвфемизмы:

1. Политика (Politischer Sprachgebrauch)
2. Экономика (Ökonomischer Sprachgebrauch)
3. Общественная жизнь (Gesellschaftlicher Sprachgebrauch)
4. Религия (Religion)
5. Смерть (Tod)
6. Духовно-психическая сфера (Geistig-psychischer Bereich)
7. Телесная сфера (Körperlicher Bereich)
8. Алкоголь (Alkohol).

Если проследить процесс появления и закрепления эвфемизмов в речи в диахроническом срезе, то мы увидим, что раньше этот процесс мог длиться века, а сейчас он развивается в течение небольшого количества лет. Например, слово “Weib” первоначально было парным понятием к слову “Mann” и обозначало лицо женского пола независимо от сословия. Затем использование этого слова ограничилось обозначением замужней женщины низших слоев общества, а *frouwe* (Frau) называли представительниц дворянства [8]. И всё же парное соответствие *Mann* — *Weib* сохраняется в немецком языке вплоть до XIX в., например в опере Моцарта «Волшебная флейта»: “Mann und Weib und Weib und Mann reichen an die Gott-

heit an". Сегодня это слово почти не используется и считается уничижительным "dummes Weib", "Weiberkram" [11]. В течение XIX в. из французского языка заимствуется придворное уважительное обозначение *Dame* для представительниц высшего общества, а слово *Frau* остается как общеупотребительное. В наши дни некоторые феминистки требуют, чтобы женщин называли не *Frau*, а *Dame*.

Сегодня процессы эвфемизации происходят очень быстро. Человек в течение своей жизни может наблюдать появление целых цепочек вытесняющих друг друга эвфемизмов. Одним из многочисленных примеров этому является цепочка эвфемизмов, называющих людей с физическими недостатками, *Krüppel* — *Invalide* — *Behinderter* и далее. Сейчас слово *Krüppel* используется в речи только как пейоративное, сменивший его эвфемизм *Invalide*, заимствованный из французского языка, сохранился в официальном письменном языке в составе сложных или производных слов, например, *Invalidenrente*, *Invalidisierung*. На смену этим словам из медицинского профессионального жаргона пришел эвфемизм *Behinderter*, который, просуществовав пару десятков лет, сейчас воспринимается как оскорбительное обозначение. Предлагаются новые эвфемизмы: *Mensch mit Behinderung*, *Mensch mit besonderen Bedürfnissen*, *körperlich oder geistig herausgefordert* [11].

Среди других социально значимых слов следует назвать обозначения мигрантов и некоторых национальностей. Слова *Migrant* и пришедший ему на смену эвфемизм *Person mit Migrationshintergrund* были введены, так как слова *Ausländer* или *Gastarbeiter* стали восприниматься как уничижительные. Но очень быстро выражение *Migrationshintergrund* тоже приобрело отрицательную коннотацию, так как оно использовалось в официальных сообщениях в связи с негативными явлениями. Сейчас ведутся дискуссии об альтернативных названиях. В частности, «Конференция по проблемам бедности в Германии» (*Die deutsche Armutskonferenz*), состоявшаяся в 2013 г., составила и опубликовала *Liste "der sozialen Unwörter"* («Список социальных антислов»), в который включены такие нежелательные в употреблении слова, как *Person mit Migrationshintergrund*, *arbeitslos*, *alleinerziehend*, *illegale*, *Wirtschaftsflüchtlinge* и др., всего 23 слова [6].

Из соображений политкорректности в современном немецком языке не используются слова *Neger*, *Zigeuner*, хотя остались некоторые сложные слова: *Zigeunerschnitzel*, *Zigeunerromantik*. Самих же

цыган в прессе обычно называют Sinti und Roma, иногда Rotations-europäer, в официальной документации используется сокращение “MEM” (Mobile Ethnische Minderheit) [11]. Из сферы торговли изгоняются такие названия, которые можно интерпретировать как расистские, например *Negerbrot* (австрийский продукт из шоколада и арахиса), вместо *Mohr im Hemd* используются названия *Schokopurpf* или *Kakaopurpf*, вместо *Negerkuss* используется название *Schokokuss*. Как отмечает Йорг Килиан [5], многие современные немецкие словари вообще не включают слово *Negerkuss*, хотя в поисковике Google на него есть 23 900 ссылок, в то время как на включенное в словарь слово *Schokokuss* есть только 6760 ссылок, причем многие из них являются эротическими предложениями, что не делает это слово лучше или правильнее.

Очень широко используются эвфемизмы в экономической сфере. Вместо *Entlassung* говорят *Freisetzung*, потому что имеющее позитивную коннотацию слово *frei* позволяет избежать негативной коннотации глагола *entlassen*. Вместо *Preiserhöhung* используются эвфемизмы *Anpassen von Preisen* или *Preiskorrektur*. Слово *billig* в сфере торговли вытеснили эвфемизмы (*preis*)*günstig*, *preiswert* [5].

В экономической сфере эвфемизмы часто используются для обозначения профессий, особенно если речь идет о персонале, выполняющем непрестижную, малоквалифицированную работу. Здесь очень часто используются английские слова, например *Manager*. Использование таких названий как *Sales Manager* вместо *Verkaufsleiter*, *Key Account Manager* вместо *Großkundenbetreuer* демонстрирует интернациональные связи и значимость предприятия.

Но не только в экономике и политике, а также и в бытовой сфере использование английских слов повышает оценку высказывания. Уже одно только произнесение английского слова *club* вместо *Klub*, или использование слова *event* вместо *Veranstaltung* выставляет называемое явление в лучшем свете. Слово *Flyer* звучит более современно, чем *Flugblatt*, или *City* вместо *Innenstadt*. Эвфемистический эффект достигается иногда не только путем использования другого слова, а с помощью орфографии. При этом довольно часто буквы K или Z заменяются на C, например *Centrum*, *Circus*, *Cigarette*, *Erotic*, *Cosmetik* вместо *Zentrum*, *Zirkus*, *Zigarette*, *Erotik*, *Kosmetik*.

Антонимом эвфемизма является дисфемизм, когда нейтральное слово заменяется словом с пейоративной окраской [1]. Если эвфемизмы со временем приобретают негативную коннотацию

своих предшественников, то дисфемизмы, хотя значительно реже, могут приобрести позитивную коннотацию, т.е. возникает необходимость поиска нового названия с негативной коннотацией. Например “Schwuler” первоначально было ругательным словом для обозначения гомосексуалистов, но сегодня оно сознательно используется сторонниками *Schwulen-Bewegung* как позитивно нагруженное самообозначение, теперь его негативная коннотация перешла на слово *Homosexueller*, особенно в его краткой форме *Homo* [11]. Прилагательное *geil* до начала 1980-х годов использовалось в чисто сексуальном значении с негативной коннотацией, но затем в языке молодежи оно приобрело позитивную коннотацию и получило значение высшей оценки, сегодня оно является синонимом словам *super*, *fantastisch*, *toll* [8]. Переосмысление слова *toll* является более ранним примером этого же процесса. Первоначально оно имело значение *verrückt*, *irre*, но уже давно используется с позитивной коннотацией в значении *super*, *Spitze*, *geil* [8].

Таким образом, мы видим, что феномен поиска эвфемизмов и в значительно меньшей степени дисфемизмов является константной характеристикой немецкого языка. Эвфемизмы используются главным образом в публичном пространстве по разным мотивам, чаще всего для того, чтобы не нарушать существующие социальные нормы и табу, пощадить чувства людей, повысить их самооценку и т.д.

Литература

1. Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 590.
2. Немецко-русский словарь. URL: [www dict.cc](http://www.dict.cc) (дата обращения: 21.01.2016).
3. Deutsches Wörterbuch von Jacob Grimm und Wilhelm Grimm. URL: dwb.uni-trier.de (дата обращения: 21.01.2016).
4. Duden. Das große Wörterbuch der deutschen Sprache. URL: www.duden.de (дата обращения: 21.01.2016).
5. *Kilian, J.* Gute Wörter kommen ins Wörterbuch — böse überallhin. Konzepte und Defizite einer kritischen Semantik in der deutschen Lexikographie. In [www Adobe Reader](http://www.AdobeReader.com). S. 113–114.
6. Liste der sozialen Unwörter // Deutsche Wirtschafts Nachrichten. 26.02.2013.
7. *Luchtenberg, S.* Euphemismen im heutigen Deutsch. Frankfurt/M.: Peter Lang, 1985. S. 79.

8. Paul, H. Deutsches Wörterbuch. Niemeyer. 9. Aufl. Braunschweig: Max Niemeyer, 1992. S. 326, 890.
9. Pinker, St. Das unbeschriebene Blatt. Die moderne Leugnung der menschlichen Natur. Berlin: Berlin-Verlag, 2003. S. 298–300.
10. Unwörter von 1991–1999-Unwort des Jahres. URL: www.unwortdesjahres.net/index.php?id=4 (дата обращения: 21.01.2016).
11. Wikipedia. Die freie deutsche Enzyklopädie — Euphemismus-Tretmühle.

References

1. *Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar'*. Moscow, Sovetskaia entsiklopediia, 1990, p. 590. (In Russian)
2. *Nemetsko-russkii slovar'*. Available at: [www dict.cc](http://www.dict.cc) (accessed: 21.01.2016) (In Russian)
3. *Deutsches Wörterbuch von Jacob Grimm und Wilhelm Grimm*. Available at: dwb.uni-trier.de (accessed: 21.01.2016)
4. *Duden. Das große Wörterbuch der deutschen Sprache*. Available at: www.duden.de (accessed: 21.01.2016)
5. Kilian, J. *Gute Wörter kommen ins Wörterbuch — böse überallhin. Konzepte und Defizite einer kritischen Semantik in der deutschen Lexikographie*. In [www Adobe Reader](http://www.adobe.com), pp. 113–114.
6. Liste der sozialen Unwörter. *Deutsche Wirtschafts Nachrichten*. 26.02.2013.
7. Luchtenberg S. *Euphemismen im heutigen Deutsch*. Frankfurt/M., Peter Lang, 1985, p. 79.
8. Paul, H. Deutsches Wörterbuch. 9. Aufl. Braunschweig, Max Niemeyer, 1992. pp. 326, 890.
9. Pinker, St. *Das unbeschriebene Blatt. Die moderne Leugnung der menschlichen Natur*. Berlin, Berlin-Verlag, 2003, pp. 298–300.
10. *Unwörter von 1991–1999-Unwort des Jahres*. Available at: www.unwortdesjahres.net/index.php?id=4 (accessed: 21.01.2016).
11. *Wikipedia*. Die freie deutsche Enzyklopädie — Euphemismus-Tretmühle.

Земскова Валентина Петровна

ст. преподаватель кафедры немецкой филологии СПбГУ

Адрес: Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9.

Valentina P. Zemskova

Senior teacher of German Philology Department, St. Petersburg State University

Address: 7–9, Universitetskaya emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation.

E-mail: vzemskova@rambler.ru

ВАРИАНТНОСТЬ НЕМЕЦКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ СПЕЦИАЛЬНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

Ключевые слова: немецкая фразеология, вариантность фразеологических единиц, внутренняя форма фразеологизмов, профессиональная коммуникация, детерминологизация фразеологизмов.

В статье рассматриваются вопросы вариантности немецких фразеологических единиц, образованных путём детерминологизации. Речь идёт о формальной и семантической, лексической, морфологической и региональной вариантности. Исследование выполнено на материале словарей и корпусов.

Е. А. KOVTUNOVA

St. Petersburg State University

THE VARIABILITY OF GERMAN PHRASEOLOGICAL UNITS OF A SPECIAL ORIGIN

Keywords: German phraseology, variation of phraseological units, the internal form of phraseological units, professional communication, determinologization of idioms.

The article discusses the questions of variation in the German phraseological units formed by determinologization. We are talking about formal and semantic, lexical, morphological and regional variations. The study is based on dictionaries and corpora.

Фразеологические единицы (ФЕ) специального происхождения, которые стали достоянием общелитературного немецкого языка, образуют достаточно репрезентативную группу. Детерминологизации и фразеологизации подвергаются «немецкие устойчивые словесные комплексы из непрофессиональных, традиционно-профессиональных, а также относительно новых профессиональных областей, которые в общем можно назвать специальными» [4, с. 47].

Будучи единицами языка, ФЕ обнаруживают присущие языковым единицам свойства, в число которых входит и вариантность. В нашей статье мы рассмотрим некоторые вопросы, связанные с вариативностью немецких ФЕ, образованных путём деспециализации.

Вариантность является одним из проявлений относительности такого ключевого фразеологического признака, как устойчивость.

Современные исследования в области фразеологии немецкого языка указывают на то, что абсолютной лексической устойчивостью обладают лишь немногие ФЕ (например ФЕ с уникальным компонентом). Большинство ФЕ немецкого языка может иметь различные варианты (фразеологическая вариантность) либо изменяться при употреблении (фразеологические модификации) [5, с. 25]. В отличие от модификаций или трансформаций, фразеологические варианты лексикографически фиксируются. Данные явления противопоставляются как окказиональное и узуальное. Наше исследование касается только узуальных вариантов ФЕ специального происхождения.

Вариантность невозможно рассматривать вне такого смежного явления, как синонимия. О необходимости отграничения фразеологических синонимов и вариантов речь идет во многих работах по фразеологии. Так, В. П. Жуков пишет о важной роли внутренней формы. Если при замене одного компонента ФЕ другим меняется внутренняя форма, то возникают фразеологические синонимы. Если же замена компонента не ведёт к нарушению семантического единства ФЕ и к изменению образного представления (внутренней формы), то мы имеем дело с фразеологической вариантностью [3]. Следует сказать, что фразеологические варианты обычно кодифицируются в одной и той же словарной статье, что подтверждает и наше исследование [6; 8; 9].

Некоторые фразеологи предлагают различать вариантность компонентов ФЕ семантическую, с одной стороны, и вариантность внутри самих компонентов ФЕ — формальную или морфологическую, которая проявляется, например, как видоизменение падежной формы — с другой [2, с. 59].

Ю. М. Булаш под формальной вариантностью понимает «некоторое расхождение в фонетическом, грамматическом и словообразовательном оформлении семантически тождественных фразеологизмов» [1, с. 311].

Если следовать классификации В. Фляйшера, то для немецких ФЕ наиболее характерны три типа вариантности: морфологическое или синтаксическое (структурное) изменение, лексическая замена компонентов и расширение или редукция компонентного состава ФЕ [10, с. 205–213]. В нашем материале были обнаружены случаи структурного, лексического варьирования компонентов, а также их комбинации.

Сначала рассмотрим лексическую вариантность, когда один из компонентов ФЕ может быть заменён на другой.

ФЕ (1) *jemandem, einander/sich [gegenseitig] die Bälle **zuspielen/zuwerfen**,*

которая первоначально употреблялась в специальной области спорта, имеет общеязыковое (нетерминологическое) фразеологическое значение 'sich begünstigen, sich Vorteile verschaffen; jemanden, einander, sich [im Gespräch durch Fragen, Bemerkungen] geschickt verständigen, unterstützen' [8]. Лексическое варьирование обнаруживает глагольный компонент ФЕ *zuspielen/zuwerfen*. Легко заметить, что глаголы, от которых образованы варьируемые компоненты ФЕ, имеют общие семантические признаки, указывающие на синонимические отношения.

По мнению В. П. Жукова, явление вариантности присуще преимущественно именно таким ФЕ, в составе которых варьируемые компоненты образованы от слов, находящихся между собой в отношениях синонимии. Такие слова имеют семантическое сходство, принадлежат к одной и той же части речи и являются лексическими синонимами [3].

Следующие примеры ФЕ специального происхождения демонстрируют аналогичное лексическое варьирование глагольных компонентов:

ФЕ (2) из области охоты *jmdm. auf den Leim **gehen/kriechen*** 'umgangssprachlich: auf jemanden, jemandes Tricks hereinfliegen; sich hereinlegen lassen' [9];

ФЕ (3) из области охоты *jmdn. auf den Leim **führen/locken*** 'umgangssprachlich: überlisten' [8];

ФЕ (4) из игровой терминологии *jmdm den Schwarzen Peter **zuschieben/zuspielen*** 'etwas Unangenehmes (von sich) auf einen anderen abwälzen' [8];

ФЕ (5) из области спорта *in den Ring **klettern/steigen*** 'sich an einer Auseinandersetzung (öffentlich) beteiligen' [8];

ФЕ (6) из военной области *etw. von der Pike auf **lernen/studieren*** 'eine Ausbildung von der untersten Stufe beginnen, einen Beruf von Grund auf erlernen' [9].

Как показал анализ, обычно в словарных статьях содержатся пары лексических вариантов компонентов ФЕ, и все приведённые выше примеры имеют по два чередующихся глагольных компонента. Однако нам встретился фразеологизм из сферы охоты, где в словарной статье зафиксированы сразу три варианта.

ФЕ (7) *Wind von etwas bekommen/kriegen/haben* 'von etwas, was eigentlich unbemerkt bleiben, nicht bekannt werden sollte, auf irgendeine Weise doch Kenntnis erhalten' [9].

Лексическое варьирование субстантивных компонентов, широко представленное в немецкой фразеологии, в нашем материале не обнаружено. Причина заключается, по всей вероятности, в том, что субстантивный компонент играет важную роль в формировании внутренней формы ФЕ специального происхождения, а также в обеспечении семантического единства ФЕ. Именно исходные существительные, которые, как правило, принадлежат и какой-то специальной области, и общенациональному языку, становясь компонентом ФЕ, образуют семантический центр детерминированных ФЕ. Их замена привела бы к изменению внутренней формы, нарушению семантической целостности и к фиксации в разных словарных статьях, что уже указывает на синонимию (как, например, у ФЕ *sich in die Ruder legen* и *sich in die Riemen legen* [8]).

Рассмотрим далее некоторые случаи формального варьирования компонентов в составе ФЕ специального происхождения в словарном представлении.

В составе

ФЕ (8) *die/seine Fahne nach dem Wind drehen* 'sich der jeweils herrschenden Meinung anschließen' [9],

которая, вероятно, происходит из военной сферы, может чередоваться употреблением определённого артикля и притяжательного местоимения перед субстантивным компонентом *Fahne*.

К сфере экономики (банковского дела) восходит

ФЕ (9) *auf jemandes Konto, auf das Konto einer Sache gehen/kommen*

с коллоквиальным значением 'jemandem, einer Sache zuzuschreiben sein; für etwas verantwortlich sein; jmds. Verdienst oder Schuld sein' [9]. Здесь мы также имеем дело с морфологическим варьированием

аналогичного типа, когда один вариант ФЕ имеет в своём составе определённый артикль, другой может содержать притяжательное местоимение. Одновременно та же ФЕ может служить примером лексического варьирования, так как обнаруживает чередование глаголов с семантикой движения *gehen/kommen*.

К структурной вариантности можно отнести примеры варьирования сочетаемости. Так, из специальной области пивоварения

ФЕ (10) *bei/(seltener:) an jemandem ist Hopfen und Malz verloren*

с коллоквиальным значением ‘*bei jemandem ist alle Mühe umsonst, jemand ist nicht zu bessern*’ имеет варианты с предлогами *bei* и *an*. При этом разница в частотности употребления фиксируется словарём Duden [8; 9], в то время как, например, ресурс DWDS даёт два равноправных варианта: *übertragen bei, an ihm ist Hopfen und Malz verloren (er ist nicht mehr zu bessern)* [6]. В «Немецком словаре» Гриммов упоминается только вариант с предлогом *an*: ‘Sprichwort, an die bierbereitung anlehnd: es ist doch hopf und malz an ihm verloren. Ernst gemütsertgetzlichkeiten 595’ [7]. Далее в словаре Гриммов приводятся три цитаты. В двух примерах устойчивое выражение употребляется с предлогом *an*, в одном — в редуцированной форме, без указания на предложный объект, но здесь мы имеем дело скорее с трансформациями или модификациями ФЕ, а не с вариантами.

Частным случаем варьирования сочетаемости можно считать варьирование у возможных актантов ФЕ признака одушевлённости/неодушевлённости, который в лексикографических источниках обычно фиксируется как вариантность неопределённых местоимений *etwas, jemand*. Следующие ФЕ могут относиться как к одушевлённому, так и к неодушевлённому актанту:

ФЕ (11) из области мореплавания [*vor jemandem, etwas*] *die Segel streichen* ‘gehoben: den Kampf, den Widerstand [gegen **jemanden, etwas**] aufgeben’ [8];

ФЕ (12) из военной сферы *eine Attacke gegen jmdn., gegen etwas reiten* ‘sich scharf gegen jemanden, etwas wenden’ [8];

ФЕ (13) из сферы охоты *jmdn./etwas aufs Korn nehmen* ‘umgangssprachlich: jemanden mit bestimmter [feindlicher] Absicht ständig beobachten; etwas heftig kritisieren, angreifen; gegen etwas polemisieren’ [8];

ФЕ (14) из области юриспруденции *den Stab über jemanden, etwas brechen* 'gehoben: jemanden, etwas moralisch verurteilen, verdammen' [9].

В следующих примерах на неодушевлённость указывает лексема Sache:

ФЕ (15) из области охоты *jmdm., einer Sache auf die Spur kommen* 'herausfinden, was es mit einer Sache auf sich hat; etwas aufdecken' [9];

ФЕ (16) из сферы экономики (банковского дела) *auf jemandes Konto, auf das Konto einer Sache gehen/kommen* 'umgangssprachlich: jemandem, einer Sache zuzuschreiben sein; für etwas verantwortlich sein; jmds. Verdienst oder Schuld sein' [9].

Приведённые выше примеры вариантов ФЕ нельзя считать сугубо формальными. Безусловно, в таких случаях мы можем говорить и о семантическом варьировании, которое учитывается при лексикографической фиксации и семантизации ФЕ, что видно из соответствующих дефиниций.

ФЕ с варьированием звуковой формы одного из компонентов дополняют случаи формального варьирования. В нашем материале фонетическое варьирование представлено в восходящей к сфере мореплавания

ФЕ (17) *auf dem Trock[e]nen sitzen/sein*,

которая фиксируется в трёх значениях: 'nicht mehr weiterkommen, festsitzen und keine Lösung finden, besonders aus finanziellen Gründen in Verlegenheit, handlungsunfähig sein, *scherzhaft*: vor einem leeren Glas sitzen, nichts mehr zu trinken haben' [8]. Здесь вершинный компонент имеет полный и редуцированный варианты, что отражено в словаре. Фонетическое варьирование в данном примере снова комбинируется с лексическим типом (компоненты *sitzen/sein*).

Кроме названных типов структурных фразеологических вариантов, в нашем материале имеется пример графического варьирования компонентов ФЕ:

ФЕ (18) из области спорта *den Ball flach halten/ flachhalten* 'umgangssprachlich: sich zurückhalten, kein unnötiges Risiko eingehen' [8].

Раздельный вариант написания является рекомендуемым, хотя допускается слитное написание. Здесь варьирование согласуется с новыми правилами немецкой орфографии [12].

Наконец, следует сказать о лексикографически зафиксированных региональных вариантах ФЕ. Так,

ФЕ (19) *etwas **auf dem***/(*bayrisch, österreichisch auch:*) **am Kerbholz haben** ‘umgangssprachlich: etwas Unerlaubtes, Unrechtes, eine Straftat o. Ä. begangen haben’ [8], восходящая к сфере юриспруденции, сочетает варьирование сочетаемости и регионального употребления.

Просмотровой корпусный анализ употребления вариантов данной ФЕ показал, что южнонемецкий вариант *etwas **am Kerbholz haben*** употребляется в десять раз чаще, чем вариант *etwas **auf dem Kerbholz haben***. Кроме того, при употреблении варианта *etwas **auf dem Kerbholz haben*** отсутствует артикль.

„*Es könnte sein, dass die Männer noch mehr Straftaten **am Kerbholz haben***“, erklärt ein Ermittler (*Niederösterreichische Nachrichten 2012/MAI.00686*).

*Festgenommene Verdächtige **haben** einiges **auf Kerbholz** — Jede Menge Diebesgut in der Wohnung* (*Rhein-Zeitung 2003 AUG.02577*) [11].

Наше исследование показало, что вариантность широко распространена среди немецких детерминологизированных ФЕ. Все изученные ФЕ обнаруживают семантическую целостность, несмотря на наличие вариантов. В дальнейшем более детальный корпусный анализ мог бы значительно дополнить данные об особенностях фразеологической вариантности.

Литература

1. Булаш, Ю.М. Формальные варианты субстандартных фразеологических единиц // Фразеологизм в тексте и текст во фразеологизме (Четвёртые Жуковские чтения): Мат. междунар. симп / отв. ред. В.И. Макаров. Новгород им. Ярослава Мудрого. Великий Новгород, 2009. С. 311–314.

2. Дешеулина, Л.Н. Падежная вариантность в устойчивых оборотах // Фразеология в прошлом и настоящем: Мат. XXXVII Междунар. филол. конф. Факультет филологии и искусств СПбГУ (11–15 марта 2008 г). С.-Петербург-Грайфсвальд: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009. С. 59–63.

3. Жуков, В.П. Фразеологическая синонимия и словарь фразеологических синонимов // Жуков, В.П., Сидоренко, М.И., Шкляр, В.Т. Словарь фразеологических синонимов русского языка / под ред. В.П.Жукова. М.: Русский язык, 1987. 448 с.
4. Ковтунова Е.А. О специальных сферах — источниках немецких фразеологизмов // Международный научно-исследовательский журнал. Сборник по результатам XLI заочной научной конференции International Research Journal. 2015. № 7 (38), ч.4, Август. Екатеринбург, 2015. С.45–48.
5. Burger, H. Phraseologie. Eine Einführung am Beispiel des Deutschen. 3., Neubearb. Aufl. Berlin: Erich Schmidt, 2007. 240 S.
6. Das Digitale Wörterbuch der deutschen Sprache. URL: <http://www.dwds.de/> (дата обращения: 18.01.2016).
7. Deutsches Wörterbuch von Jakob und Wilhelm Grimm. URL: <http://woerterbuchnetz.de/DWB/> (дата обращения: 18.01.2016).
8. Duden online. URL: <http://www.duden.de/woerterbuch> (дата обращения: 18.01.2016).
9. Der Duden in 12 Bänden. Das Standardwerk zur deutschen Sprache: Duden 11. Redewendungen und sprichwörtliche Redensarten: Bd. 11. Dudenverlag; 1. vollständ. überarb. Aufl. (Januar 1999). 864 S.
10. Fleischer, W. Phraseologie der deutschen Gegenwartssprache. 2., durchges. und erg. Aufl. Tübingen: Max Niemeyer, 1997. 299 S.
11. COSMAS II. URL: <http://www.ids-mannheim.de/cosmas2/> (дата обращения: 18.01.2016).
12. Dokumente zu den Inhalten der Rechtschreibreform. URL: <http://www1.ids-mannheim.de/fileadmin/service/reform/regeln2006.pdf> (дата обращения: 18.01.2016).

References

1. Bulash, Iu. M. [Formal option of supprime phraseological units]. *Frazeologizm v tekste i tekst vo frazeologizme (Chetvertye Zhukovskie chteniia): Materialy mezhdunarodnogo simp.* Ed. by V.I. Makarov. NovGU im. Iaroslava Mudrogo. Velikii Novgorod, 2009, pp.311–314. (In Russian)
2. Desheulina L. N. [Case variability in stable units]. *Frazeologiya v proshlom i nastoiashchem. Materialy XXXVII Mezhdunarodnoi filologicheskoi konferentsii. Fakul'tet filologii i iskusstv SPbGU (11–15 marta 2008 g).* St. Peterburg, Graifsväld, 2009, pp. 59–63. (In Russian)
3. Zhukov V.P. Frazеologicheskаia sinonimiа i slovar' frazeologicheskikh sinonimov [Phraseological synonymy and the dictionary of Phraseological synonyms]. Zhukov V.P., Sidorenko M.I., Shkliarov V.T. *Slovar' frazeologicheskikh sinonimov russkogo iazyka.* Ed. by V.P. Zhukov. Moscow, Russkii iazyk Publ., 1987. 448 p. (In Russian)

4. Kovtunova E. A. [About special areas-sources of German idioms]. *Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal. Sbornik po rezul'tatam XLI zaachnoi nauchnoi konferentsii International Research Journal*, 2015, no. 7 (38), part 4, August. Ekaterinburg, 2015, pp. 45–48. (In Russian)
5. Burger H. *Phraseologie. Eine Einführung am Beispiel des Deutschen*. 3., Neubearb. Aufl. Berlin, Erich Schmidt, 2007. 240 p.
6. *Das Digitale Wörterbuch der deutschen Sprache*. Available at: <http://www.dwds.de/> (accessed: 18.01.2016).
7. *Deutsches Wörterbuch von Jakob und Wilhelm Grimm*. Available at: <http://woerterbuchnetz.de/DWB/> (accessed: 18.01.2016).
8. *Duden online*. Available at: <http://www.duden.de/woerterbuch> (accessed: 18.01.2016).
9. *Der Duden in 12 Bänden*. Das Standardwerk zur deutschen Sprache: Duden 11. Redewendungen und sprichwörtliche Redensarten: Band 11. Dudenverlag; Auflage: 1. Vollständ. überarb. (Januar 1999). 864 S.
10. Fleischer W. *Phraseologie der deutschen Gegenwartssprache*. 2., durchges. und erg. Aufl. Tübingen, Niemeyer Verlag, 1997. 299 p.
11. *COSMAS II*. Available at: <http://www.ids-mannheim.de/cosmas2/> (accessed: 18.01.2016).
12. *Dokumente zu den Inhalten der Rechtschreibreform*. Available at: <http://www1.ids-mannheim.de/fileadmin/service/reform/regeln2006.pdf> (accessed: 18.01.2016).

Ковтунова Елена Анатольевна

кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии СПбГУ
Адрес: Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9.

Kovtunova Elena Anatolyevna

Doctor of Philological Sciences (PhD), Associate Professor of German Philology
Department, St. Petersburg State University
Address: 7–9, Universitetskaya emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation.

E-mail: michael19811974@mail.ru

ВАРИАТИВНОСТЬ В КЛАССИФИКАЦИИ ИМЁН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ ПО РОДАМ

Ключевые слова: грамматический род, заимствование, неологизм, перенос значения, территориальные варианты немецкого языка.

В статье рассматриваются примеры колебания немецких имён существительных по разряду рода и причины этого. Наряду со случаями, когда отнесённость к тому или иному роду выполняет смыслоразличительную функцию, рассматриваются случаи, когда слово с одним значением может относиться одновременно к двум (реже — трём) родам. В современном немецком языке существует тенденция отнесения некоторых неологизмов иностранного происхождения при включении в словари сразу к нескольким родам, так как в определении рода взаимодействуют разные факторы и результат не всегда однозначен. Подобные колебания также могут быть обнаружены при сопоставлении территориальных вариантов немецкого языка — австрийского и швейцарского — с языковой нормой, принятой в Германии. Различные типы колебаний по роду будут проиллюстрированы примерами использования подобных вариантов в текстах.

A. V. MELGUNOVA

St. Petersburg State University

VARIABILITY IN THE GENDER CLASSIFICATION OF NOUNS

Keywords: grammatical gender, loan word, neologism, transfer of meaning, territorial variants of the German language.

The article deals with the examples of fluctuations in the grammatical gender of the German nouns. Some nouns are able to belong to two or three grammatical genders. The reason of it can be semantic differences between the variants. An other reason is the difficulty of the gender definition of the loan words from different languages. In the time of addition of new words into dictionaries they can receive different gender characteristics. Aside from that, there are some cases of the fluctuations in the territorial variants of the German language (in the Austrian and Swiss German). The author analyses German nouns, which have such special features and illustrates their usage by examples.

Грамматическая категория рода существительных в немецком языке состоит из трёх разрядов — мужского, среднего и женского родов. При этом в разделении существительных по родам существует вариативность — одно слово может относиться сразу к двум или даже трём родам. Отнесённость к тому или иному роду не всегда имеет смыслоразличительную функцию.

В рамках данной темы не будут рассматриваться омонимы (*der Tor/das Tor*) и существительные, имеющие различную форму, как *der Spalt — die Spalte*.

Нас интересует прежде всего современный аспект данной темы. Однако следует отметить, что имеет место также и историческая сторона данного вопроса — т. е. слова, изменившие родовую принадлежность в процессе развития языка от одного периода к другому. Например, существительное мужского рода *der Verlust* в средневерхненемецком языке (*verlust*) относилось к женскому роду, а существительное женского рода *die Fahne* в древневерхненемецком (*fano*) относилось к мужскому роду. Подобные исторические изменения объясняются отсутствием семантической мотивированности разрядов рода у неодушевлённых существительных [4, с. 73–74].

Наряду с историческими изменениями имеют место также колебания по разряду рода в рамках одного временного периода. Например, в начале нововверхненемецкого периода наблюдались колебания по роду таких существительных, как *Butter (die/der)*, *Finsternis (die/das)* и др. [2, с. 254]. Один из вариантов со временем может вытесняться другим. В обоих вышеупомянутых случаях в современном языке остались только варианты женского рода.

В. А. Киселёв отмечает, что в детерминации грамматического рода неодушевлённых существительных участвуют несколько факторов, которые также могут взаимодействовать. Например, семантический признак — т. е. принадлежность слова к определённой тематической группе. Слово относится к определённому роду в силу действия закона аналогии [3, с. 9]. Известно, например, что названия всех крепких алкогольных напитков относятся к мужскому роду, названия большинства танцев — к мужскому (по аналогии с *der Tanz*), большинства игр и минералов — к среднему (*das Spiel*, *das Mineral*), однако и в некоторых из этих случаев могут присутствовать колебания по категории рода: танец *der/die Rumba*, карточные игры *das/der Poch*, *Tarock*, минерал *das/der Zerrusit*.

Наряду с этим существует фонологический фактор распределения по родам (т. е. по звучанию) — например, когда существительные, имеющие гласный звук **-а** в ауслауте (конце слова), чаще всего относятся к женскому роду [1, с. 10]. Вероятно, этот фактор сыграл роль в возникновении колебаний по роду упомянутого выше танца *Rumba*. Однако не все имена существительные подвержены воздей-

ствию этого фактора — к примеру, название напитка *der Wodka*, имеющее аналогичный звук в ауслауте, существует только в мужском роде.

Колебания по роду в большей степени свойственны заимствованным словам, хотя подобные примеры существуют и среди немецких слов: *der*/(реже — *das*) *Bereich*, *der/das Bimbes* (террит.), *der*/(реже — *die*) *Abscheu*.

Sie sagte: “Dieser König ist mir **kein Abscheu** (м.р.), mein Vater” (Feuchtwanger, с. 161).

Da ist **diese Abscheu** (ж.р.) vor Gehorsam noch gewachsen (MOZ).

Рассмотрим случаи, в которых имя существительное может колебаться по категории рода в современном немецком языке.

1. Наличие смысловоразличительной функции (в том числе использование вариантов в различных функциональных стилях)

Известным примером такого типа является слово *Teil*, которое в мужском роде имеет значение «часть чего-либо»; в другом значении — «участь, доля» — допускаются колебания между мужским и средним родом и исключительно вариант среднего рода возможен для значения «часть механизма, деталь».

Недавно вошедшее в словари слово *der Spamfilter* при употреблении в профессиональном языке специалистов по компьютерным технологиям получает артикль среднего рода *das*. Значение слова при этом остаётся прежним.

В отдельных случаях среди существительных с подобными колебаниями присутствуют и наименования лиц: *der Mensch* «человек» — *das Mensch* (груб.) «дрянь (о человеке)»; *der Wurm* «червяк» — *das Wurm* «маленький, беспомощный ребёнок», «козявка».

В основе подобных особенностей в сфере родовой принадлежности может лежать перенос наименования: *das Domino* — домино (игра), *der Domino* — маскарадный костюм «домино» (а также «человек в костюме такого типа»); *das Spektakel* (уст.) «(театральное) зрелище» — *der Spektakel* «шум, скандал»; *das* (реже — *der*) *Halligalli* «бурное веселье» — вариант мужского рода не столь употребителен в указанном значении слова, так как к мужскому роду относилось данное заимствованное слово, являющееся названием танца,

популярного в 60-х гг. прошлого века, и лишь позже получившее переносное значение.

Существительное *der/das Juwel* имеет колебание по роду в значении «драгоценность», но в случае переносного значения используется только средний род.

Dort wird **der Juwel** (м. р.), der etwa so groß wie der Daumen einer Frau und „außergewöhnlich selten“ sei, am kommenden Dienstag versteigert. *Der Diamant* wurde 2010 in Südafrika gefunden und in den USA geschliffen (HBP).

Teures **Juwel** (ср. р.): Ein Traum in Pink. Er wiegt fast doppelt so viel und kostet das Zweifache wie der bisherige Rekordhalter: Für knapp 62 Millionen Euro versteigerte das Auktionshaus Sotheby's *den Diamanten* „Pink Star“ (HBF).

Как видно из приведённых примеров, выбор рода слова при употреблении его в прямом значении не зависит от контекста и является произвольным — в обоих отрывках речь идёт о драгоценном камне, название которого относится к мужскому роду — *der Diamant*, и для его обозначения используются оба варианта слова *Juwel*.

В двух следующих примерах мы можем наблюдать использование слова в переносном значении (ср. р.) — для обозначения как неодушевлённого объекта, так и человека:

Den meisten Krefeldern dürfte **dieses Juwel** völlig unbekannt sein. Wer kommt schon durch die Moylandstraße in Lindental und erblickt *dieses weiße Haus*, halb noch vom Grün verborgen? (WDZ)

Im nächsten Augenblick hatte *sie* die Tür schon offen und saß drin, schielend vor Begeisterung. (...) Mit Mühe bekam der Bäcker **sein** schwarzes **Juwel** endlich aus dem Wagen und zog etwas gebückt und stark verärgert ab (Remarque, S. 105).

2. Территориально обусловленные колебания

Данный вид колебаний по роду не связан с семантическими различиями и выявляется при сравнении территориальных вариантов немецкого языка. В основном отличие от общепринятых в Германии вариантов имеет место в Австрии и Швейцарии. Например, имена существительные *die Cola* и *die E-Mail*, относящиеся

в немецком языке к женскому роду, в этих странах имеют территориальные варианты среднего рода — *das Cola* (отчасти также на юге Германии), *das E-Mail*. Подобное употребление существует не только в устной, но и в письменной речи, что можно наблюдать в публикациях средств массовой информации соответствующих регионов, например, в австрийских газетах:

In Wien und Salzburg kostet **ein** großes Cola 3,50 Euro, während **es** in Klagenfurt 3 Euro kostet (NAT).

Sailer erklärte, dass nicht er selbst **das E-Mail** an Königshofer geschickt habe, sondern ein „Informant“ aus Tirol (STA).

В случае со словом E-Mail можно отметить, что южный вариант в последнее время получает распространение и на территории Германии.

Существительное мужского рода *der Perron* в значении «перрон, платформа» в этом значении является в Германии устаревшим и вместо него используется слово *der Bahnsteig*. В Швейцарии же это слово существует и характеризуется колебанием между мужским и средним родом — *der/das Perron*.

3. Иностранное происхождение слова, тенденция отнесения неологизмов к нескольким родам

При классификации иностранных слов по роду определяющими являются несколько факторов — как, например, род слова в языке, из которого оно заимствуется, и род схожего по значению немецкого слова, а также словообразовательная структура (например, наличие определённого суффикса) [4, с. 320]. Род слова в языке происхождения играет роль не всегда — о таком способе определения рода мы можем говорить применительно к тем языкам, где — как, например, во французском и итальянском, существует артикль как показатель мужского и женского рода, а заимствованиям из английского языка, где подобное деление по родам отсутствует, присваивается род аналогичного немецкого слова. Последний упомянутый принцип определения рода, основанный на словообразовательной структуре, применим только к производным словам.

В числе существительных иностранного происхождения, относящихся к нескольким родам, присутствуют как заимствованные давно и образованные от заимствованных корней из классических

языков лексические единицы — *der/das Meter, Liter, Thermometer*, так и более поздние заимствования и неологизмы, включение которых в словари происходит только в наши дни.

В случае с неологизмами иностранного происхождения в современном языке существует тенденция отнесения отдельных слов при включении в словари к нескольким родам. Возможно, через несколько десятков лет или раньше данные о родовой принадлежности слов могут измениться, сократившись до наиболее используемого варианта.

Подобное развитие мы могли наблюдать на примере слова *Dschungel* — раньше считалось, что оно относится к трём родам. Если обратиться к словарям немецкого языка, изданным в разное время, мы можем удостовериться в этом: в словаре 1965 г. приводятся три варианта родовой принадлежности (РНС), в словаре 1992 г. остались два рода — мужской и средний, причём указано, что средний используется реже (НРС), а в словаре 2003 г. (*Langenscheidt*) указан только вариант мужского рода. Следует, однако, отметить, что сведения в различных современных словарях могут отличаться — более подробные словари могут и не ограничиться одним самым употребительным вариантом, а указать два.

Слова с колебанием по категории рода происходят не только из самого популярного в наше время английского языка — *der/das Download, der/das Outtake, der/das Scan, der/das Blog (Weblog), das/der Spray, das/der Voucher, die/das Website*, но и из других языков: французского — *das/der Gratin*, испанского — *das/der Silo*, итальянского — *der/das Sconto*, арабского — *die/das Falafel*, японского — *der/das Manga*, эскимосского — *das/der Kajak*.

В отдельных случаях имеет место также отнесённость слова к трём родам: *die/das/der App, der/das/die Spam*. Рассмотрим последний пример более подробно. Существительное *Spam* для обозначения нежелательной почты рекламного содержания часто используется вообще без артикля. Если артикль присутствует, действительно, существуют три варианта родовой принадлежности слова:

Wir erklären, welche Möglichkeiten es gibt, **diesen Spam** (м. р.) zu bekämpfen [OLK].

Derweil sorgt **das Spam** (ср. р.) für Verluste in den Unternehmen [JUW].

Der IT-Branchenverband BITKOM in Berlin hat jüngst vom Institut Forsa erheben lassen, dass mehr als zwei Drittel (67 Prozent) der E-Mail-Nutzer in Deutschland pro Tag mindestens **eine Spam** (ж. р.) bekommen [ITN].

Однако слово женского рода отличается от двух других вариантов тем, что используется для обозначения не спама вообще, а конкретного письма, содержащего спам, и, вероятно, поэтому данный вариант получил такой артикль — по аналогии с *die E-Mail*.

Подобные незначительные семантические различия присутствуют и в других случаях — например, заимствованное слово *das/die Hightech* — сокращение от английского словосочетания *high technology* используется преимущественно в среднем роде, но возможен и женский — если имеется в виду именно технология, а не эта сфера или отрасль вообще. От этих значений следует отличать *der Hightech* как термин из отрасли оформления интерьера [5].

Как же определяются те варианты рода, которые присваиваются новому слову?

Можно наблюдать присвоение рода неологизмам с опорой на род немецкого слова: *der Chai Latte* (der Tee), *der Dschihad* (der Krieg), *das Selfie* (das Foto, das Selbstporträt) — и во многих случаях колебания по роду не возникает.

Однако для определённого количества имён существительных отсутствуют содержательные и формальные критерии определения рода, что приводит к колебаниям рода в употреблении. Причиной колебаний может быть также наличие двух относящихся к разным родам немецких слов аналогичной семантики: *der/das Match* — *der Wettkampf*, *das Wettspiel*, либо в случае сомнений — следует выбрать род языка происхождения слова или использовать род аналогичного немецкого слова [4, с. 320].

Рассмотрим несколько примеров, иллюстрирующих процесс определения рода заимствований и возникновение колебаний.

Блюдо «гратен» *das/der Gratin*, название которого образовано от французского глагола «запекать до образования румяной корочки»: преимущественно используется в среднем роде — по аналогии с немецким субстантивированным причастием, обозначающим результат деятельности *das Überbackene* «запечённое», однако сохраняется и второй вариант, соответствующий мужскому роду французского названия данного блюда [5].

Соус *das/der Pesto*: в итальянском языке название этого соуса относится к мужскому роду. В немецком же языке слово *Soße* «соус» женского рода — однако второй вариант родовой отнесённости этого заимствования — средний род, а не женский. Вероятно, здесь играют роль также фонологические причины — нехарактерность для слов женского рода гласного *-o* в ауслауте. Здесь можно вспомнить известное существительное русского языка, изначально заимствованное, в отношении которого в последнее время словари допускают колебание по роду (мужской/средний) — «кофе», что произошло также под влиянием фонологических причин. Будучи заимствованным, название этого напитка изначально имело форму «кофий» (м. р.), затем «кофей», но изменение формы слова и уподобление его звучания словам среднего рода (например, «желе») вызвало колебания по роду.

Итальянский алкогольный напиток *der/die Grappa*: форма мужского рода более употребительна (по аналогии с *der Wein*), однако существует также вариант женского рода, соответствующий роду слова в итальянском языке. Данный пример интересен тем, что здесь нарушается правило принадлежности названий алкогольных напитков к мужскому роду.

Заимствованная аббревиатура для обозначения внедорожника *das/der SUV* по понятным причинам — наличие в немецком языке двух слов для обозначения автомобиля: *das Auto/der Wagen* — отнесена к двум соответствующим родам.

Таким образом, можно констатировать, что вариативность в сфере родовой принадлежности имён существительных является одним из элементов развития лексического состава немецкого языка. Существуют языковые причины, по которым колебания имён существительных по роду возникают, а в дальнейшем либо сохраняются, либо утрачиваются в процессе естественного развития языка.

Источники иллюстративного материала и принятые сокращения

- НРС — Немецко-русский (основной) словарь: Ок. 95000 слов / под ред. К. Лейна и др. М.: Рус. яз., 1992. 1040 с.
- РНС — Русско-немецкий словарь. Около 70000 слов и выражений / под ред. А. Б. Лоховица и др. М.: Советская энциклопедия, 1965. 710 с.
- Duden — Duden. Unsere Wörter des Jahrzehnts 2000–2010. Mannheim, Zürich: Dudenverlag, 2011. 80 S.

- Feuchtwanger — *Feuchtwanger L.* Die Jüdin von Toledo. St. Petersburg: Korona print, KARO, 2004. 480 S.
- Langenscheidt — Langenscheidt Großwörterbuch Deutsch als Fremdsprache. Berlin, München: Langenscheidt, 2003. 1254 S.
- Remarque — *Remarque E. M.* Drei Kameraden. Verlag für fremdsprachige Literatur. Moskau, 1960. 456 S.
- HBF — <http://www.handelsblatt.com/finanzen/maerkte/devisen-rohstoffe/teures-juwel-ein-traum-in-pink/9075168.html> (дата обращения 25.12.2015).
- HBP — <http://www.handelsblatt.com/panorama/reise-leben/11-millionen-euro-juwel-sothebys-versteigert-daumengrossen-diamanten/5818122.html> (дата обращения 19.12.2015).
- ITN — http://www.it-news-world.de/news_3811/Ihr-kommt-hier-nicht-rein-Spam-Mail-Flut-eindaemmen.html (дата обращения 22.12.2015).
- JUW — <http://www.jugendundwirtschaft.de/schuelerartikel/archiv/donnerstag-02.-dezember-2004/verlinkt-und-zugemuellt> (дата обращения 20.12.2015).
- MOZ — <http://www.moz.de/artikel-ansicht/dg/0/1/1425975> (дата обращения 20.12.2015).
- NAT — <http://www.news.at/a/wien-teuro-fanmeile-fans-bier-wucherpreise-206273> (дата обращения 20.12.2015).
- OLK — <http://www.onlinekosten.de/webhosting/blog-kommentare-spam-bekaempfen.html> (дата обращения 21.12.2015).
- STA — <http://derstandard.at/1328507456682/Ex-FPOe-Abgeordneter-Geldstrafe-fuer-Koenigshofer-wegen-uebler-Nachrede> (дата обращения 20.12.2015).
- WDZ — <http://www.wz.de/lokales/krefeld/kultur/juwel-der-fruehen-jahre-1.230314> (дата обращения 20.12.2015).

Литература

1. *Эйхбаум, Г.Н.* Теоретическая грамматика немецкого языка. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1996. 276 с.
2. *Москальская, О.И.* История немецкого языка. М.: Издательский центр «Академия», 2003. 288 с.
3. *Киселёв В. А.* Род корневых неодушевлённых существительных в современном немецком языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Минск, 1992. 24 с.
4. Duden. Richtiges und gutes Deutsch. Wörterbuch der sprachlichen Zweifelsfälle. Mannheim: Bibliographisches Institut & F. A. Brockhaus A. G., 2005. 984 S.
5. Korrektoren.de: Portal für Rechtschreibung. URL: <http://www.korrektoren.de/der-die-das.shtml> (дата обращения: 25.12.2015).

References

1. Eichbaum, G.N. *Teoreticheskaia grammatika nemetskogo iazyka* [*Theoretical grammar of the German language*]. St. Petersburg, St. Petersburg Univ. Press, 1996, 276 p. (In Russian)
2. Moskal'skaja, O.I. *Istoriia nemetskogo iazyka* [*History of the German language*]. Moscow, Academia Publ., 2003. 288 p. (In Russian)
3. Kisel'jov V. A. *Rod kornevykh neodushevlennykh sushchestvitel'nykh v sovremennom nemetskom iazyke* [*The gender of the inanimate root nouns in the modern German language: Doctoral Dissertation Summary*]. Minsk, 1992. 24 p. (In Russian)
4. Duden. *Richtiges und gutes Deutsch. Wörterbuch der sprachlichen Zweifelsfälle*. Mannheim, Bibliographisches Institut and F.A. Brockhaus A.G., 2005. 984 p.
5. *Korrekturen.de: Portal für Rechtschreibung*. Available at: <http://www.korrekturen.de/der-die-das.shtml> (accessed: 25.12.2015).

Мельгунова Анна Владиславовна

кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии СПбГУ
Адрес: Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9.

Anna V. Melgunova

Doctor of Philology Science (PhD), Associate Professor of German Philology Department,
St. Petersburg State University
Address: 7–9, Universitetskaya emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation.

E-Mail: a.melgunova@spbu.ru

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНТАМИНАЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ: РЕГУЛЯРНОСТЬ И ВАРИАТИВНОСТЬ

Ключевые слова: словообразование, способы словообразования, словообразовательные модели, контаминация, вариативность, регулярность.

В статье речь идет о словообразовательной контаминации в современном немецком языке, ее изучении в германистике, о структурно-семантической специфике этого словообразовательного способа. На примере трех словообразовательных моделей рассматриваются морфологические и функционально-семантические свойства контаминации. Характерной особенностью контаминации является сочетание регулярности словообразования с морфологической и семантической вариативностью.

L. Ya. SLININA

St. Petersburg State University

CONTAMINATION IN THE WORD FORMATION OF MODERN GERMAN LANGUAGE: REGULARITY AND VARIABILITY

Keywords: word formation, word formation types, word formation models, contamination, variability, regularity.

The article deals with contamination in the word formation in German, its analysis in the German linguistics and structural and semantic specific of this type of word formation. The example of three word formation models demonstrates morphological and functional-semantic features of contamination. The specificity of contamination is the combination of regularity of word formation and morphological semantic variability.

1. Контаминационное словообразование в современной германистике и его структурные и функциональные особенности

Примеры слов, образованных путем контаминации, можно сегодня встретить на страницах средств массовой информации: *Teuro* (WJ), *Demokratur* (WW), *Bundspanikminister* (WW); продуктов: *Birname*, *Feurika* (Fr); в рекламе: *Ich wär so gern Müllionär* — плакат на мусорном контейнере (Инсбрук 2015); в комментариях читателей: *lesbokratsch*, *Piktogrammatiker* (WW) и реже в научных текстах: *Liger*, *Rollboter* (WW). Контаминационное словообразование обычно

предполагает творческий подход к слову, нередко ироничное отношение к называемому предмету, поэтому контаминаты обычно привлекают внимание читателя. В последнее время контаминация стала модным явлением и среди журналистов, и среди любителей языка. Так в списки «Слово года» результаты контаминационного словообразования попадают регулярно: *Merkozy, Arabellion* (2011), *Fluch-Hafen* (2012), *GroKo-Deal* (2013), *Götzseidank, bahnsinnig* (2014), *Grexit, Flexitarier* (2015) [16].

Некоторое время назад среди исследователей немецкого словообразования контаминация считалась скорее нарушением нормы с целью достижения определенного стилистического эффекта [7, с. 52], или употребление таких слов расценивалось как индивидуальная особенность некоторых носителей языка [13, с.103]. В классических работах по словообразованию немецкого языка второй половины XX в. либо встречаются лишь краткие упоминания о контаминации [13, с.51–52; 3, с.124], либо этот способ словообразования не освещается вовсе [2, 6, 8]. В работах по словообразованию последних лет о контаминации, как правило, дается краткая информация, не имеющая системного характера [5, с.670–671; 9, с.47–48; 4, с.65–68; 11, с.44–45].

На сегодняшний день практически единственным специальным исследованием контаминационного словообразования в современном немецком языке является диссертация К. Фридрих [10]. Автор дает комплексную характеристику материала с морфологической, семантической, стилистической и функциональной точек зрения. Она объясняет недостаточное внимание к контаминации со стороны исследователей в частности тем, что контаминация характерна для окказионального словообразования [10, с.8], редким исключением являются, например, *Eurasien, Denglisch, jain, Tragikomik*. В настоящее время наблюдается повышение интереса к речевым процессам среди немецких лингвистов, работающих в области словообразования, в том числе и к контаминации (см. [14, 15]).

При характеристике контаминационного словообразования, как правило, говорится о слиянии, смешении или пересечении основ. Это понимание отражают и разнообразные обозначения этого явления в немецкой терминологии: *Wortmischung, Wortkreuzung, Wortverschmelzung, Kofferwort, Kombi-Wort, Klappwort, Portmanteau-Wort, Schachtelwort, Amalgamierung* [12, с.76]. Слияние или пересечение основ при контаминации реализуется различными спосо-

бами. Это может происходить за счет усечения одного или обоих компонентов: *Familotel* < *Familie* + *Hotel*, *Abenteuro* < *Abenteuer* + *Euro* (Fr), возможно усечение компонентов и выявление общего сегмента: *bahnsinnig* < *Bahn* + *wahnsinnig* (WJ), *Haarmonie* < *Haar* + *Harmonie* (Fr), или же соединение основ без усечения с появлением общего сегмента: *Sexamen* < *Sex* + *Examen* (WW), *Narurlaub* < *Natur* + *Urlaub* (Fr), *Abschlussarbeitsamt* < *Abschlussarbeit* + *Arbeitsamt* (WW). При этом и усечение, и выявляющийся общий компонент часто бывают не связанными с морфемным членением и носят нерегулярный характер.

Многообразие вариантов контаминационного словообразования и формальная неопределенность, достаточно свободное применение разного рода способов усечения и наложения основ при контаминации дают возможность носителям языка проявлять творческие способности и реализовывать стремление к словотворчеству. На письме авторы нередко помещают слова, образованные путем контаминации, в кавычки, что говорит о восприятии их как новых и необычных. Часто можно встретить также примеры употребления, в которых авторы считают необходимым пояснить, из каких слов создано слово-контаминат и что оно значит:

- (1) *Als Logo dieser Protestbewegung dient die so genannte Schäuble-Schablone, kurz **Schäublone** genannt.* (WiP)
- (2) *„**Diktokratie**“ ist ein Kunstwort, Bedeutung: moderne Form der Diktatur, eingebettet in das System der Demokratie.* (WW)

Но проявление творческого начала при контаминации не отменяет соблюдение словообразовательных правил. К. Фридрих ссылается на работу М. Шульца, в которой автор характеризует контаминацию как явление, сочетающее в себе оригинальность и регулярность. Он называет контаминацию языковой игрой и одновременно словообразованием, основанным на фонологических и морфологических закономерностях. Действие этих правил позволяет предсказывать потенциально возможные результаты контаминации [10, с. 33]. Таким образом, он опровергает распространенное мнение об исключительности каждого контамината и абсолютной свободе способов комбинирования, наложения и усечения основ при контаминационном словообразовании.

2. Регулярность и вариативность контаминационного словообразования

Среди примеров слов, образованных контаминационным способом, можно встретить достаточное количество единиц, являющихся уникальными, и с формально-структурной, и с функционально-семантической точек зрения, например, *creHaartiv* < *creativ* + *Haar*, *Glückzisse* < *Glück* + *Narzisse*, *philosofaseln* < *Philosophie* + *falseln* (Fr). В то же время выявляются отдельные парадигматические ряды контаминатов, имеющие сходство и по словообразовательной структуре, и по функционально-семантическим свойствам. В этом случае можно говорить о возникновении и развитии определенных продуктивных контаминационных моделей, по которым в настоящий момент активно образуются новые единицы. Примерами могут служить модели, которые по наиболее известному слову условно можно было бы назвать „Denglisch“, „Demokratur“ и „Grexit“.

В данной статье речь идет о результатах формально-структурного и семантического анализа этих трех моделей. Так как в современных работах по немецкому словообразованию описание и характеристика свойств контаминационных моделей не встречаются, то есть некоторое основание предполагать, что такое исследование проводится впервые. Выбор данных моделей определяется тем, что они являются продуктивными и насчитывают достаточное количество единиц, чтобы сделать обоснованные выводы в отношении наблюдаемых языковых явлений. В качестве источников материала исследования использовались портал неологизмов „Wortwarte“ (WW), корпус Института немецкого языка г. Мангейма (DeReKo) и онлайн-издания современной немецкой (Spiegel online, TAZ и др.) и австрийской прессы (Die Presse.com, Der Standard).

2.1. Denglisch

По модели „Denglisch“ по преимуществу образуются слова, обозначающие смешение английского языка с каким-либо другим языком или его вариантом в речи, как в примерах (3) и (4), либо вариант английского на определенной территории, как в примере (5):

- (3) *Die Konversation gleitet dann ins „Fringlish“ über, einer geselligen Melange aus breitestem Südstaatenlingo und französischen Spurenelementen.* (Sp)

- (4) *EU-Kommissar Günther Oettinger (CDU) — spätestens sein „Schwänglich“ machte ihn bundesweit auch außerhalb der Politik berühmt!* (Bi)
- (5) *Manglish ist ähnlich wie Singlish in Singapur und vergleichbar mit Denglisch. Sie ist eine reine Umgangssprache Malaysias neben der aus Malaiisch stammende Bahasa Rojak oder Gemischte Sprache.* (WiPD)

Существует вариант данной модели с именем собственным в качестве первого компонента. Это иронические обозначения специфической манеры, как правило, известных людей говорить по-английски: *Westerwenglich* ‘английский политика Гвидо Вестервелле’, *Lenglish* ‘английский немецкой певицы Лены’ (DeReKo). Встречаются также контаминаты, которые демонстрируют и другие отношения между составляющими, например, *Slanglich: Englischer Slang ohne Filter* ‘английский сленг’ (WW) или *Weinglich* — “*English for wine lovers*” ‘английский для любителей вина’ (DeReKo), что говорит об открытости модели и возможности реализации различных семантических связей между компонентами.

Что касается морфолого-фонематических особенностей, то, во-первых, в таких названиях можно наблюдать вариативность конечного элемента, суффикса второго компонента *-isch/-ish*, которая связана с употреблением либо немецкого, либо английского варианта написания слова для обозначения английского языка в качестве 2-й основы контамината. Объяснить использование английского варианта написания слова, вероятно, можно сходством по звучанию немецкого *Englisch* и английского *English*. В некоторых случаях, возможно, речь идет о заимствованиях из английского языка и интеграции их в существующую в немецком языке словообразовательную модель благодаря формальному сходству.

Во-вторых, такие образования, как и другие контаминационные модели, демонстрируют вариативность «пограничного» гласного, который можно отнести либо к первой, либо ко второй основе, либо к первой и второй, а также различную степень полноты/усеченности основ.

Если следовать формально-морфологической классификации К. Фридрих [10, с. 115], которая учитывает, с одной стороны, полноту/усеченность каждого из компонентов и, с другой стороны, наличие/отсутствие общего сегмента, то единицы рассматриваемого парадигматического ряда можно разделить на три группы:

- 1) Усеченную форму имеет первая основа, вторая имеет полную форму, есть общий компонент — гласный [ɛ] или [i]: *Chinglish* (*Chinesisch* + *English*), *Schwänglich* / *Schwenglich* (*Schwäbisch* + *English*), *Jinglish* (*Jiddisch* + *English*), *Hinglish* (*Hindi* + *English*), *Fränglich* (*Fränkisch* + *English*), *Pfenglich* (*Pfälzisch* + *English*);
- 2) Усеченную форму имеет первая основа, вторая имеет полную форму, общего компонента нет: *Frenglich* / *Fringlich* (*Französisch* + *English*), *Plenglich* (*Plattdeutsch* + *English*);
- 3) Обе основы имеют усеченную форму и не имеют общего компонента:
 - a) *Ponglish* (*Polnisch* + *English*), *Runglish* (*Russisch* + *English*), *Spanglish* (*Spanisch* + *English*), *Konglish* (*Koreanish* + *English*);
 - b) *Japlish* (*Japanisch* + *English*), *Indlish* (*Indianisch* + *English*).

На примерах первой группы видно, что хотя данные результаты контаминации происходят из письменных источников, но в словообразовательном процессе определяющую роль играет устная форма. Общим компонентом на стыке основ являются гласные [ɛ] и [i], и так как их принадлежность к первому или ко второму компоненту четко не определена, то в написании слов одной модели можно встретить различные варианты: *i*, *e* или *ä*.

И приведенные выше примеры (3), (4) и (5), и другие примеры употребления существительных из разных групп полученной классификации показывают, что формальные различия, положенные в основу классификации, не влияют на лексическое значение контаминатов и не нарушают функционально-семантической общности всех единиц рассматриваемой модели.

Кроме того, обнаруживается еще одно существенное свойство, которое является общим практически для всех единиц модели „Denglish“. Это свойство, которое отмечает Н. А. Лаврова, исследующая контаминацию на материале английского языка, состоит в том, что в контаминационных образованиях «сохраняется акцентно-слоговая структура одного из исходных слов, выступающего морфологическим образцом» [1, с. 77]. Таким морфологическим образцом в данном случае является слово *Englisch* / *English*, в соответствии с которым первый компонент должен содержать один слог «по возможности» с гласными *e/i*, на который падает ударение.

2.2. Demokatur

Сочетание вариативности и регулярности словообразования можно видеть и на примерах контаминации слов *Demokratie* и *Diktatur*: *Diktokratie*, *Diktakratie*, *Demokatur*, *Dematur*, *Diktatie* (WW, DeReKo). Как показывают примеры употребления (6) и (7), эти слова обозначают форму правления, при которой проявляются свойства и демократии, и диктатуры, и основной функцией их употребления является выражение критического отношения к государственному правлению:

- (6) *Diktatur oder Demokratie? Die salomonische Antwort: „Beides!“ Also: „Diktokratie“ — ein Unwort, aber mit Zukunft.* (Stand)
- (7) *Nee, noch schlimmer, die haben das schwarze Loch ueber Jahre selber angezettelt! Leben wir in einer **Demokatur**? Oder in einer **Diktatie**? Ist das sarkastisch? Oder Realitaet?* (TSp)

Вариативность этого ряда контаминатов касается сразу нескольких аспектов:

- 1) порядка следования компонентов: *Diktokratie* и *Diktatie* / *Demokatur* и *Dematur*;
- 2) наложения компонентов / отсутствия наложения компонентов: *Demokatur* и *Diktatie* / *Diktokratie* и *Dematur*;
- 3) проведения границы между компонентами: *Dikt-okratie* и *Dikta-kratie*;
- 4) акцентно-слоговой структуры компонента, положенного в основу контамината: *Demokatur* и *Diktokratie* — по образцу *Demokratie*, *Diktatie* и *Dematur* — по образцу *Diktatur*.

Рассматриваемые существительные дают начало развитию регулярных словообразовательных моделей, по которым образуются существительные-контаминаты, имеющие с ними структурную и семантическую связь.

Во-первых, выявляется словообразовательный тип со вторым компонентом *-(o)kratie*: *Administokratie*, *Adhokratie*, *Besitzokratie*, *Finanzokratie*, *Kapitalokratie*, *Konsumokratie*, *Mafiokratie*, *Mullahkratie*, *Putinokratie*, *Wahlokratie* (DeReKo, WW). Здесь происходит актуализация значения второго компонента *-(o)kratie*, пришедшего из греческого, ‘власть’, ‘господство’, при этом создается возможность присоединения к нему первых компонентов и заимствованных из различных языков, и немецкого происхождения.

Во-вторых, можно наблюдать развитие модели со вторым компонентом *-(o)kratur*: *Demokratatur, Expertokratatur, Eurokratur, Ökokratatur, Lobbykratur, Mediokratatur, Telekratur, Fifakratatur, Menschenkratur* (DeReKo, WW). Примеры демонстрируют двойное направление производности: сначала образование слова на *-(o)kratie*, затем контаминация с *Diktatur*: *Telekrate* > *Telekratur* (8), или контаминационное образование по аналогии с *Demokratatur* (9):

- (8) *Im Zeitalter der Telekrate (oder Telekratur) sind Sport, Show und Wirtschaft so untrennbar verknüpft...* (Pr)
- (9) *Nur, mehr Europa darf nicht weniger Demokratie bedeuten. Eine Eurokratur ist nicht unser Ziel. Europa muss von den Bürgern getragen werden.* (BT)

И в значении существительных со вторым компонентом *-(o)krate*, и в значении существительных со вторым компонентом *-(o)kratur* присутствует отрицательная коннотация, их употребление определяется критическим отношением к различным явлениям общества, названным первым компонентом. Типизация словообразовательного значения ведет к сближению с конфиксальным словообразованием, где компоненты *-(o)krate* и *-(o)kratur* становятся конфиксами (см. об этом [14, с. 60]).

2.3. Grexit

Первые слова этого словообразовательного ряда *Grexit* и *Brexit*, обозначающие возможный выход Греции и соответственно Великобритании из ЕС, очевидно, являются заимствованиями из английского языка, но они быстро вошли в активное употребление в немецком языке и были включены в список „Wort des Jahres 2015“ [16]. Причиной их быстрой интеграции в немецкий язык является актуальность проблемы экономического кризиса в Греции и возможного выхода из Евросоюза Великобритании и их активное обсуждение в СМИ. Определенную роль в их быстром распространении сыграли и лексические причины: английское слово *exit* имеет широкую известность и легко вошло в употребление в составе контаминатов.

В результате по этой модели образовались такие существительные, как *Dexit* (выход Германии из ЕС) и *Ruxit* (экономическая изоляция России), а затем этот словообразовательный тип включил

в себя и личные имена собственные, например, *Schäublexit* — желаемая отставка министра финансов Вольфганга Шойбле и *Schwe-xit* — уход футболиста Бастиана Швайнштайгера из «Баварии». Таким образом, можно наблюдать расширение значения словообразовательной модели: выход из определенного сообщества не только стран, но и лиц.

В отношении формально-структурных особенностей единиц данной модели можно отметить наблюдаемую и для рассмотренных выше моделей общую акцентно-слоговую структуру, которая в данном случае определяется компонентом *exit*: все существительные за исключением *Schäublexit* являются двусложными с ударением на первый слог.

Для этой модели также можно заметить тенденцию в сторону перехода от контаминации к конфиксальному словообразованию. Автор блога „Wortisik“ Детлеф Гюртлер сопровождает зафиксированные им слова *Ruxit*, *Dexit*, *Schäublexit* следующим комментарием: „Wortschöpferisch gesehen ganz schön produktiv, das Verbinden von Namen beziehungsweise Ländern mit der Nachsilbe -xit“ [17].

Выводы

Контаминация является продуктивным способом словообразования в современном немецком языке, который в последние годы обращает на себя внимание как исследователей, так и носителей языка и переживает период подъема активности и популярности, как показывают многочисленные примеры употребления.

Контаминация проявляет формальную и семантическую двойственность: с одной стороны, контаминационное словообразование следует определенным словообразовательным правилам, с другой стороны, для контаминатов характерны черты индивидуальности, оригинальности и креативности.

При имеющихся уникальных и оригинальных единицах контаминационное словообразование демонстрирует наличие определенных словообразовательных моделей, по которым контаминаты образуются в соответствии с фонологическими и морфологическими правилами. В то же время контаминация обнаруживает высокую степень вариативности как плана выражения: полноты/усеченности основ, вариативности элементов на стыке основ, возможности разных вариантов наложения основ, так и плана содержания: ва-

риантов семантических отношений между компонентами основ, расширения значения словообразовательных моделей, повышения степени абстрактности значения второго компонента и потенциальной возможности перехода к конфиксальной модели.

Источники иллюстративного материала и принятые сокращения

- Bi — Bildzeitung. URL: <http://www.bild.de/politik/2010/der-eu-kommissar-lernt-20-woerter-englisch-pro-woche-12615172.bild.html> (дата обращения: 08.01.2016).
- BT — Protokoll der Sitzung des Parlaments Deutscher Bundestag am 27.06.2012. Deutsches Referenzkorpus (DeReKo). URL: <http://www.ids-mannheim.de/cosmas2/> (дата обращения: 10.01.2016).
- DeReKo — Deutsches Referenzkorpus. URL: <http://www.ids-mannheim.de/cosmas2/> (дата обращения: 18.01.2016).
- Fr — Korpus C. Friedrich. Friedrich C. Kontamination — Zur Form und Funktion eines Wortbildungstyps im Deutschen. Inaugural-Dissertation in der Philosophischen Fakultät und Fachbereich Theologie der Friedrich-Alexander-Universität Erlangen-Nürnberg. 2008. 549 S.
- Pr — Die Presse, 10.11.1997. Deutsches Referenzkorpus (DeReKo). URL: <http://www.ids-mannheim.de/cosmas2/> (дата обращения: 10.01.2016).
- Sp — Der Spiegel. URL: <http://www.spiegel.de/reise/fernweh/0,1518,230604,00.html> (дата обращения: 10.01.2016).
- Stand — Der Standard. URL: <http://derstandard.at/1418423/Es-lebe-die-Diktokratie> (дата обращения: 10.01.2016).
- TSp — Tagesspiegel. URL: <http://www.tagesspiegel.de/berlin/Verkehr-BBI-Bundesregierung> (дата обращения: 10.01.2016).
- WiP — Wikipedia. URL: https://de.wikipedia.org/wiki/Stasi_2.0 (дата обращения: 10.01.2016).
- WiPD — Wikipedia. Diskussion. URL: <http://de.wikipedia.org/wiki/Diskussion> (дата обращения: 10.01.2016).
- WJ — Wort des Jahres. Gesellschaft für deutsche Sprache (GfdS). URL: <http://gfdS.de/aktionen/wort-des-jahres/> (дата обращения: 12.01.2016).
- WW — Wortwarte Wortwarte. Wörter von heute und morgen. Eine Sammlung von Neologismen. URL: <http://www.wortwarte.de/> (дата обращения: 15.01.2016).

Литература

1. Лаврова, Н. А. Контаминация и другие способы словообразования // Вестник Челябинск. гос. ун-та. Вып. № 26. 2008. С. 75–78.
2. Степанова, М. Д. Словообразование современного немецкого языка. М.: URSS, 2007. 375 с.

3. *Deutsche Wortbildung*. Typen und Tendenzen in der Gegenwartssprache. Vierter Hauptteil. Substantivkomposita (Komposita und kompositionsähnliche Strukturen 1) / L. Ortner, E. Müller-Bollhagen, H. Ortner, H. Wellmann, M. Pümpel-Mader, H. Gärtner. Berlin, New York: Walter de Gruyter, 1991. 864 S.
4. *Donalies, E.* Die Wortbildung des Deutschen. Ein Einblick. Tübingen: Gunter Narr Verlag, 2007. 192 S.
5. Duden. Die Grammatik. Bd. 4., 8. Aufl. Mannheim, Zurich: Dudenverlag, 2009. 1343 S.
6. *Eichinger, L. M.* Deutsche Wortbildung. Eine Einführung. Tübingen: Gunter Narr, 2000. 269 S.
7. *Erben, J.* Einführung in die deutsche Wortbildungslehre. Berlin: Erich Schmidt, 1993. 182 S.
8. *Fleischer, W.* Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache. Leipzig: VEB Bibliographisches Institut, 1983. 327 S.
9. *Fleischer, W., Barz, J.* Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache. Tübingen: Max Niemeyer, 2007. 382 S.
10. *Friedrich, C.* Kontamination — Zur Form und Funktion eines Wortbildungstyps im Deutschen. Inaugural-Dissertation in der Philosophischen Fakultät und Fachbereich Theologie der Friedrich-Alexander-Universität Erlangen-Nürnberg. 2008. 549 S.
11. *Lohde, M.* Wortbildung des modernen Deutschen. Tübingen: Gunter Narr, 2006. 330 S.
12. *Müller, P. O., Friedrich, C.* Kontamination // Wortbildung im Deutschen. Zwischen Sprachsystem und Sprachgebrauch. Stuttgart: ibidem-Verlag, 2011. S. 73–109.
13. *Ortner, H., Ortner, L.* Zur Theorie und Praxis der Kompositaforschung. Tübingen: Gunter Narr Verlag, 1984. 406 S.
14. *Ortner, L.* Visuell markierte Wortbildungen: Plädoyer für eine visiolinguistische Nominationsforschung // „Wenn die Ränder ins Zentrum drängen...“ Außenseiter in der Wortbildungsforschung / Hrsg. J. Born, W. Pökl. Berlin: Frank Timme Verlag, 2013. S. 43–85.
15. *Ortner, L.* ‘Blends’ und Mehrfachpräsentation. Die Rolle von (typo)graphischen und piktoralen Komponenten in Wortbildungen // Wortbildungssemantik zwischen Langue und Parole. Stuttgart: ibidem-Verlag, 2014. S. 93–125.
16. Wort des Jahres. Gesellschaft für deutsche Sprache (GfdS). URL: <http://gfdS.de/aktionen/wort-des-jahres/> (дата обращения: 12.01.2016).
17. Wortistik. Tazblogs. URL: <http://blogs.taz.de/wortistik/> (дата обращения: 18.01.2016).

References

1. Lavrova, N.A. Kontaminatsiia i drugie sposoby slovoobrazovaniia [Contamination and other Types of Word Formation]. *Vestnik Cheliabinsk State Univ.*, 2008, vol. 26, pp. 75–78. (In Russian)
2. Stepanova, M.D. *Slovoobrazovanie sovremennogo nemetskogo iazyka* [The Word Formation of the Modern German Language]. Moscow, URSS, 2007. 375 p. (In Russian)
3. *Deutsche Wortbildung. Typen und Tendenzen in der Gegenwartssprache. Vierter Hauptteil. Substantivkomposita (Komposita und kompositionsähnliche Strukturen 1)*. L. Ortner, E. Müller-Bollhagen, H. Ortner, H. Wellmann, M. Pümpel-Mader, H. Gärtner. Berlin, New York, Walter de Gruyter, 1991. 864 p.
4. Donalies, E. *Die Wortbildung des Deutschen. Ein Einblick*. Tübingen, Gunter Narr Verlag, 2007. 192 p.
5. *Duden. Die Grammatik*. Bd 4. 8. Aufl. Mannheim, Zürich, Dudenverlag, 2009. 1343 p.
6. Eichinger, L.M. *Deutsche Wortbildung. Eine Einführung*. Tübingen, Gunter Narr, 2000. 269 p.
7. Erben, J. *Einführung in die deutsche Wortbildungslehre*. Berlin, Erich Schmidt Verlag, 1993. 182 p.
8. Fleischer, W. *Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache*. Leipzig, VEB Bibliographisches Institut, 1983. 327 p.
9. Fleischer, W., Barz, J. *Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache*. Tübingen, Max Niemeyer, 2007. 382 p.
10. Friedrich, C. *Kontamination — Zur Form und Funktion eines Wortbildungstyps im Deutschen*. Inaugural-Dissertation in der Philosophischen Fakultät und Fachbereich Theologie der Friedrich-Alexander-Universität Erlangen-Nürnberg. 2008. 549 p.
11. Lohde, M. *Wortbildung des modernen Deutschen*. Tübingen, Gunter Narr, 2006. 330 p.
12. Müller, P.O., Friedrich, C. Kontamination. *Wortbildung im Deutschen. Zwischen Sprachsystem und Sprachgebrauch*. Stuttgart, ibidem-Verlag, 2011, pp. 73–109.
13. Ortner, H., Ortner, L. *Zur Theorie und Praxis der Kompositaforschung*. Tübingen, Gunter Narr, 1984. 406 p.
14. Ortner, L. Visuell markierte Wortbildungen: Plädoyer für eine visiolinguistische Nominationsforschung. „Wenn die Ränder ins Zentrum drängen ...“ *Außen-seiter in der Wortbildungsforschung*. Hrsg. J. Born, W. Pökl. Berlin, Frank Timme Verlag, 2013, pp. 43–85.
15. Ortner, L. ‘Blends’ und Mehrfachpräsentation. Die Rolle von (typo)graphischen und piktoralen Komponenten in Wortbildungen. *Wortbildungssemantik zwischen Langue und Parole*. Stuttgart, ibidem-Verlag, 2014, pp. 93–125.

16. *Wort des Jahres. Gesellschaft für deutsche Sprache (GfdS)*. Available at: <http://gfds.de/aktionen/wort-des-jahres/> (accessed: 12.01.2016).

17. *Wortistik. Tazblogs*. Available at: <http://blogs.taz.de/wortistik/> (accessed: 18.01.2016).

Слинина Людмила Ярославовна

кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии СПбГУ
Адрес: Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9.

Liudmila Ya. Slinina

Doctor of Philological Sciences (PhD), Associate Professor of German Philology
Department, St. Petersburg State University

Address: 7–9, Universitetskaya emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation.

E-mail: ludmila.slinina@gmx.at

К. А. ФИЛИППОВ, Л. Н. ГРИГОРЬЕВА
Санкт-Петербургский государственный университет

К ВОПРОСУ О ВАРИАТИВНОСТИ ПЕРЕВОДНЫХ ГРАММАТИК В РОССИИ XVIII ВЕКА

Ключевые слова: история грамматической науки, «Грамматика» В. Теплова, «Грамматика» И. К. Готшеда, «Готшедова грамматика» И. М. Греча, перевод и адаптация учебников по грамматике, формирование немецкого и русского грамматического метаязыка.

В данной статье речь идет о явлении вариативности на примере переводных грамматик по иностранным языкам (немецкому и французскому) в России в XVIII в. на примере французской грамматики Ресто в переводе Василия Теплова и немецкой грамматики И. К. Готшеда в переработке И. М. Греча и переводе Е. С. Харламова.

K. F. FILIPPOV, L. N. GRIGORIEVA
St. Petersburg State University

VARIATION OF TRANSLATED GRAMMAR BOOKS IN XVIII CENTURY IN RUSSIA

Keywords: History of Grammar, V. Teplov's «Grammar», «Grammar» by J. K. Gotsched, «Gotsched's Grammar» by I. M. Grech, Translation and Adaption of Grammar Books, Development of German and Russian Grammar Terminology.

This article addresses the topic of translated grammar books variations in XVIII century in Russia. This problem is considered in more detail using the examples from Resto's French Grammar translated into Russian by Teplov and Gotsched's German Grammar translated into Russian by Grech and Kharlamov.

Введение

В России XVIII в. в связи с необходимостью преподавания иностранных языков появляются учебники по грамматике, основанные на грамматических трудах по соответствующим языкам (прежде всего, немецкому и французскому). Таким образом, часть изданных в это время учебных пособий представляет собой переводы, отличительными особенностями которых являются вариативность и, отчасти, известная анонимность. Это объясняется не только их переводным характером, но и той редакторской обработкой, которой они подвергались в связи с конкретными поставленными их переработчиками целями, а также своеобразным отношением к авторским правам. Данные обстоятельства — ярко

выраженный компилятивный, переводческий и вариативный характер — в то время никем не оспаривались и не скрывались. При исследовании подобных учебников можно часто обнаружить, что в процессе обработки и перевода с ними подчас происходили запутанные и неоднозначные истории.

В качестве непосредственного объекта анализа при рассмотрении происходивших в процессе перевода и адаптации изменений в данной статье используются следующие две грамматики:

- 1) *«Новая французская грамматика сочиненная вопросами и ответами. Собрана из сочинений господина Ресто и других грамматик, а на Российской язык переведена Академии Наук переводчиком Васильем Тепловым. СПб, 1752»;*
- 2) *«Готшедова немецкая грамматика: Вновь исправленная, и для пользы и употребления российского благородного юношества напечатанная»* (J. Chr. Gottsched „Grundlegung einer Deutschen Sprachkunst“, 1748, переработанная в 1760 г. И. М. Гречем и переведенная Е. С. Харламовым).

Языковая ситуация в XVIII веке

Необходимость в появлении подобных учебников объясняется языковой ситуацией, сложившейся в эту эпоху как в Европе, в частности, в Германии, так и в России. Своеобразие этой ситуации заключается в наличии многоязычия, затронувшего разные стороны жизни соответствующих социумов. Сопоставительный анализ отчетливо демонстрирует различия в распределении роли различных языков в данных странах. В Германии важную роль в эпоху Просвещения играет такая триада языков как латинский, французский и немецкий. Латинский играет при этом роль языка науки и права, французский — языка двора, политики и дипломатии, а немецкий (в первую очередь его письменный вариант) — книжного языка издаваемой литературы в самых различных сферах [1, с. 617–619].

В России языковая ситуация многоязычия выглядела еще более сложно, потому что определенную роль в ней играло целых пять языков — латинский, древнегреческий, немецкий, французский и русский. Приведенный ниже фрагмент из книги Кристины Кох иллюстрирует, почему некоторые из этих языков оказали такое сильное влияние на становление русского языка [2, с. 3]:

„Für die Flut neuer Ideen und technischer Errungenschaften, die sich über Russland ergoss, fehlte es im Russischen einfach an passenden Ausdrucksmitteln, insbesondere an fachsprachlicher Terminologie. Dieser Umstand sowie die starke Präsenz ausländischer Spezialisten führte in verschiedenen Funktionsbereichen vor der Verwendung des Russischen zu einem „fremdsprachlichen Vorlauf“, gegen den sich die Landessprache erst behaupten musste. Diese Vorlaufsprachen waren das Deutsche, das Lateinische und das Griechische (im Wissenschaftsbereich) sowie das Französische...“

Латыни при этом отводилась роль языка-предтечи, особенно в сфере науки. Греческий долгое время оставался неотъемлемой частью классического, в том числе, церковного образования. Французскому языку была присуща та же роль, что и в Германии, он был языком общения высших кругов знати и межъязыкового общения. Совершенно особую роль играл в это время немецкий язык, который стал для многих русских средством карьерного и профессионального роста почти во всех несекуляризованных, светских сферах деятельности. Если преподавание древнегреческого и латинского языков имело давние традиции, то немецкий и французский получают свое широкое распространение именно в этот период. Поэтому не случайным представляется и возникновение потребности в преподавании, а, следовательно, и в учебниках по данным языкам. Поскольку для написания таких учебных пособий требовалось определенное время, то использование в качестве их основы уже существовавших в других странах и изданных на других языках учебников представлялось вполне естественным. Самым простым способом был перевод хорошо зарекомендовавших себя грамматик, в том числе таких, как анализируемые в данной статье.

Перевод в XVIII веке

Ситуация с переводом в XVIII в. не была столь однозначной, как в современной практике перевода, он, как правило, носил интерпретирующий характер. Хотя перевод как вид переводческой деятельности всегда предполагает известную интерпретацию содержания оригинала [3], но в это время интерпретация была более свободной и адаптивной. Подобная адаптация переводного текста определялась во многом социокультурной детерминированностью [4], которой руководствовался переводчик, что могло привести

к значительным изменениям в содержании и, в итоге, к большей или меньшей вариативности переводного текста по сравнению с оригиналом.

В лингвистике вариативность трактуется как неотъемлемое свойство языка, вызванное способностью создавать конкурирующие формы, которая обусловлена действием разнородных, в том числе, внешних или экстралингвистических факторов [5]. Вариативность при переводе заложена в самой специфике данного вида деятельности, и в ней наряду с такими внешними факторами как характер сообщения, намерение автора и переводчика (ср.: [6, 4]), важную роль играет также иноязычный реципиент, для которого предназначен переведенный текст. Таким образом, переводчик, руководствуясь сменой целевой аудитории, может изменить и интенцию, и содержание текста, что и произошло в случае с рассматриваемыми в данной статье грамматиками, анализ которых представлен ниже.

Грамматика Теплова

Грамматика Теплова, полное название которой «Новая французская грамматика сочиненная вопросами и ответами. Собрана из сочинений господина Ресто и других грамматик, а на Российской язык переведена Академии Наук переводчиком Васильем Тепловым», имеет отчетливо выраженный компиляторный характер, что очевидно уже из ее заглавия. В качестве основы для перевода был использован не оригинальный французский текст самого Ресто, а его перевод на немецкий язык, сделанный Иоганном Шпеком. Этот перевод появился в 1749 г. под названием: „Neue und vollständige Grammatic, in Frag und Antwort abgefasset. Aus dem Französischen des Herrn Restaut, und andern Anmerkungen der besten Französischen Sprachlehrer zusammen getragen, nebst verschiedenen Zugaben, von welchen in der Vorrede der Inhalt befindlich ist“ (Mainz und Frankfurt am Mayn bei Franz Varrentrapp). Предположительно именно с этого немецкого перевода Василием Тепловым и была подготовлена грамматика на русском языке, позже вошедшая в научный дискурс под названием «Грамматика Теплова». Впрочем, в качестве основы для создания этого учебника по французскому языку могла также послужить написанная по-немецки грамматика Й. Рема (1748). Историю перевода этого учебника по грамматике

можно отследить по материалам, сохранившимся в архиве императорской Академии наук.

Согласно этим материалам, «Грамматика» Ресто была передана для перевода на русский язык студенту Теплому 16 июля 1750 г. После того как перевод был готов, он вместе с оригиналом был возвращен в канцелярию Академии. Далее данный перевод без указания личности переводчика был отправлен для проверки его качества Третьяковскому и Ломоносову, в рапорте которых сохранилась очень высокая оценка сделанного Тепловым перевода, не нуждавшегося, по их мнению, ни в каких поправках. Того же, кто сделал данный перевод, они порекомендовали сразу же назначить на должность переводчика. Несколько ранее в 1748 г. перевод этой же грамматики Ресто, правда, с оригинального французского текста, был предложен Иваном Горлицким. На этот перевод также имелся написанный в 1749 г. Третьяковским и Ломоносовым отзыв, в котором был сделан целый ряд весьма критических замечаний. После сопоставления обоих переводов было принято решение опубликовать перевод Теплова, к которому практически не было никаких замечаний, снабдив его лишь некоторыми примерами из перевода Горлицкого.

Благодаря проведенному исследованию удалось, в частности, установить, что в указатель имен в книге Кристины Кох, в которой анализируется история появления перевода данной грамматики, закралась ошибка. В качестве переводчика этой грамматики там числится Григорий Теплов, советник Канцелярии при Академии наук, в то время как на самом деле им был Василий Теплов. Своей очереди еще ждет тщательное изучение вопроса о том, какой же из трех упомянутых текстов послужил основой для создания Грамматики Теплова и в какой мере.

Грамматика Готшеда

Еще более запутанная история произошла с переводом «Grundlegung einer Deutschen Sprachkunst» (1748) И. К. Готшеда. В России его грамматика была хорошо известна, ее немецким изданием и его переводом на французский активно пользовались при обучении. В 1760 г. появился переработанный и сокращенный И. М. Гречем вариант, значительно отличающийся от оригинала, который был переведен на русский язык Е. С. Харламовым [2].

Переработка и адаптация Греча, сводившаяся, в частности, к сокращению труда Готшеда, была обусловлена тем, что данная книга должна была использоваться в качестве пособия в учебных заведениях. Поэтому в первом издании в названии даже отсутствовала ссылка на грамматику Готшеда. В 1769 г. при повторном переиздании русского перевода в названии уже появляется имя автора оригинала: «Готшедова немецкая грамматика: Вновь исправленная, и для пользы и употребления российского благородного юношества напечатанная».

И Е. С. Харламов, и И. М. Греч сыграли определенную роль в становлении грамматической традиции и в преподавании иностранных языков в России того времени. Иоганн Эрнст (Иван Михайлович) Греч (1709–1760), как и И. К. Готшед, родился в Кенигсберге, в 1732 г. был отправлен учиться в Лейпцигский университет. За время обучения в Германии Греч познакомился со многими русскими студентами и стал заниматься русским языком. Позже его рекомендовали в секретари к герцогу Бирону в Митаву, а в 1738 г. он был назначен профессором истории и нравов в Сухопутном Шляхетском кадетском корпусе. После 20 лет работы в этой должности Греч был назначен директором учебной части корпуса. И. М. Греч был также приставлен к будущей императрице Екатерине II, преподавал ей историю и политику и выбирал книги для ее библиотеки.

Е. С. Харламов обучался в Сухопутном Шляхетском корпусе, где преподавал И. М. Греч. После окончания работал там же преподавателем и директором типографии. Харламов известен как литератор, но, прежде всего, как переводчик. Кроме Готшедовой грамматики он переводил французские и издавал английские романы.

О широком использовании данной грамматики свидетельствует то обстоятельство, что в регламенте московских гимназий 1755 г. [7] и в регламенте академической гимназии 1758 г. М. В. Ломоносов предписывает изучать немецкий язык по «Готшедовой грамматике» [8]. По этому же учебнику немецкий язык преподавался в семинариях и духовных академиях [9, с. 57].

Различия между «Грамматикой» Готшеда и ее вариантом на русском языке

Во вступлении к первому изданию своего труда И. К. Готшед пишет, что его сочинение предназначено для немцев и, в первую очередь, для молодежи. Он делает акцент на том, что иностранец, не владеющий немецким языком, вряд ли сможет воспользоваться этой грамматикой:

„Nun ist es zwar gewiß, daß ich meine Sprachlehre zuförderst für unsere Landesleute, sonderlich für die Jugend geschrieben habe. Alle meine Regeln sind bloß deutsch abgefasst: und so lange ein Ausländer noch gar nichts Deutsches versteht, so lange kann er sie nicht einmal lesen“ [10, S. 31].

Возможно, это обстоятельство также побудило российских авторов прибегнуть к значительной переработке при издании данного труда на русском языке.

Различия между оригиналом Готшеда и его Грамматикой, вышедшей на русском языке, охватывают самые разные стороны, среди которых следует, прежде всего, выделить следующие: 1) заглавие; 2) композиционную структуру; 3) терминологию; 4) корпус примеров.

Что касается названия, то труд Готшеда называется „Grundlegung einer Deutschen Sprachkunst“. Такое название не совсем типично для учебника, что свидетельствует о более широком круге задач, поставленных автором и свойственных не просто учебнику, а, скорее, теоретическому сочинению. Другое возможное толкование такого названия заставляет вспомнить о том, что грамматика — это одно из семи свободных искусств (*artes liberalis*). Греч же называет свою книгу «Готшедова грамматика», что указывает на сугубо практическое использование данного сочинения.

Отличия затрагивают также композиционное оформление и структурирование сопоставляемых книг. Так, каждое из пяти немецких прижизненных изданий грамматики Готшеда содержит обширные предисловия, в которых автор описывает задачи своего труда; объясняет вносимые в последующие издания добавления и исправления; благодарит тех, кто ему помогал или обращался к нему за советами при переводе его грамматики на другие языки или при создании подобных грамматик для других языков. В рус-

ском тексте И. М. Греча предисловия отсутствуют, грамматика начинается сразу с раздела о правописании и произношении.

Общая структура двух грамматик также отличается, хотя четыре основные части сохраняются: орфография, морфология, синтаксис, просодия. Но Греч опускает пространные рассуждения Готшеда о природе языка, об идеальном искусственно созданном языке, о месте немецкого среди других европейских языков. Пространное введение у Готшеда называется «Очерк об искусстве немецкого языка», оно разделено, в свою очередь, на три части («об искусстве языка вообще», «о совершенстве языка вообще», «о делении учения о языке»). При переиздании «Готшедовой грамматики» Греча в 1769 г. были добавлены лишь несколько более развернутые примеры, немного изменилось описание падежной системы и терминология [2].

Различия между двумя книгами касаются также грамматической терминологии. Готшед пользуется в основном немецкой терминологией, подтверждая тем самым свои слова в предисловии, где он пишет, что немецкий язык настолько богат, что может, наравне с греческим, использовать собственные корни для создания новых слов. Греч в первом издании «Готшедовой грамматики» использует русскую терминологию, заимствованную у Шванвица, но в скобках снабжает ее латинскими дублетами, во втором издании латинские обозначения заменены на немецкие, позаимствованные у Готшеда [2].

Любопытным представляется также использование примеров, иллюстрирующих грамматические положения в оригинале и переводе. Так, примеры в оригинальном труде Готшеда представлены в основном из литературы и поэзии, что позволяет автору реализовать свой принцип, согласно которому учиться надо на образцах из лучших произведений литературы. В качестве примеров он использует отрывки из стихов Мартина Опица, Бартеля Рингвальда, Фридриха фон Каница.

Греч опускает стихотворные примеры и сокращает их общее количество. Выбор примеров у него основан на прагматическом подходе, т. е. он отбирает из примеров Готшеда те, которые можно использовать в повседневном общении и добавляет к ним свои собственные, типа: «Ich werde viel Mühe haben» («Я буду много трудов иметь»), «Wenn wir das Vergnügen werden gehabt haben, Sie bei uns zu sehen, so werden wir Sie wieder besuchen» («Имею удовольствие вас

видеть у себя, мы вас взаимно посетим»), «Wohin eilest du?» («Куда спешишь?»). Это объясняется, видимо, тем обстоятельством, что учениками в кадетских корпусах были дети из знатных семей, которых надо было научить тому, как вести себя в обществе и какими выражениями можно пользоваться при общении с иностранцами.

По-разному в обеих грамматиках выстроен также диалог между автором и читателем. Готшед обращается к читателю лично от своего имени и ведет с ним диалог от первого лица: «я говорю» («Ich sage»). Он также прибегает к местоимению «wir», подразумевая себя и тех, для кого немецкий язык является родным: «мы уже знаем» («wie wir schon wissen»), «наш немецкий язык» («unsere deutsche Sprache»), «мы находим» («wir finden»). Перевод же выдержан в форме от третьего лица, в нем часто встречаются формы императива, создающие интенцию наставления и назидания. Местоимение первого лица появляется только один раз в самом конце части о просодии, где автор русской версии советует всем, кто желает больше узнать об особенностях немецкого стихосложения, обратиться непосредственно к оригинальной и более пространной книге самого Готшеда. Таким образом, интенция автора в Грамматике Греча сводится преимущественно к наставлениям и рекомендациям.

Таким образом, адаптация и русский перевод Грамматики Готшеда были созданы с другими целями и для другой группы реципиентов, т. е. грамматика немецкого языка в ее русском переводе появилась в совершенно других социокультурных условиях, нежели оригинал. Если оригинальный труд являлся частью процесса борьбы за национальный язык и был пронизан идеей создания единого немецкого языка, то адаптированный вариант и перевод Греча стал элементом процессов европеизации русской культуры XVIII в. и действенным средством обучения языку, занимавшему столь важные позиции в разных сферах жизни того времени.

Заключение

Появление переводных грамматик по иностранным языкам в России XVIII в. было вызвано экстралингвистическими факторами господствовавшей в то время ситуации многоязычия и необходимостью изучения живых западноевропейских языков. Проанализированные переводы демонстрируют свободное отношение

к тексту оригинала и перевода, существовавшее в то время. Грамматика Теплова заставляет задуматься о целом ряде не до конца выясненных вопросов — невозможно с полной уверенностью утверждать, с какого именно текста был сделан перевод:

- 1) была ли данная «Грамматика» переведена с немецкого перевода, сделанного Шпеком;
- 2) привлекалась ли еще Грамматика Рема, написанная по-немецки, если да, то в какой степени;
- 3) учитывался ли при этом оригинальный французский текст самого Ресто?

В случае с переводом «Грамматики» Готшеда имеет место явно интерпретирующий, адаптивный и вариативный характер самого перевода, продиктованный изменением авторской интенции и особенностями иноязычной целевой аудитории, что привело к осозанным деформациям, затрагивающим содержательную сторону переводного текста. В итоге можно сделать вывод о том, что различия между текстами оригинала и перевода восходят к различию социокультурных ситуаций, в которых появлялись и функционировали эти книги.

Литература

1. Kleine Enzyklopädie — Deutsche Sprache / Hrsg. v. W. Fleischer, G. Helbig, G. Lerchner. Frankfurt/M., Berlin, Bern u.a., 2001. 845 S.
2. Koch, K. Deutsch als Fremdsprache im Rußland des 18. Jahrhunderts. Ein Beitr. zur Geschichte des Fremdsprachenlernens in Europa u. zu den deutsch-russischen Beziehungen. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 2002. S. 237.
3. Комиссаров, В. Н. Слово о переводе (очерк лингвистического учения о переводе). М.: Международные отношения, 1973. 216 с.
4. Швейцер, А. Д. Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты. М.: Наука, 1988. 215 с.
5. Жеребило, Т. В. Термины и понятия лингвистики. Словарь-справочник лингвистических терминов. М., 2011. 280 с.
6. Найда, Ю. Наука переводить // Вопросы языкознания. № 4. М.: Мысль, 1970. С. 56–67.
7. Руднев, Д. В. Книгоиздательская деятельность кадетских корпусов в XVIII веке (на материалах типографии Морского шляхетного кадетского корпуса): дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2013. С. 108–110.
8. Ломоносов, М. В. Проект регламента Академической гимназии. 1758 марта 24 — мая 27 // Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений / АН СССР. М.; Л., 1950–1983. С. 443–460.

9. Кислова, Е.И. Немецкий язык в русских семинариях XVIII века: из истории культурных контактов // Вестник ПСТГУ III: Филология 2015. Вып. 1 (41). С. 53–70.

10. Gottsched, J.Ch. Grundlegung einer Deutschen Sprachkunst. Nach den Mustern der besten Schriftsteller des vorigen und jetzigen Jahrhunderts abgefasst. Leipzig, 1748. 579 S.

References

1. *Kleine Enzyklopädie — Deutsche Sprache*. Hrsg. von W. Fleischer, G. Helbig, G. Lerchner. Frankfurt on M., Berlin, Bern, Bruxelles, New York, Oxford, Wien, 2001. 845 p.

2. Koch, K. *Deutsch als Fremdsprache im Rußland des 18. Jahrhunderts. Ein Beitr. zur Geschichte des Fremdsprachenlernens in Europa u. zu den deutsch-russischen Beziehungen*. Berlin, New York, Walter de Gruyter, 2002. 237 p.

3. Komissarov, V.N. *Slovo o perevode (oчерk lingvističeskogo učeniiia o perevode)* [A word about the translation. Essey liguistic doctrine of translation]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniia, 1973. 216 p. (In Russian)

4. Shvejcer, A. D. *Teoriia perevoda: Status, problemy, aspekty* [Theory of translation: status, problems, aspects]. Moscow, Nauka Publ., 1988. 215 p. (In Russian)

5. Zherebilo, T.V. *Terminy i poniatiiia lingvistiki. Slovar'-spravochnik lingvističeskikh terminov* [Terms and concepts of linguistics. Dictionary of linguistic terms]. Moscow, 2011. 280 p. (In Russian)

6. Najda, Yu. *Nauka perevodit'* [The science of translating]. *Voprosy iazykoznaniiia*, 1970, no. 4. Moscow, Mysl', 1970, pp. 56–67. (In Russian)

7. Rudnev, D.V. *Knigoizdatel'skaia deiatel'nost' kadetskikh korpusov v XVIII veke (na materialakh tipografii Morskogo shliakhetnogo kadetskogo korpusa)* [Publishing activity on the cadet corps in the 18th century on the material of the printing of the gentry Sea cadet corps]. PhD diss. St. Peterburg, 2013, pp. 108–110. (In Russian)

8. Lomonosov, M.V. *Proekt reglamenta Akademicheskoi gimnazii. 1758 marta 24 — maia 27* [Project of regulation of academic gymnasium of March 24 1758 — May 27]. Lomonosov M. V. *Polnoe sobranie sochinenii*. Moscow, Leningrad, 1950–1983, pp. 443–460. (In Russian)

9. Kislova, E. I. *Nemetskii iazyk v russkikh seminariiakh XVIII veka: iz istorii kul'turnykh kontaktov* [The German languages in Russian seminaries : from the history of Russian contacts]. *Vestnik PSTGU III: Filology*, 2015, issue 1 (41), pp. 53–70. (In Russian)

10. Gottsched, J.Ch. *Grundlegung einer Deutschen Sprachkunst. Nach den Mustern der besten Schriftsteller des vorigen und jetzigen Jahrhunderts abgefasst*. Leipzig, 1748. 579 p.

Филиппов Константин Анатольевич

доктор филологических наук, профессор кафедры немецкой филологии СПбГУ
Адрес: Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9.

Konstantin A. Filippov

Doctor of Philological Sciences, Professor of German Philology Department,
St. Petersburg State University
Address: 7–9, Universitetskaya emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation.

E-mail: k-fili@mail.ru

Пригорьева Любовь Николаевна

кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии СПбГУ
Адрес: Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9.

Lyubov' N. Grigor'eva

Doctor of Philological Sciences (PhD), Associate Professor of German Philology
Department, St. Petersburg State University
Address: 7–9, Universitetskaya emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation.

E-mail: lng@mail.wplus.net

IV. РЕЦЕНЗИЯ

Г. А. БАЕВА

Санкт-Петербургский государственный университет

Рецензия на книгу: Damaris Nübling, Antje Dammel, Janet Duke, Renata Szczepaniak „Historische Sprachwissenschaft des Deutschen. Eine Einführung in die Prinzipien des Sprachwandels. 4. komplett überarbeitete und erweiterte Auflage. Tübingen: Narr Francke Verlag, 2013. 356 S. ISSN 0941–8105.

G. A. BAEVA

St. Petersburg State University

Book review: Damaris Nübling, Antje Dammel, Janet Duke, Renata Szczepaniak „Historische Sprachwissenschaft des Deutschen. Eine Einführung in die Prinzipien des Sprachwandels. 4. komplett überarbeitete und erweiterte Auflage. Tübingen: Narr Francke Verlag, 2013. 356 S. ISSN 0941–8105.

Рецензируемая книга, предназначенная в первую очередь для студентов-германистов, издается уже в четвертый раз (первое издание вышло в 2006, затем в 2008 и 2010 гг.) и каждый раз подвергается значительной переработке, обновляется и расширяется за счет дополнительных разделов и глав, которые содержат новейшую информацию из современных исследовательских работ. Объем последнего издания увеличен более чем на 50 страниц.

Книга состоит из двух частей. После краткого введения, в котором, помимо важного для учебника по историческим изменениям вопроса о периодизации истории немецкого языка, содержится параграф о том, как пользоваться книгой, и краткий обзор рекомендованной авторами литературы, который в нашем представлении можно было бы назвать обязательной, основополагающей литературой, необходимой для проработки до этапа знакомства с книгой.

Первая часть книги «Уровни языковых изменений» состоит из 8 разделов, в которых последовательно описываются основные диахронические изменения на фонологическом, морфологическом, синтаксическом, семантическом, лексическом, прагматическом,

текстуальном и графематическом уровнях. Именно такой порядок рассмотрения выбирают авторы, что в общем и целом логично, за исключением названного последним графематического уровня, который, на наш взгляд, правильнее было бы разместить после описания изменений на фонологическом уровне. Особенность этой части, как и всего учебника в целом, заключается в том, что основу анализа составляют единицы современного немецкого языка, которые рассматриваются в ретроспективе. Для авторов важно продемонстрировать не только и не столько историческое развитие той или иной конструкции, важно показать, когда, при каких условиях и почему произошли те или иные изменения. Например, происхождение и развитие суффикса *-bar*, развитие конструкции с препозитивным генитивом, формирование рамочной конструкции, написание существительных с большой буквы, появление конструкции типа *auf gut Glück*, *auf gut Deutsch*, особенности развития союза *weil*, изменения в глагольном управлении и т.п. Особого внимания заслуживают разделы («Fallstudie»), посвященные отдельным вопросам языковых изменений, например, развитию обозначений и пейоризации понятия *Frau* в немецком языке, развитию лексико-семантического поля обозначений родства, развитию форм вежливого обращения, формированию модальных частиц, диахроническим изменениям в речевом акте «Прощание» и т.д. В качестве примеров формирования типа текста приводится развитие некрологов и кулинарных рецептов.

Раздел «Межуровневые языковые изменения» включает в себя описание изменений, происходящих по аналогии и ведущих к грамматикализации, например, умлаута, показателей множественного числа существительных, форм слабого прошедшего с суффиксом *-te*, формирования будущего времени с глаголом *werden*, возникновения и развития причинных и уступительных союзов и т.п. Особый интерес здесь представляет анализ скачкообразного изменения значения союза *weil* в современном немецком языке. Из союза, обозначающего причину, он в известных случаях превращается в союз, соединяющий эпистемические высказывания как результат наших размышлений о причине происшедшего. В немецком языке это изменение значения союза четко фиксируется словорасположением в придаточной части, в которой используется порядок слов самостоятельного предложения.

Каждый раздел заканчивается обобщением и списком литературы для расширения и углубления знаний («Zum Weiterlesen»). В конце книги дается предметный указатель и обширный список литературы на немецком и английском языках, занимающий 25 страниц.

Подводя итог, можно сказать, что перед нами очень современный учебник, объединяющий в себе не только факты исторического развития немецкого языка, но и учитывающий широкий социокультурный контекст, под влиянием которого происходило формирование и развитие тех или иных языковых фактов.

Баева Галина Андреевна

доктор филологических наук, профессор кафедры немецкой филологии СПбГУ
Адрес: Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9.

Galina A. Baeva

Doctor of Philological Sciences, Professor of German Philology Department,
St. Petersburg State University
Address: 7–9, Universitetskaya emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation.

E-mail: baevaga@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	5
------------------	---

I. КОНСТАНТНОСТЬ И ВАРИАТИВНОСТЬ В ОРГАНИЗАЦИИ ТЕКСТОВ РАЗНЫХ ТИПОВ: СИНХРОНИЯ И ДИАХРОНИЯ

<i>Franz Simmler</i> KONSTANZ UND VARIABILITÄT IN DER TRADITION DER TEXTSORTEN, REICHSGERICHTSORDNUNG' VON A. 1471 BIS A. 1521	8
<i>Г. С. Москалюк</i> КОНСТАНТНЫЕ И ВАРИАТИВНЫЕ ПРИЗНАКИ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ КУЛИНАРНЫХ РЕЦЕПТОВ XIV–XVI ВВ.	30
<i>Д. Е. Нифонтова</i> КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКАЯ И СТРУКТУРНО-СМЫСЛОВАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ТИПА ТЕКСТА «ПУТЕВЫЕ ЗАМЕТКИ» НА РУБЕЖЕ XVII– XVIII ВЕКОВ (НА ПРИМЕРЕ „DES JÄGERMEISTERS FRIEDRICH VON GRAMS REISEBERICHT AN DEN GROSSEN BELT 1684“)	44
<i>М. А. Олейник</i> СПЕЦИФИКА ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТИ В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ ТЕКСТАХ XVI ВЕКА	56
<i>И. А. Вороновская</i> КОММУНИКАТИВНО-СМЫСЛОВЫЕ БЛОКИ АВТОРСКОГО ПРЕДИСЛОВИЯ И ИХ ВАРИАТИВНОСТЬ (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ МОНОГРАФИЙ ПО ЛИНГВИСТИКЕ).....	65

II. ЯЗЫКОВЫЕ ЕДИНИЦЫ И ИХ ТЕКСТОВЫЕ ФУНКЦИИ

<i>Г. А. Баева</i> ФОРМУЛЬНОСТЬ ВВОДА ПРЯМОЙ РЕЧИ В СРЕДНЕВЕРХНЕНЕМЕЦКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ	78
<i>Н. В. Понамарева</i> О СТЕРЕОТИПНОСТИ КОНСТРУКЦИЙ ВВОДА ПЕРСОНАЖНОЙ КОММУНИКАЦИИ В НЕМЕЦКОМ ПРОЗАИЧЕСКОМ РОМАНЕ XV–XVI ВЕКОВ	89
<i>Л. Ф. Бирр-Цуркан</i> ИЗОБРАЖЕНИЕ ЭМОЦИЙ В РОМАНЕ „ЭРЕК“ ХАРТМАНА ФОН АУЭ.....	100
<i>Е. С. Тихонова</i> ОБРАЗНЫЕ СРАВНЕНИЯ С ТЕМПОРАЛЬНЫМИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫМИ В СРЕДНЕВЕРХНЕНЕМЕЦКОМ РЫЦАРСКОМ РОМАНЕ И ЭПОСЕ	109

III. ВАРИАТИВНОСТЬ ЕДИНИЦ РАЗНОГО УРОВНЯ

<i>Н. А. Бондарко</i> НИЖНЕАЛЕМАННСКИЕ ДИАЛЕКТНЫЕ ЧЕРТЫ В ЭЛЬЗАССКИХ РУКОПИСЯХ XV–XVI ВЕКОВ: КОНСТАНТНОСТЬ И ВАРИАТИВНОСТЬ	120
<i>А. В. Елисеева</i> ИНОСТРАННОЕ СЛОВО КАК ЯЗЫКОВАЯ КОНСТАНТА С ПЕРЕМЕННЫМИ ФУНКЦИЯМИ (НА МАТЕРИАЛЕ КНИГИ КАТИ ПЕТРОВСКОЙ «ВОЗМОЖНО, ЭСТЕР»).....	143
<i>Т. В. Пономарева, С. А. Жилюк</i> ИСТОРИЧЕСКАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ НАИМЕНОВАНИЯ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ В СФЕРЕ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ТРАНСПОРТА.....	155
<i>В. П. Земскова</i> КРУГОВОРОТ ЭВФЕМИЗМОВ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ	167
<i>Е. А. Ковтунова</i> ВАРИАНТНОСТЬ НЕМЕЦКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ СПЕЦИАЛЬНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ.....	174
<i>А. В. Мельгунова</i> ВАРИАТИВНОСТЬ В КЛАССИФИКАЦИИ ИМЁН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ ПО РОДАМ.....	183
<i>Л. Я. Слина</i> СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНТАМИНАЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ: РЕГУЛЯРНОСТЬ И ВАРИАТИВНОСТЬ	193
<i>К. А. Филиппов, Л. Н. Григорьева</i> К ВОПРОСУ О ВАРИАТИВНОСТИ ПЕРЕВОДНЫХ ГРАММАТИК В РОССИИ XVIII ВЕКА.....	206

IV. РЕЦЕНЗИЯ

<i>Г. А. Баева</i> Рецензия на книгу: Damaris Nübling, Antje Dammel, Janet Duke, Renata Szczepaniak. Historische Sprachwissenschaft des Deutschen. Eine Einführung in die Prinzipien des Sprachwandels. 4. komplett überarbeitete und erweiterte Auflage. Tübingen: Narr Franke Verlag, 2013. 356 S.....	218
--	-----

TABLE OF CONTENTS

Foreword	5
----------------	---

I. CONSTANCE AND VARIATION OF TEXT-BUILDING OF DIFFERENT TYPES: SYNCHRONY AND DIACHRONY

<i>Franz Simmler</i> KONSTANZ UND VARIABILITÄT IN DER TRADITION DER TEXTSORTE, REICHSGERICHTSORDNUNG' VON A. 1471 BIS A. 1521	8
<i>G. S. Moskalyuk</i> CONSTANT AND VARIATIVE CHARACTERISTICS OF GERMAN COOKING RECIPES OF XIV-XVI CENTURIES	30
<i>D. E. Nifontova</i> COMMUNICATIVE-PRAGMATIC AND STRUCTURAL-SEMANTIC ORGANIZATION OF TEXT TYPE "TRAVEL REPORT" AT THE TURN OF 17 th AND 18 th CENTURY (BY THE EXAMPLE OF HUNTER FRIEDRICH VON GRAM'S TRAVEL REPORT ACROSS THE BIG BELT IN 1684)	44
<i>M. A. Oleynik</i> SPECIFICS OF THE INTERTEXTUALITY IN THE GERMAN TEXTS OF THE 16 th CENTURY	56
<i>I. A. Voronovskaya</i> COMMUNICATIVELY-SEMANTIC UNITS OF THE AUTHORIAL PREFACE AND THEIR VARIABILITY (BY THE EXAMPLE OF GERMAN LINGUISTIC MONOGRAPHS)	65

II. LINGUISTIC UNITS AND THEIR TEXTUAL FUNCTIONS

<i>G. A. Baeva</i> FORMULAIC WAY TO INTRODUCE DIRECT SPEECH IN MIDDLE GERMAN LITERATURE	78
<i>N. V. Ponamareva</i> ABOUT STEREOTYPE OF INQUIT FORMULAS IN THE GERMAN PROSE NOVEL OF THE 15 th -16 th CENTURIES	89
<i>L. F. Birr-Tsurkan</i> EXPRESSION OF EMOTIONS IN HARTMANN VON AUE'S NARRATIVE POEM „EREC“	100
<i>E. S. Tikhonova</i> SIMILES INCLUDING TEMPORAL NOUNS IN THE MIDDLE HIGH GERMAN COURTLY EPIC	109

III. VARIATION OF UNITS OF DIFFERENT GRADES

<i>N. A. Bondarko</i> LOW ALEMANNIC DIALECT FEATURES IN ALSATIAN MANUSCRIPTS OF THE 15TH-16TH CENTURIES: CONSTANTNESS AND VARIANCE.....	120
<i>A. V. Eliseeva</i> FOREIGN WORD AS A LANGUAGE CONSTANT WITH CHANGING FUNCTIONS (A CASE STUDY OF KATJA PETROWSKAJA'S BOOK "MAYBE ESTHER").....	143
<i>T. V. Ponomariova, S. A. Zhiliuk</i> NOMINATION VARIATION IN THE DEVELOPMENT OF GERMAN RAILWAYS LANGUAGE.....	155
<i>V. P. Zemskova</i> CIRCULATION OF EUPHEMISMS IN GERMAN LANGUAGE	167
<i>E. A. Kovtunova</i> THE VARIABILITY OF GERMAN PHRASEOLOGICAL UNITS OF A SPECIAL ORIGIN	174
<i>A. V. Melgunova</i> VARIABILITY IN THE GENDER CLASSIFICATION OF NOUNS	183
<i>L. Ya. Slinina</i> CONTAMINATION IN THE WORD FORMATION OF MODERN GERMAN LANGUAGE: REGULARITY AND VARIABILITY	193
<i>K. F. Filippov, L. N. Grigorieva</i> VARIATION OF TRANSLATED GRAMMAR BOOKS IN XVIII CENTURY IN RUSSIA.....	206

IV. REVIEW

<i>G. A. Baeva</i> Book review: Damaris Nübling, Antje Dammel, Janet Duke, Renata Szczepaniak. Historische Sprachwissenschaft des Deutschen. Eine Einführung in die Prinzipien des Sprachwandels. 4. komplett überarbeitete und erweiterte Auflage. Tübingen: Narr Franke Verlag, 2013. 356 S.....	218
--	-----

Научное издание

НЕМЕЦКАЯ ФИЛОЛОГИЯ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

Вып. VI

КОНСТАНТНОСТЬ И ВАРИАТИВНОСТЬ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Редактор *Е. П. Парфенова*
Компьютерная верстка *Ю. Ю. Тауриной*

Подписано в печать 03.04.2017. Формат 60×84¹/₁₆.
Усл.-печ. л. 13,02. Тираж 70 экз. Заказ № .

Издательство Санкт-Петербургского университета. 199004, С.-Петербург, В.О., 6-я линия, 11.

Тел. (812)328-96-17; факс (812)328-44-22 publishing@spbu.ru publishing.spbu.ru

Типография Издательства СПбГУ. 199034, С.-Петербург, Менделеевская линия, д. 5.